ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2026. Т. 71, № 3

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2026. Т. 71, № 3

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь, свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. Г. Гусаков – Институт системных исследований в АПК Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. Е. Гучок – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Постоянная комиссия по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Т. И. Довнар – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Д. В. Муха – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Международный университет МИТСО, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. Н. Ярмолинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

В. Г. Андреева – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук», Москва, Россия
П. У. Бакиров –Термезский государственный университет, Термез, Узбекистан
А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
С. Ю. Глазьев – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления», Комиссия по межнациональным и межконфессиональным отношениям Общественной палаты Союзного государства, Москва, Россия
Л. А. Маркина – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Всероссийское музейное объединение «Государственная Третьяковская галерея», Москва, Россия
Ю. А. Петров – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт российской истории Российской академии наук», Москва, Россия
А. В. Поляков – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории материальной культуры Российской академии наук», Санкт-Петербург, Россия
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Отделение общественных наук Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
О. Р. Хисамов – Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
Хэ Сюнвэй – Академия социальных наук провинции Цзянси, Наньчан, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2026. Т. 71, № 3.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 08.07.2026. Выход в свет 29.07.2026. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 56 экз. Заказ 136.
Цена номера: индивидуальная подписка – 16,33 руб., ведомственная подписка – 36,06 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2026

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2026, vol. 71, no. 3

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vladimir G. Gusakov – Institute of System Research in Agrikulture of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Deputy Chairman of the Standing Commission on Education, Culture and Science of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the of Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Denis V. Mukha – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – International University MITSO, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch "Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Alla S. Shamruk – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Veronika N. Yarmolinskaya – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

E d i t o r i a l C o u n c i l:

Valeria G. Andreeva – Federal State Budgetary Scientific Institution "A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia
Poyon U. Bakirov – Termez State University, Termez, Uzbekistan
Aleksandr N. Bulyko – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Sergey Yu. Glazyev – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State University named after M. V. Lomonosov", Moscow, Russia
Aleksei E. Daineko – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus
Vladimir A. Il`in – Federal State Budget Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Vologda, Russia
Sergey L. Kandybovich – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "State University of Management", Commission on Interethnic and Interfaith Relations of the Public Chamber of the Union State, Moscow, Russia
Ludmila A. Markina – Federal State Budgetary Institution of Culture "All-Russian Museum Association "State Tretyakov Gallery", Moscow, Russia
Yurii A. Petrov – Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia
Andrey V. Polyakov – Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences", Saint Petersburg, Russia
Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrei V. Smirnov – Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Oleg R. Khisamov – Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia
He Xionqwei – Jiangxi Provincial Academy of Social Sciences, Nanchang, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2026, vol. 71, no. 3.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *S. N. Kostsyuk*

Signed to print on 08.07.2026. Published on 29.07.2026. Format 60×84$^{1}/_{8}$. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 56 copies. Order 136.
Number price: individual subscription – BYN 16.33, departmental subscription – BYN 36.06.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2026

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Ли Юнцзе. Философско-антропологические основания китайского национального театра 183
Снисаренко К. Л. Иммиграционный вопрос во Франции в контексте миграционной политики 1974–2006 гг. 190

ГІСТОРЫЯ

Авласович А. М. Укрепленные поселения железного века – раннего средневековья Могилевского Поднепровья: топография, типология и культурная атрибуция 202

МОВАЗНАЎСТВА

Голубева В. К. Соотносительность разных функций у наречий с переменной сферой действия..... 218

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Квилинкова Е. Н. Особенности этнокультурной идентичности белорусских татар через содержание образов «Свой» – «Другой» 230

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Бараноўскі А. А. Тэкст – паратэкст: аўтарскія стратэгіі і сэнсы..... 242

ПРАВА

Ярмоц Е. Н. Этический статус судьи в Республике Беларусь 253

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Li Yongjie. Philosophical and anthropological foundations of the Chinese national theatre 183
Snisarenko K. L. Immigration issue in France in the context of migration policy 1974–2006 190

HISTORY

Avlasovich A. M. Fortified settlements of the iron age – early Middle Ages in the Mogilev Dnieper region: topography, typology and cultural attribution 202

LINGUISTICS

Golubeva V. K. Relationship of different functions of adverbs with floating scope 218

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Kvilinkova E. N. Features of ethnocultural identity of Belarusian Tatars through the content of the images of "Own" – "Other" 230

LITERARY SCIENCE

Baranouski A. A. Text – paratext: author's strategies and meanings 242

LAW

Yarmats E. M. Ethical status of a judge in the Republic of Belarus 253

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 130.2+792.9
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-183-189

Поступила в редакцию 30.12.2025
Received 30.12.2025

Ли Юнцзе

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА

Аннотация. Статья посвящена анализу философско-антропологических оснований традиционного китайского национального театра, которые формировались в рамках уникального культурного и мировоззренческого контекста. Исследуются такие ключевые категории, как ритуальность, символическая телесность актёра, ритмическая организация действия, визуальная кодированность и пространственная символика, подчёркивается их связь с конфуцианскими, даосскими и буддийскими традициями. В отличие от европейской театральной парадигмы китайский театр рассматривается не как миметическое воспроизведение реальности, а как сложная семиотическая система, направленная на передачу культурных архетипов и коллективной памяти.

Ключевые слова: китайский национальный театр, философско-антропологические основания, культурный код, философия культуры, семиотика театра, традиционная китайская эстетика

Для цитирования: Ли Юнцзе. Философско-антропологические основания китайского национального театра / Ли Юнцзе // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 3. – С. 183–189. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-183-189

Li Yongjie

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE CHINESE NATIONAL THEATRE

Abstract. The article presents the analysis of the philosophical and anthropological foundations of the traditional Chinese national theater, which were formed within the framework of a unique cultural and ideological context. Key categories such as ritualism, symbolic physicality of the actor, rhythmic organization of the action, visual coding and spatial symbolism are explored, emphasizing their connection with Confucian, Taoist and Buddhist traditions. Unlike the European theatrical paradigm, Chinese theater is considered not as a mimetic reproduction of reality, but as a complex semiotic system aimed at transmitting cultural archetypes and collective memory.

Keywords: Chinese national theatre, philosophical and anthropological foundations, cultural code, philosophy of culture, semiotics of theatre, traditional Chinese aesthetics

For citation: Li Yongjie. Philosophical and anthropological foundations of the Chinese national theatre. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 3, pp. 183–189 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-183-189

Введение. Театральная эстетика Китая формировалась на протяжении столетий в рамках уникального культурно-философского контекста, глубоко отличающегося от европейского. В основе китайского театрального действия лежит не миметическая репрезентация действительности, а воплощение определённой системы ценностей, мировоззренческих установок и эстетических идеалов. Центральными категориями здесь выступают не столько сюжет и «действие», в европейском понимании, сколько жест, ритм, телесное выражение состояния и символическая насыщенность каждого элемента сценического языка. Эти элементы складываются в целостную

© Ли Юнцзе, 2026

антропологическую матрицу, в которой тело и дух артиста, пространство и звук, костюм и взгляд образуют сложную систему знаков. Именно в ней и раскрываются ключевые эстетические категории.

Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к межкультурному диалогу и необходимостью глубокого понимания восточных эстетическо-антропологических традиций.

Цель исследования – систематизировать основные антропологические основания китайского театра и раскрыть их философскую основу.

Результаты исследования. Категория «Мэй» (美) – одна из фундаментальных в традиционной китайской эстетике. Она неразрывно связана с понятием гармонии (和, *хэ*), а также с идеей соразмерности, упорядоченности и ритуального начала. В отличие от европейской традиции, где «прекрасное» часто противопоставляется «уродливому» или «грозному», в китайской мысли красота – это прежде всего проявление космического порядка. Как отмечал философ Лао-Цзы, «красота рождается тогда, когда вещи находятся в надлежащем отношении друг к другу» [1, с. 101].

В театре эта идея реализуется в организации пространства, точной выверенности движений актёра, музыкальной ритмике, композиции сценического образа. В особенности это относится к жанрам, где визуальный код доминирует над повествовательным. Знаменитое правило «живописного тела» (形美) в актёрской школе цзиньцзюй (京剧) предполагает, что каждое движение должно быть не просто функциональным, но «красивым по форме», т. е. соответствующим определённому идеалу красоты, уходящему корнями в древнюю философию.

Жест (程式, *чэнши*) в китайском театре – не просто физическое действие, но знаковый элемент, символ, выражающий сложную систему межличностных, социальных и метафизических отношений. Каждый жест – не импровизация, а тщательно выверенный знак, который раскрывает характер персонажа, его эмоции и социальный статус. Именно поэтому китайский театр требует от актера не только технического мастерства, но и глубокого понимания символики и традиций, передающихся из поколения в поколение. Такая система телесной выразительности была подробно описана в трактатах о театре начиная с эпохи Мин, где внимание уделялось как формальному коду жестов, так и их внутренней наполненности.

Среди наиболее известных примеров – канонические жесты траура, радости, страха или восторга, каждый из которых имеет точную формулу исполнения. Например, жест удивления в цзиньцзюй выполняется как двойное поднятие бровей, медленный поворот головы и сдержанный вздох. Этот элемент, будучи визуально лаконичным, обладает огромной выразительной силой именно потому, что зритель обучен «читать» этот жест как знак, а не как спонтанную эмоцию. Здесь уместна параллель с идеей М. Бахтина о «телесности как границе между внутренним и внешним» [2, с. 314]. В китайской театральной практике жест становится точкой встречи личного переживания и культурной нормы. Его условность – не недостаток, а достоинство. Как подчёркивает Ван Гожуй, «тело актёра – это орган ритуального языка, где душа говорит посредством формы» [3, с. 91].

Ритм (节奏, *цзецзо*) в китайском театре также имеет первостепенное значение. Он определяет не только музыкальное сопровождение, но и структуру речи, пластики, дыхания актёра. Ритм связан не с темпоральной протяжённостью как таковой, а с организацией времени как эстетической категории. По словам Ю. М. Лотмана, «ритм – это способ упорядочения времени, придающий смысл последовательности событий» [4, с. 199]. В китайском театре ритм выступает также в роли коммуникативной структуры. Пауза, акцент, ускорение или замедление движения – это всё элементы «языка действия», встроенного в синтаксис спектакля. Музыкальный ритм сочетается с пластическим и речевым, образуя многослойную систему взаимодействия.

Таким образом, китайский театр не просто репрезентирует реальность, он формирует её особым способом – через ритуал, тело, ритм и жест как эстетические и антропологические категории. Эти элементы составляют уникальную знаковую систему, в которой каждый компонент – от формы движения до цвета костюма – работает как знак в сложной и самодостаточной структуре. Эстетика здесь тесно связана с культурфилософией, и, как писал Р. Барт, «тело – это текст, где общество оставляет свои знаки» [5, с. 175]. Продолжая эту мысль, следует отметить, что китайский театр – это тело культуры, говорящей с нами через поэзию жеста и музыку смысла.

Поэтому в рамках экспликации основных антропологических оснований китайского театра необходимо рассмотреть категорию телесности. Телесность китайского актёра – это особый феномен, находящийся на пересечении эстетики, ритуала и культурной антропологии. В китайском театре тело не является телом «естественным», оно преображено, дисциплинировано, символизировано. Такое отношение к телу формировалось под влиянием конфуцианской идеи «воспитания тела» (修身, *сюйшэнь*) и даосского представления о теле как сосуде потока энергии *ци* (气). В работе Э. Барбы антропологический театр определяется как «пространство, где тело становится носителем символического действия» [6, с. 88]. Китайская сцена в этом смысле – пространство абсолютного контроля. Мимика, жест, поворот головы, изгиб кисти – результат долгих лет тренировки и практики, в процессе которых тело артиста становится «читаемым», как текст. Важное значение имеют идеи Х.-Г. Гадамера, который в труде «Истина и метод» обосновал принцип «истории эффекта», подчеркивающий динамику интерпретации традиционных форм искусства в меняющихся культурных условиях [7]. Этот подход помогает проследить, как восприятие китайского театра трансформировалось в разные эпохи. Дополнительный инструментарий предлагает П. Рикёр в работе «Конфликт интерпретаций», рассматривающий множественность смыслов в культурных текстах [8]. Его концепция «герменевтики подозрения» применима к анализу китайских пьес, где за внешней фабулой часто скрываются конфуцианские, даосские или буддийские подтексты.

Одними из фундаментальных эстетико-антропологических различий между западной и китайской театральными традициями являются природа актерского мастерства и его философская нагрузка. В китайском театре актёр никогда не отождествлялся полностью с персонажем, как это было, начиная с европейской традиции поздней античности и особенно в рамках реалистической школы XIX века. Он выступал, скорее, как медиатор между образным кодом культуры, ритуалом и зрительским сознанием. Отсюда и особая природа актерского мастерства, и эстетика выразительности, подчинённая не миметическому принципу, а структурной символике.

По словам театроведа Р. Шехнера, «тело актёра – это не “натура”, а “текст”» – совокупность знаков, читаемых по культурному коду, накопленному за столетия [9, с. 61]. Это утверждение напрямую коррелирует с идеями Ю. М. Лотмана, который указывал, что «искусство не воспроизводит реальность, но создаёт вторичные моделирующие системы» [4, с. 202]. Таким образом, телесная экспрессия в китайском театре – это язык, а актёр – «носитель грамматики», подчиняющийся правилам представления.

Важнейшими компонентами этого языка являются так называемые «четыре навыка» (四功, *сы гун*): пение (唱, *чан*), речь (念, *нянь*), мимика (做, *цзо*) и акробатика / движение (打, *да*), а также «пять методов» (五法, *у фа*): движения рук, глаз, туловища, шагов и прически. Эти элементы не столько передают эмоцию напрямую, сколько задают жесткую структуру знаков, через которую эмоция «пропущена», как через фильтр. Например, символическое выражение печали может включать не мимику скорби, а определённый наклон головы, поворот тела и интонацию, известную зрителю по кодифицированной системе.

Как отмечает французский театровед Ж. Легран, «китайская театральная игра строится не на логике правдоподобия, а на логике узнаваемости – актёр не переживает роль, он приводит в движение фигуру» [10, с. 24]. Такая установка восходит к даосскому принципу «недеяния» (无为, *у вэй*), предполагающему минимизацию прямого усилия, отказ от «насилия» над материей. Актёр китайской сцены не должен «играть», он должен «позволить» роли проявиться через форму. Эта идея перекликается с положениями дзэн-буддизма, проникшего в театр во времена Тан и Сун, и с философией «пу» (樸) – «неотёсанного дерева», означающего природную, непредвзятую форму.

Важно отметить, что в китайской театральной традиции персонаж не обязан быть внутренне проработанным с точки зрения логики эмоций, гораздо важнее его архетипическая, типологическая природа. Поэтому так велика роль грима (脸谱, *ляньпу*) и костюма как самостоятельных выразительных систем. Грим не «украшает» лицо, а «пишет» его, где каждый цвет, форма бровей, длина усов – знаки, фиксирующие моральную, социальную, поведенческую типологию героя. По словам исследователя Юй Хуаня, «грим актёра не обманывает, он предупреждает – он не имитирует, а маркирует» [11, с. 161].

Именно в этом смысле китайская театральная традиция может быть рассмотрена через призму эстетико-антропологического подхода как система воспроизводства и передачи культурных архетипов посредством ритуализированной телесности. Такой подход перекликается с идеями Э. Кассирера, понимающего искусство как «символическую форму» [12], и М. Бахтина, говорящего о теле как «месте смыслообразования» [2]. Телесность китайского актёра – это не частное тело, а тело-архетип, тело-сцена, тело-космос.

Еще одной важной эстетической категорией китайского театра выступает пространство, которое является не только физической площадкой для сценического действия. Оно мыслится как сакральное, эстетически кодифицированное и антропологически значимое пространство, в котором театральный акт становится неотъемлемой частью ритуального порядка. Традиционная китайская театральная сцена – будь то придворный театр династии Мин, храмовая площадка или временное сооружение в деревне – представляет собой модель упорядоченного мира. Пространство разделено символически, а не реалистически. Важным элементом является отсутствие «четвёртой стены» – сцена всегда открыта зрителю, а граница между сценическим и зрительским пространством подвижна. Это отражает философскую установку на диалогичность мира, где человек (зритель) и действие (ритуал, представление) находятся в прямой взаимосвязи.

Как писал Ю. М. Лотман, «искусство существует как организованное пространство, наделённое внутренними законами, которые при этом отсылают к внешнему культурному коду» [4, с. 199]. Китайская сцена организована именно таким образом, её структура задаёт особый тип восприятия и интерпретации. Например, левый и правый край сцены в китайском театре часто символизируют движение от одного измерения к другому – от прошлого к будущему, от «человеческого» к «божественному». Ключевым пространственным элементом становится центральная площадка – чжунтан (中堂), буквально «средняя зала», где разворачивается основное действие. Сцена – это театр-алтарь, в котором актёр исполняет не только роль, но и жертвенный обряд, вплетённый в культурный текст.

Декорации в китайском традиционном театре минималистичны, но чрезвычайно значимы. Один стол и два стула могут обозначать и тронный зал, и хижину отшельника, и поле битвы. Этому соответствует даосская идея «пустоты как формы» (无为之形), согласно которой истинная форма рождается не из избыточного наполнения, а из потенциала воображения. Такая экономия средств требует от зрителя культурной подготовки, способности «читать» пространство как текст. Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» подчёркивает, что «предметы в культуре могут функционировать как знаки, даже если они физически отсутствуют» [13, с. 168]. Китайская сценография строится именно на этом принципе – материальный объект здесь всегда более чем сам по себе, он – символ, знак, указатель.

Цветовая символика также играет существенную роль. Красный – символ благополучия и власти, чёрный – честности и строгости, белый – смерти и траура. Эти элементы формируют визуально-семантическую карту спектакля, где каждый цвет, каждый предмет несёт на себе отпечаток культурного кода.

Кроме того, сценическое пространство организовано с учётом китайской космологии – система инь-ян (阴阳) и учение о пяти первоэлементах (*у синг*, 五行) также находят своё отражение в сценической организации. Например, традиционные постановки могут начинаться с движения, имитирующего восход солнца (начало ян), а завершаться замедлением, олицетворяющим наступление инь.

Одним из ключевых аспектов китайской театральной сцены является её связь с ритуалом. Исторически театр в Китае был тесно связан с культовыми практиками – храмовые представления, посвящённые божествам, праздничные выступления в честь духов-хранителей, импровизированные спектакли на сельских праздниках. Театральная сцена в таких случаях выполняла не только развлекательную, но и сакральную функцию – она становилась пространством общения между человеческим и божественным мирами.

Э. Барба отмечал: «ритуал – это драма, и драма – это ритуал» [6, с. 182]. Китайский театр воплощает это единство наиболее полно. Структура спектакля, его цикличность, повторяемость жестов, наличие канонических формул поведения – всё это делает театральное действие частью коллек-

тивного культурного обряда. Особенно это выражено в жанре шэндуйси (神祷戏) – «театр молитвы к духам», где актёр буквально становится медиумом между общиной и божественным началом. Такое понимание театральной сцены как сакрального пространства находит подтверждение и в философии. Согласно Чжун Линь, «ритуал формирует порядок, но этот порядок не только внешний – он касается сердца» [14, с. 188]. В этом контексте театральная сцена – это место, где происходит одновременное формирование внешнего порядка действия и внутреннего порядка смысла.

Пространство театра в Китае – это также пространство памяти. Оно «хранит» в себе древние формы действия, типажи, схемы движения и слов, которые передаются от поколения к поколению. Сцена становится своего рода культурным архивом, в котором репетируются и реконструируются модели поведения, эстетические нормы, социальные и моральные образы. Как писал М. Хальбвакс, «социальная память сохраняется в ритуалах, привычках, повторяющихся действиях» [15, с. 92]. Такой подход укоренён и в китайской эстетике, где категория «традиции» (传统, *чуаньтун*) не противопоставляется новизне, а включает её в систему преемственности. Пространство сцены, где разворачиваются эти формы, становится не просто фоном, а участником культурного диалога между прошлым и настоящим.

Таким образом, сценическое пространство китайского театра следует понимать не только как физическую или архитектурную конструкцию, но прежде всего как культурно-семиотическую и эстетическую форму. Оно воплощает в себе философские идеи порядка, ритуала, символической репрезентации и коллективной памяти. Сцена – это не просто место действия, а «вещь, наполненная смыслом», по выражению Р. Барта, структура, в которой тело, жест, объект и зритель сливаются в единое ритуально-эстетическое поле. В этом и заключается уникальность китайского театра: его сцена – это нечто большее, чем декорация. Это культурное зеркало, в котором отражается целая цивилизация.

Эстетика традиционного китайского театра представляет собой целостную семиотическую систему, базирующуюся на культурно-философских основаниях, глубоко отличных от европейской театральной парадигмы. В центре этой системы находится не имитация реальности, а создание символического пространства, в котором сценическое действие воплощает ценности, ритуалы и архетипы китайской цивилизации. Проведенный анализ позволяет выделить и систематизировать основные эстетико-антропологические принципы, определяющие театральную практику в Китае.

1. ***Принцип ритуальности и символической репрезентации.*** Одним из краеугольных эстетических оснований китайского театра является ритуальность, связывающая сценическое действие с религиозными и сакральными традициями. Сцена в этом контексте мыслится не как имитация жизни, а как сакральное пространство, где осуществляется передача смысла через повторение форм.

2. ***Принцип телесной знаковости.*** Телесность актёра в китайском театре структурирована как система знаков. Движения, мимика, пластика – всё подчинено строгой кодификации и не направлено на передачу спонтанной эмоции, а на воспроизведение культурно узнаваемых форм. Такой подход сближает китайскую сцену с антропологической моделью, где актёр не выражает, а интерпретирует замысел автора.

3. ***Принцип ритмической организации времени.*** Ритм в китайском театре – не просто элемент музыкального сопровождения, но структурообразующий принцип сценического действия, регулирующий интонацию речи, темп движения, ритмику дыхания и модулирующий восприятие зрителя.

4. ***Принцип эстетической упорядоченности (гармонии).*** Категория 美 (мэй, «прекрасное») – фундамент традиционной китайской эстетики. Она не противопоставляется безобразному, а соотносится с идеей гармонии (和, хэ), меры и ритуальной упорядоченности. Красота понимается как выражение космического баланса и правильного соразмерного расположения элементов. Этот принцип проявляется в телесной симметрии, музыкальной структуре, цветовом коде и пространственной организации спектакля.

5. ***Принцип визуальной кодированности.*** Знаковая природа китайского театра особенно ярко проявляется в визуальном языке – от грима (脸谱, *ляньпу*) до цвета костюма и положения тела.

Каждый элемент несёт фиксированную семантическую нагрузку: цвет лица сообщает зрителю о характере, статусе и намерениях персонажа, а движение тела указывает на его эмоциональное состояние и социальную роль.

6. ***Принцип сценической минималистичности***. Пространство в китайском театре не воспроизводит реалистическую среду, а символизирует её через минимальные элементы. Один стол и два стула могут обозначать дворец, гору или рыбацкую лодку. Это соответствует даосскому принципу «пустоты как формы» (无为之形), предполагающему, что смысл рождается не из избыточности, а из потенциала воображения. Пространство здесь выступает как активный участник действия, структурированный согласно космологическим моделям инь-ян и пяти элементов.

7. ***Принцип перформативной передачи культурной памяти.*** Традиционный театр – это также механизм сохранения и трансляции культурной памяти. Устойчивость форм, повторяемость жестов, типизация персонажей – всё это превращает сцену в живой культурный архив.

На основании вышеизложенного философско-антропологические основания китайского национального театра имеют свои отличительные категории, которые представлены в таблице.

Категории философско-антропологических оснований китайского национального театра

Categories of philosophical and anthropological foundations of the Chinese national theater

Антропологическое основание	Содержание	Ключевые категории
1. Ритуальность	Театр как сакральное действие, связанное с обрядом и традицией	礼 (ритуал), 神祷戏 – театр молитвы к духам
2. Телесная знаковость	Тело актёра как система кодов, выражающих роль, статус, эмоцию	程式 – жест как знак; 做 – выразительное действие
3. Ритмическая структура	Ритм как организующее начало речи, движения, сценического времени	节奏 – ритм; 间平话 – чередование пения и речи
4. Эстетическая упорядоченность	Красота как мера, порядок, гармония, а не индивидуальное выражение	美 – прекрасное; 和 – гармония, соответствие
5. Визуальная кодированность	Грим, цвет, костюм как знаки, определяющие типаж и смысл	脸谱 – цветовой грим; цвет = социальная роль
6. Пространственная символика	Сцена как модель мира: символична, минималистична, философски организована	中堂 – центральное пространство действия; 无为之形 – «пустота как форма» (даосский принцип); 阴阳 – дуальность; 五行 – система пяти элементов
7. Культурная преемственность	Повторяемость форм как способ сохранения архетипов и коллективной памяти	传统 – традиция; сценическая форма = архив культуры

Источник. Разработка автора на основе [3].

Заключение. Итак, китайский национальный театр формирует уникальную эстетическую систему, в которой ритуал, телесность, символ, звук и пространство сливаются в единую семиотическую структуру. Его принципы уходят корнями в философию, этику и космологию, а цель театрального действия – не в имитации реальности, а в восстановлении её символического порядка. Таким образом, китайская сцена выступает не как зеркало, а как архетип, форма, через которую культура познаёт саму себя.

Китайский театр – это форма коммуникации, основанная на перформативности. Здесь важно не то, что актёр говорит, а то, как он действует. Слово уступает жесту, а текст – форме. Эта тенденция роднит китайский театр с понятием «драматического ритуала», где каждое действие имеет экзистенциальную функцию. Перформативность китайского театра связана не только с телесностью, но и с музыкально-пластической структурой действия. Речь актёра часто напевна, движения – метричны, жесты – кодированы. Это создаёт эффект повторяемости, который, по словам Э. Барбы, «является основой ритуального действия как формы культурной коммуникации» [6, с. 120]. Сочетание конфуцианской ритуальности и даосской пластики создаёт уникальную эстетику китайского театрального зрелища – она формальная, но не застывшая; символичная, но адаптивная; воспитательная, но не поучающая.

Список использованных источников

1. Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин / Лао-Цзы; [пер. с кит. и коммент. В. В. Малявина]. – М.: АСТ, 2001. – 256 с.

2. Бахтин, М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – М.: Художеств. лит., 1990. – 543 с.

3. Ван Гожуй. Теоретические очерки китайской сценической эстетики / Ван Гожуй. – Пекин, 1999. – 211 с.

4. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история / Ю. М. Лотман. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 447 с.

5. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Р. Барт; сост., общ. ред. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1994. – 615 с.

6. Барба, Э. Бумажное каноэ: трактат о Театральной Антропологии / Э. Барба; пер. с фр. М. Александровской. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. акад. театр. искусства, 2008. – 303 с.

7. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики: пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер; общ. ред. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

8. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций = Le conflit des interpretations: очерки о герменевтике / П. Рикёр; пер. с фр. И. С. Вдовиной. – М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2002. – 624 с.

9. Шехнер, Р. Теория перформанса / Р. Шехнер; пер. с англ. А. Асланян. – М.: V-A-C Press, 2020. – 486 с.

10. Legrand, J. Théâtre chinois traditionnel / J. Legrand. – Paris: CNRS Éd., 2004. – 288 p.

11. Huang, Y. Performing the nation: state theatre and cultural politics in China / Y. Huang. – Hong Kong: Hong Kong Univ. Press, 2016. – 236 p.

12. Кассирер, Э. Философия символических форм: в 3 т. / Э. Кассирер; пер. с нем. С. А. Ромашко. – М.; СПб.: Унив. кн., 2002. – 3 т.

13. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2006. – 272 с.

14. Чжун Линь. Семиотика традиционного китайского театра / Чжун Линь. – Пекин, 2010. – 256 с.

15. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; [пер. с фр. С. Н. Зенкин]. – М.: Новое изд-во, 2007. – 346 с.

References

1. Laozi. *Tao Te Ching*. Moscow, AST Publ., 2001. 256 p. (in Russian).

2. Bakhtin M. *The Works of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 543 p. (in Russian).

3. Wang Guorui. *Theoretical essays on Chinese stage aesthetics.* Beijing, 1999. 211 p. (in Chinese).

4. Lotman Yu. M. *Inside thinking worlds: man-text-semiosphere-history.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 447 p. (in Russian).

5. Barthes R. *Selected works: Semiotics. Poetics.* Moscow, Progress Publ., 1994. 615 p. (in Russian).

6. Barba E. *Paper canoe: treatise on Theatrical Anthropology.* St. Petersburg, Publishing House of the St. Petersburg Academy of Theatre Art, 2008. 303 p. (in Russian).

7. Gadamer H.-G. *Truth and method: foundations of philosophical hermeneutics*. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (in Russian).

8. Ricoeur P. *The conflict of interpretations: essays in hermeneutics*. Moscow, Kanon-press-Ts: Kuchkovo pole Publ., 2002. 624 p. (in Russian).

9. Schechner R. *Performance theory*. Moscow, V-A-C Press, 2020. 486 p. (in Russian).

10. Legrand J. *Théâtre chinois traditionnel.* Paris, CNRS Éditions, 2004. 288 p. (in French).

11. Huang Y. *Performing the nation: state theatre and cultural politics in China.* Hong Kong, Hong Kong University Press, 2016. 236 p. (in Chinese).

12. Cassirer E. *The philosophy of symbolic forms: in 3 volumes*. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2002. 3 vol. (in Russian).

13. Baudrillard J. *The system of objects.* Moscow, Dobrosvet Publ., 2006. 272 p. (in Russian).

14. Zhong Lin. *Semiotics of traditional Chinese theater.* Beijing, 2010. 256 p. (in Chinese).

15. Halbwachs M. *Social frameworks of memory*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 346 p. (in Russian).

Информация об авторе

Ли Юнцзе – аспирант. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: 1454527205@qq.com. https://orcid.org/0009-0007-0494-1392

Information about the author

Li Yongjie – Postgraduate student, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: 1454527205@qq.com. https://orcid.org/0009-0007-0494-1392

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 325.14(44)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-190-201

Поступила в редакцию 05.05.2026
Received 05.05.2026

К. Л. Снисаренко

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ИММИГРАЦИОННЫЙ ВОПРОС ВО ФРАНЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ 1974–2006 гг.

Аннотация. Актуальность темы связана с ростом напряжённости в отношениях между автохтонным и аллохтонным населением европейских стран. Применение автором познавательного концепта «иммиграционный вопрос» позволило решить проблему сопоставления знаний, полученных в рамках различных научных направлений. Формирование иммиграционного вопроса во Франции проходило во время проведения политики ограничения иммиграции в 1974–2006 гг. Процесс иммиграции во Францию приобрёл всемирный и переселенческий характер. Социально-экономическую адаптацию аллохтонного населения осложняли снижение его экономической активности и безработица, социокультурную – его фактическая сегрегация в гетто «неблагополучных кварталов» городов Франции. Рост антииммигрантских настроений среди французов был обусловлен боязнью конкуренции на рынке труда и чувством разобщённости французской нации. В результате иммигранты стали меньше проявлять желание знать язык страны проживания, следовать её культурным традициям и правовым нормам. Принимающее общество стало рассматривать их преимущественно как чуждое население.

Применение познавательного концепта «иммиграционный вопрос» позволило выявить связи между трансформацией процесса иммиграции в страну, изменениями в адаптации иммигрантов к социальной среде принимающего общества и отношением французов к переселенцам. Явно проявился факт того, что изменения в иммиграции запускают процесс адаптации как аллохтонного, так и автохтонного населения государства. В таких условиях возникает необходимость применения активной социальной интеграции иммигрантов.

Ключевые слова: адаптация иммигрантов, иммиграционный вопрос, иммиграция, культурная дистанция, незаконная иммиграция, рынок труда, социальная интеграция иммигрантов, страна-реципиент

Для цитирования: Снисаренко, К. Л. Иммиграционный вопрос во Франции в контексте миграционной политики 1974–2006 гг. / К. Л. Снисаренко // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 3. – С. 190–201. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-190-201

Konstantin L. Snisarenko

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

IMMIGRATION ISSUE IN FRANCE IN THE CONTEXT OF MIGRATION POLICY 1974–2006

Abstract. The topic of this article is relevant because of growing tensions between native and immigrant populations in European countries. By using the analytical concept of "the immigration issue", the author compares insights from different academic fields. The development of the immigration question in France took place during the period of immigration restriction policies from 1974 to 2006. During this time, immigration to France became a global and migrant character. The socio-economic adaptation of immigrants was made harder by a decline in their economic activity and rising unemployment. Socio-cultural adaptation was complicated by segregation in the ghettos of France's "problem neighborhoods". The rise of anti-immigrant sentiment among the French was driven by fear of competition in the labor market and a sense that the French nation. As a result, immigrants became less willing to learn the local language follow cultural traditions, or respect legal norms. Host society started seeing them mostly as an alien population. Applying the cognitive concept of "the immigration issue" allowed us to identify connections between the transformation of the immigration process into the country, changes in immigrants' adaptation to the social environment of the host society, and the attitudes of the French toward immigrants. It became clean that changes in immigration trigger an adaptation process for both immigrants and the native population. In such a context active social integration of immigrants is essential.

Keywords: adaptation of immigrants, cultural distance, illegal immigration, immigration, immigration issue, labor market, recipient country, social integration

For citation: Snisarenko K. L. Immigration issue in France in the context of migration policy 1974–2006. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 3, pp. 190–201 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-190-201

© К. Л. Снисаренко, 2026

Введение. Актуальность заявленной темы связана с тем, что в большинстве современных государств Европы наблюдается рост напряжённости в отношениях между автохтонным (коренным) и аллохтонным (пришлым) населением. Его проявлением стала популярность среди избирателей политических партий, выступающих с антииммигрантскими лозунгами: «Альтернатива для Германии» (ФРГ), «Истинные финны» (Финляндия), «Национальное объединение» (Франция), Партия свободы (Нидерланды), «Шведские демократы» (Швеция).

Международная миграция вызвана неравномерностью развития стран мира и является частью процесса глобализации. На фоне общего старения коренного населения предпринимательские круги развитых европейских государств заинтересованы в привлечении иностранной рабочей силы. В то же время социально-экономические и социокультурные последствия международной миграции касаются всего общества. Этот факт определяет актуальность темы отношений с иммигрантами для политиков, непосредственно влияет на общественно-политическую устойчивость стран Европы.

Анализ отношений между автохтонным и аллохтонным населением в рамках одного государства представляет собой серьёзную научную проблему. Причину затруднений обозначил белорусский экономист Е. А. Западнюк: «Миграция населения является одним из немногих общественных явлений, которое выступает объектом исследования очень большого числа наук и изначально требует комплексного изучения» [1, с. 21]. Необходимость применения комплексного подхода сталкивается с трудностью сопоставления знаний, полученных в рамках различных научных направлений. Для решения данной проблемы автором предложен познавательный концепт «иммиграционный вопрос». Иммиграционный вопрос – проблема взаимоотношений принимающего общества и иммигрантов, связанная с изменениями в процессе иммиграции, трудностями в адаптации иммигрантов, особенностями восприятия их жителями страны-реципиента [2, с. 169]. Он имеет комплексный характер, который определяется содержательной и функциональной сторонами процесса иммиграции.

Содержательный аспект иммиграционного вопроса описал итальянский исследователь К. Коданьоне: «Иммиграция, вообще говоря, находится на перекрестке двух весьма различных политических семантик: основанной на экономических или функциональных проблемах и основанной на культуре, самобытности и традиции» [3, с. 21]. Экономические отношения и межкультурные связи являются основными характеристиками взаимодействия между иностранцами и принимающим обществом. Привлечение иммигрантов связано с недостатком рабочей силы на рынке труда, желанием деловых кругов снизить издержки, стремлением политического истеблишмента решить демографические проблемы. В то же время значительное влияние на отношения между аллохтонным и автохтонным населением оказывает степень различия культур – культурная дистанция. Чем она выше, тем сложнее процесс культурной адаптации и вероятнее конфликты на социокультурной почве.

Функциональная сторона иммиграционного вопроса связана с трансформацией иммигранта в гражданина государства. По мнению российского социолога В. И. Мукомеля, «иммиграционную политику, политики интеграции и натурализации можно рассматривать как последовательные стадии политики приема, обустройства и трансформации вчерашнего иммигранта в полноправного члена принимающего общества. Иногда они рассматриваются как составные единой политики в отношении иммигрантов» [4, с. 258]. Таким образом, предоставление гражданства иммигранту должно стать итогом его успешной адаптации и развития им социальных связей в новом месте проживания.

Понятие «иммиграционный вопрос» позволяет избежать распространенной ошибки, связанной с тем, что процесс иммиграции рассматривается непосредственной причиной изменений в миграционной политике. Правительства, как правило, имеют дело с его последствиями из-за потери времени на сбор и обработку статистической информации. В результате этого представление о желательности либо нежелательности присутствия на территории страны тех или иных иммигрантов презюмируется ими на основе уже имеющегося опыта и стереотипов. Это даёт основания полагать, что применение данного познавательного концепта позволит сформировать эффективные подходы к регулированию иммиграции.

Пример формирования иммиграционного вопроса во Франции взят на основании того, что данное государство является одним из старейших, принимающих международных мигрантов в Европе. Начало процессу иммиграции в неё положила Великая Французская революция. В XX в. привлечение внешних трудовых мигрантов было вызвано стремлением предпринимателей увеличить численность наёмных работников в условиях низкой рождаемости населения. Такое положение существовало до 1974 г., когда под влиянием «нефтяного шока» и волны преступлений на расистской почве французское правительство решило запретить долгосрочную внешнюю трудовую миграцию. С этого времени стала проводиться политика ограничения иммиграции, которая длилась до окончательного утверждения «Кодекса о въезде и пребывании иностранцев и праве на убежище» в 2006 г.

Введённые рестрикции содействовали снижению влияния процесса международной миграции на французское общество. Однако проблема государственного регулирования иммиграции за это время становилась всё более актуальной. Когда в 1974 г. решение о запрете долгосрочной внешней трудовой миграции сопровождалось кратким комментарием государственного секретаря по вопросам трудовых иммигрантов А. Постель-Винея, то в 2007 г. тема иммиграции обеспечила успех министра внутренних дел Н. Саркози на президентских выборах. Пример Франции свидетельствует о том, что актуальность проблемы иммиграции не связана напрямую с изменениями в процессе международной миграции в страну. Она отражает сложности во взаимоотношениях между принимающим обществом и иммигрантами.

Источниковой базой исследования стали данные и аналитические заключения сотрудников «Национального института демографических исследований» и «Национального института статистики и экономических исследований» – основных организаций Франции, специализирующихся на изучении демографических, экономических и социальных процессов. Также проанализирован ряд актов законодательства Французской Республики.

Историография проблемы представлена научными трудами французских, российских и белорусских авторов. Исследование французского экономиста Ж. Тапиноса «Экономика международной миграции» было осуществлено в рамках неоклассической экономической теории миграции [5]. В своём труде Ж. Тапинос обосновал кумулятивный характер внешней трудовой миграции. По его мнению, участие иностранных рабочих в экономике страны-реципиента запускает циклический процесс. За исключением случаев утечки мозгов, они занимают малооплачиваемые и непривлекательные для коренных жителей трудовые места, что позволяет нанимателям сохранять низкую оплату их труда. В долгосрочном плане работодатели снижают издержки производства, а внешние трудовые мигранты конкурируют между собой, а не с гражданами страны-реципиента. Нелегальная иммиграция усиливает данный процесс. Сегментация рынка труда ведёт к росту региональных дисбалансов внутри государства. Иммигранты стремятся в экономически развитые центры, но получают меньшие доходы и формируют в местах своего компактного расселения зоны бедности.

Первую попытку осмысления отношений между французами и иммигрантами осуществил французский историк Ж. Нуариель в работе «Французский плавильный котёл. История иммиграции XIX и XX веков» [6]. По его мнению, к началу массовой иммиграции во Францию в ней уже существовала устойчивая традиция государства-нации, которая игнорировала коллективные различия. По этой причине в течение долгого времени историки не отражали вклад иммигрантов в развитие французского общества. «Невидимости» пришлого населения страны содействовал либеральный подход к трудовым отношениям, ставящий во главу угла экономическую целесообразность. Это содействовало восприятию иммигрантов как временно находящихся на территории государства людей, с которыми достаточно иметь ограниченные и выгодные отношения. В отличие от США национальная идентичность французов выстраивалась не на «сплавлении» разных народов, а на подчинении выходцев из других стран нормам французской культуры, их ассимиляции. Работающий в рамках социально-исторического подхода, основы которого были заложены «школой Анналов», Ж. Нуариель впервые отразил роль и значение иммиграции в развитии Франции. К основным достижениям его научной работы можно отнести определение особенностей восприятия иммигрантов французами. Также ему удалось раскрыть причины того,

почему в течение долгого времени государственная система страны игнорировала полиэтничность французского общества.

Французский политолог-востоковед О. Руа известен своим особым взглядом на развитие ислама в европейских государствах. Его исповедание в Европе он характеризует как периферийное и вестернизированное. Радикальность части европейских мусульман рассматривается им в рамках феномена «религии без культуры», который проявляется в среде потомков выходцев из стран с традиционным укладом жизни. Оторванные от своих предков, они видят в религии средство для самоидентификации, противопоставления себя обществу. Их ислам «виртуален», а не «реален», как в остальном мусульманском сообществе.

Важную роль в осмыслении иммиграционной политики, а также социокультурных аспектов интеграции инокультурных мигрантов в принимающее общество играет работа доктора социологических наук В. И. Мукомеля «Миграционная политика России: Постсоветские контексты» [4]. В ней представлен комплексный анализ миграционной политики Российской Федерации, который подтолкнул автора статьи к выработке и применению концепта «иммиграционный вопрос» в исследовании иммиграционной политики Франции.

Большой вклад в изучение общественно-политических проблем Франции внёс доктор исторических наук Г. Г. Дилигентский. Им было основано такое научное направление, как макросоциальная психология. В его рамках основное внимание уделяется конкретно-историческому содержанию массового поведения людей. Основной целью макросоциальной психологии является познание человека как продукта и движущей силы развития общества. Значительное внимание социально-экономическим и социокультурным аспектам иммиграции уделено в работах российских историков И. С. Новоженовой и Я. Р. Стрельцовой [11; 25; 26; 35].

В Республике Беларусь развивается комплексная научная дисциплина, изучающая закономерности, виды и социальные последствия перемещений населения – миграционистика. В её рамках значительное внимание уделяется изучению миграционных процессов в Беларуси. Важным теоретическим аспектам внешней трудовой миграции была посвящена диссертационная работа белорусского экономиста Е. А. Западнюка [1]. Он выявил экономико-правовую сущность данного вида международной миграции, рассмотрел специфику адаптации мигрантов к социально-экономическим условиям стран-реципиентов. Анализу различных аспектов иммиграции во Францию посвящены работы автора данной статьи [2; 17].

Обобщая вышеизложенное, следует отметить наличие в современной историографии фундаментальных работ, которые затрагивают только отдельные стороны иммиграционного вопроса. По этой причине существует научная и практическая необходимость в проведении комплексного исследования, отражающего его во всей совокупности содержательного и функционального аспектов. Цель данного исследования – проанализировать процесс формирования иммиграционного вопроса во Французской Республике.

Основная часть. Формирование иммиграционного вопроса во Франции проходило во время проведения политики ограничения иммиграции в 1974–2006 гг. Принятое 3 июля 1974 г. правительственное решение о прекращении предоставления долгосрочных трудовых виз положило начало данному процессу. Кабинет премьер-министра Ж. Ширака исходил из того, что ожидаемый экономический кризис и возможный рост безработицы могут привести в будущем к протестам как французских, так и иностранных рабочих. Правительство исходило из так называемой «иллюзии возвращения». Большинство французских предпринимателей, политиков и граждан считали, что занятые в основном малоквалифицированным и плохо оплачиваемым трудом внешние трудовые мигранты покинут страну. Решение было оформлено циркулярами – административными актами, не вносящими изменений в законодательство, а только трактующими его применение. Как следствие, решение об ограничении трудовой иммиграции сопровождалось низкой эффективностью его выполнения. Французское законодательство предусматривало возможность выдачи «виз для легализации» иммигрантам, находящимся на территории государства и утратившим документы. Эта норма привела к развитию нелегальной иммиграции.

Решение о прекращении постоянной внешней трудовой миграции основывалось на оценках будущего, но не учитывало реалий настоящего. Ряд секторов французской экономики нуждался

в привлечении дешевой рабочей силы из-за рубежа. В отдельных случаях наниматели обращались в аппарат государственного секретаря по вопросам трудовых иммигрантов по причине того, что их компании не могли выполнять заключённые контракты из-за нехватки иностранной рабочей силы. Низкая эффективность выполнения решения об ограничении долгосрочной внешней трудовой миграции и спрос на труд иностранцев содействовали росту незаконной иммиграции. Ежегодный приток нелегальных иммигрантов во Францию оценивался от 13 до 30 тыс. человек [7, p. 3; 8, p. 172]. По разным оценкам, к началу XXI в. численность проживающих в стране незаконных иммигрантов составляла от 130 тыс. до 550 тыс. человек [7, p. 3; 9, p. 6]. Главной проблемой в борьбе с данным явлением стало наличие спроса на труд незаконных иммигрантов во многих секторах французской экономики.

Помимо незаконной иммиграции сохранилось действие факторов, которые подталкивали международных мигрантов к переезду и проживанию во Франции. Их привлекал высокий уровень жизни. По данным ООН, в 1990–2006 гг. индекс человеческого развития страны вырос от 0,78 до 0,87 при максимальном показателе измерений в единицу [10]. В этих условиях принятые ограничения содействовали тому, что адаптировавшиеся в стране иммигранты предпочитали оставаться и перевозить свои семьи. Основными способами въезда во Францию стали смешанные браки, право на воссоединение семьи и получение убежища. В начале XXI в. каждый пятый зарегистрированный в стране брак заключался с иностранцем [11, с. 82]. В 1975 г. внешняя трудовая миграция составляла почти 150 тыс. человек, а по семейным мотивам – порядка 51 тыс. человек [12, p. 945–946]. В 2006 г. в страну въехало около 20 тыс. трудовых иммигрантов и более 100 тыс. лиц, прибывших по семейным обстоятельствам [13, p. 10]. Увеличилось количество просителей убежища во Франции: от 2 тыс. человек в 1972 г. до более 50 тыс. человек в 2004 г. [14, p. 2].

На этом фоне наблюдался рост иммиграции из стран Африки и Азии. В 1975 г. европейцы составляли 60,7 %, выходцы из Африки – 34,6 %, представители стран Азии – 3 % всех проживающих во Франции иностранцев [15]. В 2006 г. пропорции изменились: доля выходцев из Европы составляла 39,2 %, из Африки – 41,8 %, из Азии – 13,1 % [16]. Причиной такой ситуации было то, что за это время уровень жизни европейцев заметно возрос, что снижало стимулы к переселению во Французскую Республику. Приведённые сведения позволили автору прийти к следующему заключению: «Таким образом, во второй половине XX – начале XXI в. иммиграция во Францию стала переселенческой по мотивам въезда и мировой по масштабам» [17, с. 35].

Изменения в процессе иммиграции привели к трансформации демографических признаков иммигрантов. Следствием развития переселенческой иммиграции стал рост количества женщин-иммигранток. Когда в 1975 г. во Франции их насчитывалось 1 млн 701 тыс. человек, то в 2006 г. – 2 млн 597 тыс. [18]. Ограничение иммиграции содействовало старению аллохтонного населения. В 1990 г. доля лиц старше 55 лет в его составе равнялась 27,3 %, а в 2007 г. – 32,6 % [18]. Изменился этнический состав иммигрантского сообщества. За 1975–2006 гг. численность проживающих во Франции иммигрантов из стран Европы сократилась от 2 612 тыс. до 2 016 тыс. человек, выходцев из Африки выросла от 1 087 тыс. до 2 167 тыс. человек, переселенцев из Азии увеличилась от 140 тыс. до 692 тыс. человек [19, p. 77].

Демографические изменения привели к снижению возможностей для успешной адаптации иммигрантов. Престарелые люди, в большинстве своём, являются нетрудоспособными и ограничены жизнью по месту проживания. Значительная часть иммигранток занята в быту. На рубеже XX–XXI вв. каждая третья семья иммигрантов содержала трех и более детей, в то время как среди французов – только одна из десяти [20, p. 2]. Как следствие, экономическая активность иммигрантов сократилась. Ухудшению их адаптации содействовал также рост безработицы, который стал следствием снижения темпов экономического развития. Безработица иностранных работников за 1975–2006 гг. выросла от 9 до 14 % от их общего количества [21, p. 95; 22, p. 41]. Её уровень был выше, чем у французских граждан, что связано со спецификой положения иммигрантов на рынке труда и изменениями в системе трудовых отношений. Французские предприниматели ориентировались на привлечение из-за рубежа преимущественно малоквалифицированной рабочей силы. Рабочие низкой квалификации в первую очередь сталкиваются с безработицей. Развитие научно-технического прогресса, рост сектора услуг привели к преобразованию системы трудовых отношений. Основу персонала компаний стали составлять постоянно работающие вы-

сококвалифицированные управленцы, а осуществление отдельных проектов легло на плечи временно нанимаемых служащих. Как следствие, вырос спрос на услуги высококвалифицированных кадров и снизилось стремление нанимателей пользоваться трудом рабочих и служащих средней квалификации. В то же время большинство иммигрантов трудоспособного возраста во Франции обладали рабочими квалификациями. Структура иностранной рабочей силы перестала соответствовать требованиям рынка труда.

Трудности в адаптации иммигрантов привели к ухудшению их социального положения. В 2007 г. средний ежегодный доход их домохозяйств составлял 75 % общестранового, а более трети из них жили за чертой бедности [23, p. 37]. Усугубляло проблему компактное расселение аллохтонного населения на территории страны. В пригородах крупных французских городов Парижа, Лиона и Марселя проживало около 60 % иммигрантов [24, с. 21]. По мнению французского экономиста Ж. Тапиноса, иммигранты традиционно стремятся в экономически развитые центры, но из-за меньших доходов формируют в местах своего расселения зоны бедности [5, p. 86]. Места их проживания покидали семьи с хорошим заработком. Оставались люди с низким уровнем квалификации, безработные. В результате сформировалась проблема «неблагополучных кварталов». Их жители страдают от нищеты и безработицы, что создает благоприятную среду для развития преступности.

Формирование гетто иммигрантов в «неблагополучных кварталах» имело ряд последствий. Первое из них связано с тем, что, находясь в собственной социальной и культурной среде, иммигранты не испытывали необходимости в освоении языка страны пребывания, следования её правовым нормам и культурным традициям. Этому также способствовало отсутствие централизованной системы обучения иностранных граждан французскому языку. Основная нагрузка по его преподаванию для приезжих была возложена на общественные организации.

Вторым последствием стали трудности в адаптации детей иммигрантов. С одной стороны, они являются французскими гражданами по рождению, а с другой – зачастую относятся к дискриминируемой социальной группе. Для родившихся во Франции детей выходцев из Северной Африки дискриминация отражалась в их названии. Эта социальная группа стала обозначаться термином «бёры» (фр. *beur*). Он появился в уличном жаргоне путём изменения порядка произношения слогов слова *arabe,* что на французском означает «арабский». Бёры сталкиваются с неблагоприятным отношением со стороны нанимателей, общества, представителей правоохранительных органов. Российский историк Я. Р. Стрельцова отмечала: «Серьезных социальных осложнений в школе, в профессиональных училищах у иностранцев нет. Они возникают в начале трудовой деятельности. Более половины молодых североафриканцев (в возрасте 20–29 лет) более одного года после окончания учебных заведений не могут найти работу (средний национальный показатель 29 %)» [25, с. 70].

Третьим последствием возникновения гетто иммигрантов из североафриканских стран стал рост социокультурной автономности их сообществ. Выходцы из данного региона стали к началу XXI в. самой многочисленной частью французских иммигрантов. Большинство из них выросло в мусульманской культурной среде. Фактическая сегрегация обнажила значительную культурную дистанцию между ними и коренным населением. Мусульманское общество в меньшей степени затронуто секуляризмом, чем французское. Утверждённый во Франции в начале XX в. принцип светскости был не только закреплён в Конституции Французской Республики 1958 г., но и оказал влияние на общественные отношения. Религиозные верования и убеждения исключены из политической жизни страны. В противоположность этому, мусульмане исходят из представления о целостности религиозной и общественной сфер деятельности. Во второй половине XX в. в стране активно действовали мусульманские общины. Сбор пожертвований позволял поддерживать их наиболее нуждающихся членов. Международные религиозные фонды через ассоциации оказывали помощь молодежи и престарелым.

К началу XXI в. сообщество мусульман Франции обрело общественную значимость. По количеству приверженцев эта религия заняла второе место после христианства. По разным оценкам, в это время количество исповедующих ислам жителей французского государства составляло от 3 до 6 млн человек [26, с. 131]. По мнению французского политолога О. Руа, ислам во Франции приобрёл широкий спектр форм: от детерриторизации до индивидуализации [27, p. 172]. Много-

образие форм исповедания было связано с тем, что основу мусульманского сообщества стали составлять не столько иммигранты-мусульмане, сколько их дети. Для них участие в мусульманской общине компенсировало проблемы, возникшие в процессе адаптации к жизни во французском обществе. Чем меньше они вовлекались в окружающую социальную среду, тем больше были склонны придерживаться культурных норм и традиций государства исхода.

Таким образом, качественные изменения в процессе иммиграции во Францию привели к проблемам в адаптации иммигрантов к французской социальной среде, фактической сегрегации выходцев из стран Северной Африки, дискриминации их потомков – бёров. В течение долгого времени рост этнического многообразия французского общества, влияние мусульманской общины страны проявлялись только в частной жизни и не входили в фокус внимания государства. По мнению французского историка Ж. Нуариеля, причиной такой ситуации было то, что до начала массовой иммиграции во Францию в ней уже существовала устойчивая традиция государства-нации, которая игнорировала коллективные различия [6, p. 98]. Иммигранты воспринимаются французами как временно находящиеся на территории государства люди, с которыми достаточно иметь ограниченные и выгодные отношения.

Основной причиной антииммигрантских настроений среди французов был рост безработицы. Если в 1975 г. она охватила 3,6 % трудоспособного населения страны, то в 2006 г. – 8,8 % [28]. Стал наблюдаться пессимизм относительно перспектив трудоустройства. В начале 1980-х гг. 34 % опрошенных французских граждан опасались потерять работу в ближайшем будущем, а в 2006 г. – 46 % [29, p. 7]. Неуверенность в перспективах сохранения рабочего места содействовала недовольству использованием нанимателями труда иммигрантов. Однако прямой конкуренции между ними и французскими гражданами не наблюдалось. Как отмечал французский экономист Ж. Тапинос, иммигранты, как правило, занимают малооплачиваемые и непривлекательные для коренных жителей трудовые места, что позволяет нанимателям экономить на оплате труда [5, p. 86]. Боязнь конкуренции иммигрантов на рынке труда имела под собой в большей степени аффективные основания. В течение долгого времени французское общество не сталкивалось с затяжной безработицей. Низкий естественный рост населения в межвоенный период, высокие темпы развития экономики после Второй мировой войны обеспечивали широкую занятость. Теперь французам пришлось адаптироваться к новой для себя реальности.

На фоне боязни конкуренции иностранных работников на рынке труда изменения в демографической динамике подтверждали необходимость притока иммигрантов. За 1975–2006 гг. численность жителей Франции выросла от 52,6 млн до 61,4 млн человек [30]. При этом средний суммарный коэффициент рождаемости за указанный период составлял 1,8 ребёнка на одну женщину репродуктивного возраста, что ниже достаточного для устойчивого сохранения численности населения уровня [30]. Рост населения страны обеспечивался повышением продолжительности жизни и иммиграцией. За 1975–2006 гг. средняя продолжительность жизни во Франции выросла от 72,95 до 80,7 лет [30]. Благодаря этому, с одной стороны, естественная убыль французов находилась на низком уровне, с другой стороны, стал наблюдаться процесс их старения. Что касается иммиграции и иммигрантов, то, по оценкам французского демографа Ж.-Ф. Дюмона, их вклад в увеличение населения страны составлял порядка 20 % [31, p. 22].

Ксенофобия французов развивалась под влиянием не количественных, а качественных демографических изменений. Старение автохтонного населения происходило на фоне увеличения количества выходцев из Северной Африки и их потомков. Как следствие, возникла боязнь метисации французской нации, которая сопровождалась снижением функциональности институтов, обеспечивавших ощущение её единства.

Первым из них является семья. В этой первичной ячейке общества человек усваивает основные нормы поведения. На рубеже XX–XXI вв. данный институт во Франции претерпевал изменения. Широкое распространение получили формы неофициального сожительства, точное количество которых сложно определить. Косвенным признаком их развития стало увеличение численности детей, появившихся вне зарегистрированного брака. Когда в 1975 г. их доля в общем количестве новорожденных составляла 8,5 %, то в 2006 г. – 49,5 % [32]. Основной причиной такой ситуации стала высокая степень развития индивидуализма французов. В крайней форме он про-

являлся в приватизме – образе жизни, в котором деятельность людей сконцентрирована в частном, а не публичном пространстве [33, с. 206]. Российский историк Г. Г. Дилигенский дал следующее описание данного явления: «Благодаря “ценностной революции” множество французов почувствовали, что совсем не обязательно участвовать в бешеной гонке за деньгами, престижным потреблением или карьерой, разрушающей их физическое здоровье и психическое равновесие. Но практически это означало для многих из них утрату вообще каких бы то ни было социальных ориентиров личностной мотивации, углубление ценностного вакуума. Индивиду, порвавшему психологические связи с обществом, не оставалось ничего другого, как искать ориентиры в самом себе – в той самой “внутренней свободе”, главное содержание которой образует отказ от социальных норм как регулятора психологической жизни и поведения личности» [34, с. 148].

Ещё одним из институтов, призванных сохранять единство народа, является всеобщее государственное образование. По мнению российского историка И. С. Новоженовой, «школа была призвана сформировать у будущих граждан демократические и патриотические ценности, основанные на единой национальной культуре и языке» [35, с. 30]. Послевоенное развитие образования во Французской Республике характеризовалось реформами, направленными на обеспечение всеобщности и унификации обучения. Противоречие между стремлением государства унифицировать обучение и различиями в социальном положении, академической успеваемости учащихся привело к ранжированию учебных заведений по уровню престижности их дипломов. Обучение постепенно отошло от строгого следования установленным эталонам и стало ориентироваться, в первую очередь, на интересы учащихся. Трансформация образования из государственной политики в услугу пагубно отразилась на овладевании подрастающими поколениями французским языком – основой национальной идентичности французов. Французский педагог Ж. Винье отмечал: «Понятие освоения языка, таким образом, относится больше к проблеме освоения нормы, с учётом того, что язык школы не является социальной нормой...» [36, p. 26]. Школа перестала задавать стандарты коммуникации. Они стали формироваться преимущественно под влиянием средств массовой информации.

Развитие средств массовой информации во Франции в 1975–2006 гг. характеризовалось снижением роли государства. Постепенная либерализация законодательства в сфере государственного контроля над средствами массовой информации привела к тому, что с 1980-х гг. частный капитал стал активно проникать в медиасферу. С конца XX в. этот процесс сопровождался развитием цифровых средств коммуникации: сети Интернет, социальных сетей, мессенджеров. Как следствие, французское государство утратило былое влияние, а контроль над медиа перешёл в руки крупных транснациональных корпораций.

Развитие приватизма, сужение влияния всеобщего государственного образования на общество, снижение роли государства в информационном пространстве страны привели к тому, что в массовом сознании французов укрепилось чувство разобщенности нации. В начале XXI в. более 80 % опрошенных граждан Французской Республики разделяли мнение о том, что в современном им обществе нет единства [37, p. 4].

Традиционно национальная идентичность французов выстраивалась на подчинении выходцев из других стран нормам их культуры, ассимиляции. Французский социолог А. Турэн отмечал: «Моя культура универсальная. Твоя – частная. Частное ниже универсального. Необходимо стремиться к универсальному уровню» [38, p. 21]. В условиях, когда большинство населения испытывало чувство разобщённости нации, стало сложно доказывать приоритет собственной культуры над культурными традициями переселенцев.

Таким образом, решение об ограничении внешней трудовой миграции привело к изменениям в отношениях между иммигрантами и французским обществом – формированию иммиграционного вопроса. Процесс иммиграции во Францию приобрёл преимущественно переселенческий характер. При этом элита и население страны были склонны рассматривать иммигрантов как низкооплачиваемую, временную рабочую силу. Увеличение численности выходцев из государств Северной Африки и Азии свидетельствовало о всемирном характере иммиграции в страну. В этих условиях обозначилось противоречие между светским характером французского государства и мировоззренческими установками растущего мусульманского сообщества страны. Социально-

экономическую адаптацию аллохтонного населения осложняли снижение его экономической активности и безработица. Социокультурную – его фактическая сегрегация в гетто «неблагополучных кварталов» городов Франции. Рост антииммигрантских настроений среди французов был обусловлен боязнью конкуренции иммигрантов на рынке труда и чувством разобщённости французской нации. В результате иммигранты стали меньше проявлять желание знать язык страны проживания, следовать её культурным традициям и правовым нормам. В свою очередь принимающее общество стало рассматривать их преимущественно как чуждое население. Причины формирования иммиграционного вопроса во Франции представлены в таблице.

Причины формирования иммиграционного вопроса во Франции

Reasons for the emergence of the immigration issue in France

Население	Функциональная сторона иммиграционного вопроса / Содержательная сторона иммиграционного вопроса	Иммиграция	Адаптация	Гражданские отношения
Аллохтонное население	Социально-экономические отношения	Переселенческий характер иммиграции	Снижение экономической активности иммигрантов, безработица	Снижение потребности во владении языком, следовании традициям и правовым нормам страны проживания
	Социокультурные отношения	Всемирный характер иммиграции	Фактическая сегрегация в рамках городских гетто	
Автохтонное население	Социально-экономические отношения	«Иллюзия возвращения» внешних трудовых мигрантов	Боязнь конкуренции иммигрантов на рынке труда	Чуждость сообщества иммигрантов
	Социокультурные отношения	Неприятие мусульманских традиций	Чувство разобщённости нации	

Яркое проявление иммиграционный вопрос во Франции получил во время массовых беспорядков в городских пригородах в октябре–ноябре 2005 г. Поводом для них стала гибель двух подростков африканского происхождения, прятавшихся от полицейских. Находящиеся на низких ступенях социальной лестницы и замкнутые в гетто французских городов, потомки иммигрантов выразили свой протест в противоправных формах: грабеже магазинов, поджогах автомашин.

События 2005 г. создавали угрозу общественно-политической устойчивости французского государства. По этой причине во вступивший в законную силу с 1 марта 2005 г. «Кодекс о праве въезда и пребывания иностранцев во Франции и праве на убежище» был внесён ряд поправок. Они были представлены в Законе «Об иммиграции и интеграции» от 24 июля 2006 г. [39]. В соответствии с ними, Французская Республика начала проводить политику избирательной иммиграции. Возобновилось предоставление долгосрочных трудовых виз. Высококвалифицированным иностранным специалистам были предоставлены дополнительные льготы. Кроме того, французское государство приступило к активной социальной интеграции иммигрантов. Пятая статья Закона обязала каждого прибывшего на постоянное жительство иностранца заключать с властями «Договор приёма и интеграции», который обязывал его изучить язык, основы права, культуры и основополагающих ценностей страны проживания.

Заключение. Применение познавательного концепта «иммиграционный вопрос» позволило проследить длительные изменения в отношениях между аллохтонным и автохтонным населением Франции в социально-экономической и социокультурной сферах. Выявлены связи между трансформацией процесса иммиграции в страну, изменениями в адаптации иммигрантов в социальной среде принимающего общества и отношением французов к переселенцам. Явно проявился факт того, что изменения в иммиграции запускают процесс адаптации как аллохтонного, так и автохтонного населения государства. В таких условиях возникает необходимость применения активной социальной интеграции иммигрантов. Основной её целью видится создание условий, при которых аллохтонное население будет испытывать потребность во владении государственным языком, следовании традициям и правовым нормам страны проживания, а автохтонное население – не воспринимать сообщество иммигрантов чужеродным.

В социально-экономическом плане такими условиями могут выступать обеспечение соответствия структуры иностранной рабочей силы потребностям рынка труда и исключение безработицы среди трудящихся-иммигрантов. Их достижение возможно путём чёткого квотирования найма иностранных работников и развития системы подготовки и переподготовки иностранцев в учебных заведениях страны.

В социокультурном плане важными условиями активной интеграции иммигрантов представляются борьба с их фактической сегрегацией, формирование межкультурного диалога и сохранение приоритетности культуры автохтонного населения. Французский опыт в данном случае выступает отрицательным примером. Достижение указанных целей представляется возможным благодаря широкому взаимодействию местных органов власти с иммигрантскими сообществами по решению бытовых и социальных проблем, разъяснительной работе, культурно-массовым мероприятиям, призванным преодолеть стереотипы в отношениях переселенцев и коренных жителей, укреплению общественных институтов, обеспечивающих единство и сплочённость народа. Реализация указанных задач в Республике Беларусь может быть связана с совершенствованием системы идеологической работы и приобщением иммигрантов к ценностным основам идеологии белорусского государства.

Список использованных источников

1. Западнюк, Е. А. Трудовая миграция населения и её влияние на формирование современного рынка труда: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Западнюк Евгений Александрович; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2007. – 28 с.

2. Снисаренко, К. Л. Концепт «иммиграционный вопрос» в анализе государственного регулирования иммиграции / К. Л. Снисаренко // Дипломатия Беларуси в условиях новых вызовов = Belarusian Diplomacy amid Emerging Challenges: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 марта 2025 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Мн.: БГУ, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст: электронный. – С. 166–171.

3. Коданьоне, К. Миграционная политика как планирование наугад / К. Коданьоне // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России; под ред. Г. Витковской; Междунар. орг. по миграции, Моск. исслед. прогр. по миграции. – М.: Гендальф, 2002. – С. 8–26.

4. Мукомель, В. И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты / В. И. Мукомель; Ин-т социологии РАН. – М.: Диполь-Т, 2005. – 351 с.

5. Tapinos, G. Economie des migrations internationales / G. Tapinos. – Paris: Armand Colin, 1974. – 288 p.

6. Noiriel, G. Le creuset français. Histoire de l'immigration XIXe–XXe siècles / G. Noiriel. – Paris: Editions du Seuil, 1988. – 438 p.

7. Héran, F. Cinq idées reçues sur l'immigration / F. Héran // Population et Sociétés. – 2004. – № 397. – P. 1–4.

8. L'accueil des immigrants et l'intégration des populations issues de l'immigration: Rapport au President de la République suivi des réponses des administrations et des organismes intéressés. Novembre 2004 // Cour des comptes. – URL: https://www.vie-publique.fr/files/rapport/pdf/044000576.pdf (date of access: 24.04.2026).

9. Taffin, B. Ce que nous coûte l'immigration irrégulière: Les rendez-vous parlementaires du contribuable / B. Taffin, C. Goasguen, J.-P. Gourévitch // Contribuables Associés. – URL: https://contribuablesassocies.org/2011/06/22/ce-que-nous-coute-l-immigration-irreguliere-rdv-parlementaire-35/ (date of access: 24.04.2026).

10. Indice de développement humain (IDH). France // Université de Sherbrooke. – URL: https://perspective.usherbrooke.ca/bilan/servlet/BMTendanceStatPays/?codeStat=SP.POP.IDH.IN&codePays=FRA&codeTheme=1 (date of access: 24.04.2026).

11. Стрельцова, Я. Р. Тема иммиграции во Франции накануне президентских выборов 2012 года / Я. Р. Стрельцова // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 9. – С. 81–94.

12. Gokalp, C. Chronique de l'immigration / C. Gokalp // Population. – 1976. – № 4–5. – P. 943–952.

13. Statistiques des flux d'immigration en France Année, 2006 / X. Thierry, A. Wielki // Institut national d'études démographiques. – URL: https://statistiques-flux-immigration.site.ined.fr/sites/default/files/imported_images/immigration06.fr.pdf (date of access: 24.06.2026).

14. Bousquet, E. Le droit d'asile en France: politique et réalité / E. Bousquet // United Nations High Commissioner for Refugees. – URL: https://www.unhcr.org/sites/default/files/legacy-pdf/4bc715099.pdf (date of access: 24.04.2026).

15. Etrangers selon la nationalité (17 postes) de 1946 à 1999 // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/2118512/rp99pipe_r6.xls (date of access: 19.09.2025).

16. Répartition des étrangers par nationalité: proportions // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/2381750/demo-etran-repart-nat.xlsx (date of access: 19.09.2025).

17. Снисаренко, К. Л. Характерные черты процесса иммиграции во Францию во второй половине XX – начале XXI в. / К. Л. Снисаренко // Журнал международного права и международных отношений. – 2013. – № 3. – С. 34–40.

18. Population immigrée et étrangère par sexe et âge: Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/2381759/demo-etran-pop-sexe-age.xlsx (date of access: 19.09.2024).

19. Histoire des migrations et diversité des origines géographiques des immigrés: Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/6793226/IMMFRA23-F2.pdf (date of access: 04.02.2026).

20. Tavan, Ch. Les immigrés en France: une situation qui évolue / Ch. Tavan // INSEE Première. – 2005. – № 1042. – P. 1–4.

21. Déchaux, J.-H. Les immigrés et le monde du travail: un nouvel âge de l'immigration? / J.-H. Déchaux // Observations et diagnostics économiques. – 1991. – № 36. – P. 85–116.

22. Étrangers – Immigrés // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/1373360/T10F039.pdf (date of access: 14.10.2024).

23. Lombardo, Ph. Niveau de vie et pauvreté des immigrés en 2007 / Ph. Lombardo, J. Pujol // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/1373530/REVPMEN10d.PDF (date of access: 30.06.2025).

24. Преображенская А. А. Французская модель интеграции иммигрантов: испытание временем / А. А. Преображенская // Человек. Сообщество. Управление. – 2017. – № 3. – С. 18–36.

25. Стрельцова, Я. Р. Франция и проблема интеграции мигрантов / Я. Р. Стрельцова // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2005. – № 9. – С. 67–75.

26. Новоженова, И. С. Франция: ислам в светском государстве / И. С. Новоженова // Актуальные проблемы Европы = Urgent problems of Europe: сб. науч. тр. / редкол.: Т. Г. Пархалина (гл. ред.) [и др.]. – М.: ИНИОН, 2008. – № 1: Мусульмане в Европе: существуют ли пределы интеграции? = Muslims in Europe: are there limits to integration? / ред. сост. вып. Т. С. Кондратьева, И. С. Новоженова. – С. 130–145.

27. Roy, O. La laïcité face à l'islam / O. Roy. – Paris: Pluriel, 2005. – 180 p.

28. Taux de chômage et taux de chômage de longue durée depuis, 1975 // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/7936590/IP1987.xlsx (date of access: 29.06.2025).

29. Alibert, D. Les effets de l'instabilité professionnelle sur certaines attitudes et opinions des français, depuis le début des années, 1980 / D. Alibert, R. Bigot, D. Foucaud // Centre de Recherche pour l'Étude et l'Observation des Conditions de Vie. – URL: https://www.credoc.fr/download/pdf/Rech/C225.pdf (date of access: 03.09.2025).

30. Athari, E. Quarante ans d'évolution de la démographie française: le vieillissement de la population s'accélère avec l'avancée en âge des baby-boomers / E. Athari, S. Papon, I. le Robert-Bobée // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/4238437/FPORSOC19_EC1.xls (date of access: 16.06.2025).

31. Dumont, G.-F. La population de la France / G.-F. Dumont. – Paris: Ellipses, 2000. – 240 p.

32. Nombre de naissances et part des naissances hors mariage // Institut national de la statistique et des études économiques. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/3599508/if124.xls (date of access: 18.07.2025).

33. Аберкромби, Н. Социологический словарь: пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; под ред. С. А. Ерофеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.

34. Дилигенский, Г. Г. Французы двадцать лет спустя (социопсихология послемайской Франции) / Г. Г. Дилигенский // Франция глазами французских социологов / С. Г. Айвазова [и др.]. – М.: Наука, 1990. – С. 133–172.

35. Новоженова, И. С. Национальная идентичность в эру глобализации / И. С. Новоженова // Франция. В поисках новых путей; отв. ред. д-р ист. наук Ю. И. Рубинский. – М.: Весь Мир, 2007. – С. 27–68.

36. Vigner, G. La maitrise de la langue: une construction institutionnelle? / G. Vigner // Le français aujourd'hui. – 2011. – № 2. – P. 21–32.

37. Hoibian, S. Les Français en quête de lien social. Baromètre de la cohésion sociale 2013 / S. Hoibian // Centre de recherche pour l'étude et l'observation des conditions de vie. – URL: http://www.credoc.fr/pdf/Rapp/R292.pdf (date of access: 03.09.2013).

38. Une France plurielle... ou éclatée? / E. Badinter, A. Touraine // Le Nouvel Observateur. – 2003. – 19 juin. – P. 20–23.

39. Loi № 2006-911 du 24 juillet 2006 relative à l'immigration et à l'intégration // Le journal officiel de la République Française. Lois et décrets. – 2006. – 25 juil. – P. 11047–11077.

References

1. Zapadnyuk E. A. *Labor migration of the population and its impact on the formation of the modern labor market.* Abstract of Ph. D. diss. Moscow, 2007. 28 p. (in Russian).

2. Snisarenko K. L. The concept of "immigration issue" in the analysis of state regulation of immigration. *Diplomatiya Belarusi v usloviyah novyh vyzovov = Belarusian Diplomacy amid Emerging Challenges.* Minsk, 2025, pp. 166–171 (in Russian).

3. Kodan'one K. *Migration policy as random planning.* Western Immigration Policy: Alternatives for Russia. Moscow, 2002, pp. 8–26 (in Russian).

4. Mukomel' V. I. *Russia's Migration Policy: Post-Soviet Contexts.* Moscow, Dipol-T Publ., 2005. 351 p. (in Russian).

5. Tapinos G. *Economie des migrations internationales.* Paris, Armand Colin Publ., 1974. 288 p.

6. Noiriel G. *Le creuset français. Histoire de l'immigration XIXe–XXe siècles.* Paris, Editions du Seuil Publ., 1988. 438 p.

7. Héran F. Cinq idées reçues sur l'immigration. *Population et Sociétés,* 2004, no. 397, pp. 1–4.

8. *L'accueil des immigrants et l'intégration des populations issues de l'immigration: Rapport au President de la République suivi des réponses des administrations et des organismes intéressés.* Novembre, 2004: Cour des comptes. Available at: https://www.vie-publique.fr/files/rapport/pdf/044000576.pdf (date of access: 24.04.2026).

9. Taffin B., Goasguen C., Gourévitch J.-P. *Ce que nous coûte l'immigration irrégulière: Les rendez-vous parlementaires du contribuable.* Contribuables Associés. Available at: https://contribuablesassocies.org/2011/06/22/ce-que-nous-coute-l-immigration-irreguliere-rdv-parlementaire-35/ (date of access: 24.04.2026).

10. *Indice de développement humain (IDH). France:* Université de Sherbrooke. Available at: https://perspective.usherbrooke.ca/bilan/servlet/BMTendanceStatPays/?codeStat=SP.POP.IDH.IN&codePays=FRA&codeTheme=1 (date of access: 24.04.2026).

11. Strel'cova Y. R. The issue of immigration in France ahead of the 2012 presidential elections. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = Global Economy and International Relations,* 2011, no. 9, pp. 81–94 (in Russian).

12. Gokalp C. Chronique de l'immigration. *Population,* 1976, no. 4–5, pp. 943–952.

13. Thierry X., Wielki A. *Statistiques des flux d'immigration en France Année, 2006:* Institut national d'études démographiques. Available at: https://statistiques-flux-immigration.site.ined.fr/sites/default/files/imported_images/immigration06.fr.pdf (date of access: 24.06.2026).

14. Bousquet E. *Le droit d'asile en France: politique et réalité:* United Nations High Commissioner for Refugees. Available at: https://www.unhcr.org/sites/default/files/legacy-pdf/4bc715099.pdf (date of access: 24.04.2026).

15. *Etrangers selon la nationalité (17 postes) de 1946 à 1999:* Institut national de la statistique et des études économiques. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/2118512/rp99pipe_r6.xls (date of access: 19.09.2025).

16. *Répartition des étrangers par nationalité: proportions:* Institut national de la statistique et des études économiques. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/2381750/demo-etran-repart-nat.xlsx (date of access: 19.09.2025).

17. Snisarenko K. L. Characteristic features of the immigration process to France in the second half of the 20th – early 21st centuries. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij = Journal of International Law and International Relations,* 2013, no. 3, pp. 34–40 (in Russian).

18. *Population immigrée et étrangère par sexe et âge:* Institut national de la statistique et des études économiques. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/2381759/demo-etran-pop-sexe-age.xlsx (date of access: 19.09.2024).

19. *Histoire des migrations et diversité des origines géographiques des immigrés:* Institut national de la statistique et des études économiques. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/6793226/IMMFRA23-F2.pdf (date of access: 04.02.2026).

20. Tavan Ch. Les immigrés en France: une situation qui évolue. *INSEE Première,* 2005, no. 1042, pp. 1–4.

21. Déchaux J.-H. Les immigrés et le monde du travail: un nouvel âge de l'immigration? *Observations et diagnostics économiques,* 1991, no. 36, pp. 85–116.

22. *Étrangers – Immigrés:* Institut national de la statistique et des études économiques. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/1373360/T10F039.pdf (date of access: 14.10.2024).

23. Lombardo Ph., Pujol J. Niveau de vie et pauvreté des immigrés en 2007: Institut national de la statistique et des études économiques. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/1373530/REVPMEN10d.PDF (date of access: 30.06.2025).

24. Preobrazhenskaya A. A. The French Model of Immigrant Integration: Standing the Test of Time. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie = Man. Community. Management,* 2017, no. 3, pp. 18–36 (in Russian).

25. Strel'cova Y. R. France and the problem of migrant integration. *Mirovaya ekonomika i mezhdunar. otnosheniya = Global Economy and International Relations,* 2005, no. 9, pp. 67–75 (in Russian).

26. Novozhenova I. S. France: Islam in a Secular State. *Aktual'nye problemy Evropy = Urgent problems of Europe,* 2008, no. 1, pp. 130–145 (in Russian).

27. Roy O. *La laïcité face à l'islam.* Paris, Pluriel Publ., 2005. 180 p.

28. *Taux de chômage et taux de chômage de longue durée depuis, 1975:* Institut national de la statistique et des études économiques. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/7936590/IP1987.xlsx (date of access: 29.06.2025).

29. Alibert D., Bigot R., Foucaud D. *Les effets de l'instabilité professionnelle sur certaines attitudes et opinions des français, depuis le début des années, 1980:* Centre de Recherche pour l'Étude et l'Observation des Conditions de Vie. Available at: https://www.credoc.fr/download/pdf/Rech/C225.pdf (date of access: 03.09.2025).

30. Athari E., Papon S., Robert-Bobée I. Le. *Quarante ans d'évolution de la démographie française: le vieillissement de la population s'accélère avec l'avancée en âge des baby-boomers:* Institut national de la statistique et des études économiques. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/4238437/FPORSOC19_EC1.xls (date of access: 16.06.2025).

31. Dumont G.-F. *La population de la France.* Paris, Ellipses Publ., 2000. 240 p.

32. *Nombre de naissances et part des naissances hors mariage:* Institut national de la statistique et des études économiques. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/fichier/3599508/if124.xls (date of access: 18.07.2025).

33. Aberkrombi N. *Sociological Dictionary.* Moscow, Ekonomika Publ., 2004. 620 p. (in Russian).

34. Diligenskij G. G. *The French Twenty Years Later (Sociopsychology of Post-May France).* France through the eyes of French sociologists. Moscow, 1990, pp. 133–172 (in Russian).

35. Novozhenova I. S. *National Identity in the Era of Globalization. France:* In Search of New Paths. Moscow, 2007, pp. 27– 68 (in Russian).

36. Vigner G. La maitrise de la langue: une construction institutionnelle? *Le français aujourd'hui,* 2011, no. 2, pp. 21–32.

37. Hoibian S. *Les Français en quête de lien social. Baromètre de la cohésion sociale, 2013.* Centre de recherche pour l'étude et l'observation des conditions de vie. Available at: http://www.credoc.fr/pdf/Rapp/R292.pdf (date of access: 03.09.2013).

38. Badinter E., Touraine A. Une France plurielle... ou éclatée? *Le Nouvel Observateur,* 2003, 19 juin, pp. 20–23.

39. Loi № 2006-911 du 24 juillet 2006 relative à l'immigration et à l'intégration. *Le journal officiel de la République Française. Lois et décrets,* 2006, 25 juil, pp. 11047–11077.

Информация об авторе

Снисаренко Константин Леонидович – научный сотрудник Центра политологии. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: snisarenko@socio.bas-net.by. https://orcid.org/0009-0001-4893-9418

Information about the author

Konstantin L. Snisarenko – Research fellow at the Center for Political Science of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: snisarenko@socio.bas-net.by. https://orcid.org/0009-0001-4893-9418

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 903.4(476.4)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-202-217

Поступила в редакцию 23.03.2026
Received 23.03.2026

А. М. Авласович

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

УКРЕПЛЁННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА – РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ МОГИЛЁВСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ: ТОПОГРАФИЯ, ТИПОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ

Аннотация. На основе анализа результатов археологических исследований обобщаются данные о топографии, планировке и оборонительных системах укреплённых поселений VII в. до н. э. – VII в. н. э. Могилёвского Поднепровья. Цель исследования – выявить закономерности размещения городищ в речной системе региона, определить этапы эволюции фортификационных сооружений и установить культурную принадлежность населения на разных хронологических отрезках. Применены картографический, формально-классификационный и историко-культурный методы.

Установлено, что из 216 известных городищ лишь 59 содержат датирующий материал, позволяющий провести корректную атрибуцию. Выделены три основных хронологических периода: VII–III вв. до н. э. (днепро-двинская и милоградская культуры), III в. до н. э. – II в. н. э. (зарубинецкая культура и культура штрихованной керамики), V–VII вв. н. э. (банцеровско-тушемлинская и колочинская культуры). Прослежена преемственность в заселении городищ: носители поздних культур активно использовали поселения, возведённые предшествующим населением. Определено, что абсолютное большинство памятников относится к мысовому типу и тяготеет к рекам второго и третьего порядка. Выводы исследования уточняют историко-культурную карту региона и могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по археологии Беларуси.

Ключевые слова: городища, железный век, раннее Средневековье, топография, оборонительные системы, Могилёвское Поднепровье, археологические культуры

Для цитирования: Авласович, А. М. Укреплённые поселения железного века – раннего Средневековья Могилёвского Поднепровья: топография, типология и культурная атрибуция / А. М. Авласович // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 3. – С. 202–217. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-202-217

Alexei M. Avlasovich

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE IRON AGE – EARLY MIDDLE AGES IN THE MOGILEV DNIEPER REGION: TOPOGRAPHY, TYPOLOGY AND CULTURAL ATTRIBUTION

Abstract. The article summarizes data on the topography, layout and defensive systems of fortified settlements dating from the 7th century BC to the 7th century AD in the Mogilev Dnieper region, based on the analysis of archaeological research results. The aim of the work is to identify patterns in the location of hillforts within the region's river system, determine the stages in the evolution of fortifications, and establish the cultural affiliation of the population across different chronological periods. The study employed cartographic, formal-classification, and historical-cultural methods.

It was established that out of 216 known hillforts, only 59 contain datable material allowing for correct attribution. Three main chronological periods were identified: 7th–3rd centuries BC (Dnieper–Dvina and Milograd cultures), 3rd century BC – 2nd century AD (Zarubintsy culture and the Hatched Pottery culture), and 5th–7th centuries AD (Bantserov–Tushemlya and Kolochin cultures). Continuity in the settlement of hillforts was traced, as later cultural groups actively reused settlements built by preceding populations. It was determined that the vast majority of sites belong to the promontory type and are gravitate towards rivers of the 2nd and 3rd order. The conclusions of the study refine the historical and cultural map of the region and can be used in the preparation of comprehensive works on the archaeology of Belarus.

© Авласович А. М., 2026

Keywords: hillforts, Iron Age, Early Middle Ages, topography, defensive systems, Mogilev Dnieper region, archaeological cultures

For citation: Avlasovich A. M. Forified settlements of the iron age – early Middle Ages in the Mogilev Dnieper region: topography, typology and cultural attribution. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 3, pp. 202–217 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-202-217

Введение. Укреплённые поселения, существовавшие на территории Могилёвского Поднепровья в догосударственный период, представляют собой один из ключевых источников для изучения этнокультурных и социально-политических процессов эпохи железного века и раннего Средневековья. Материалы, полученные при их раскопках, дают возможность проследить этапы развития фортификации, охарактеризовать особенности планировки, определить культурную принадлежность обитателей и установить время функционирования городищ. Поскольку письменные свидетельства рассматриваемого времени отсутствуют (регион находился вне зоны античной и раннесредневековой письменной традиции, а позднейшие летописные данные фрагментарны и не отражают реалий фортификационного зодчества), именно археологические источники приобретают первостепенное значение. Несмотря на длительную историю полевого изучения укреплённых поселений региона, насчитывающую более полутора столетий, до настоящего времени не было выполнено обобщающего исследования, систематизирующего сведения об их топографии, планировочных решениях и оборонительных сооружениях. Публикация настоящего исследования призвана восполнить этот пробел и уточнить роль населения Могилёвского Поднепровья в культурно-исторических процессах на территории Беларуси в железном веке.

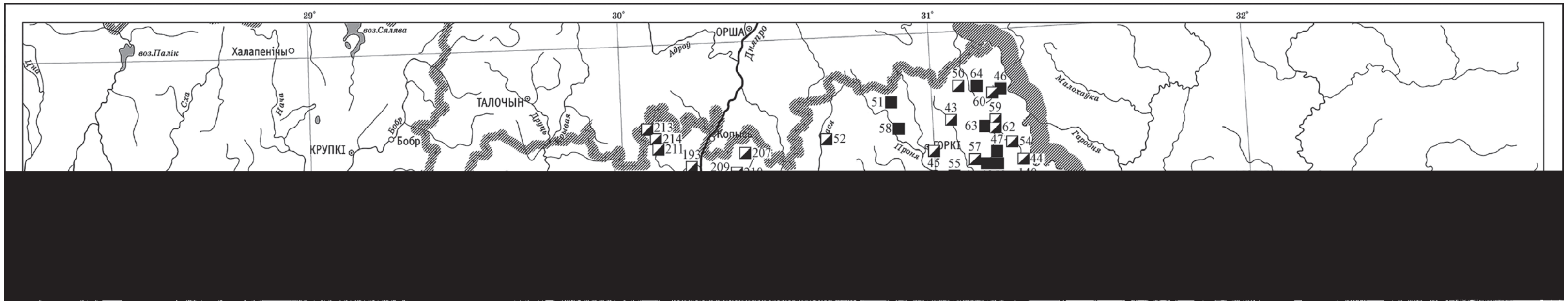
В современной источниковедческой базе изучения укреплённых поселений Могилёвского Поднепровья фигурирует 216 городищ. Их типологическая характеристика по особенностям ландшафтного расположения выглядит следующим образом[1]. Абсолютное большинство укреплённых поселений – 107 объектов (49,5 %) – относится к мысовому типу. Выбор естественных мысовых возвышенностей обеспечивал поселениям хорошую обороноспособность за счёт природных факторов. Городища на ровной местности представлены 55 объектами (25,5 %). Ещё одну значительную группу составляют болотные городища – 32 объекта (14,8 %). В совокупности поселения на ровных и заболоченных участках составляют 40,3 % от общей численности, что указывает на освоение древним населением различных ландшафтных ниш, в том числе менее защищённых естественными преградами. Наименее распространённым является холмовый тип, к которому относится 13 городищ (6,0 %). Столь незначительная доля объясняется, вероятно, особенностями рельефа Могилёвского Поднепровья, для которого характерен преимущественно равнинный ландшафт с небольшим количеством естественных холмов, пригодных для устройства поселений данного типа.

Анализ размещения всех известных на сегодняшний день 216 укреплённых поселений Могилёвского Поднепровья относительно речной системы региона позволяет выявить устойчивые закономерности, характеризующие стратегию расселения в железном веке и раннем Средневековье.

Приуроченность к водным артериям являлась определяющим фактором при выборе места для основания городища. В большинстве случаев они размещались по берегам малых и средних рек. На долю водотоков третьего и четвёртого порядков приходится более 62 % всех поселений, тогда как крупные реки первого и второго порядков освоены лишь на четверть (24 %). Самые малые реки пятого и шестого порядков использовались редко – менее 8 %. Такая картина отражает стратегию выбора мест, оптимально сочетающих доступ к водным ресурсам с естественной защищённостью, которую предоставляют долины малых рек.

Типологическая структура городищ также зависит от порядка реки. Мысовые поселения, составляющие половину всех памятников, явно тяготеют к рекам третьего – четвёртого порядков, где сосредоточено 60 % от их общей численности. Это объясняется морфологией долин малых рек, изгибы которых создают удобные для заселения мысы. Ровные городища встречаются на реках исключительно до четвёртого порядка включительно, поскольку на более малых водотоках отсутствуют достаточные по площади пойменные террасы. Наиболее показательна приуроченность болотных городищ: 87,5 % из них расположены на реках третьего и четвёртого порядков, причём

[1] Для 9 городищ (4,2 %) тип местности в доступных источниках не определён.

[redacted]

Рис. 1. Городища железного века – раннего Средневековья Могилёвского Поднепровья

Fig. 1. Settlements of the Iron Age – Early Middle Ages in the Mogilev Dnieper region

почти две трети – именно на четвёртом порядке. Это прямо соответствует ландшафтным условиям – долины малых рек наиболее подвержены заболачиванию. Холмовые городища единичны и распределены равномерно, что обусловлено общим равнинным характером рельефа региона.

Анализ размеров городищ демонстрирует, что наиболее крупные поселенческие центры возникали как на главных реках (Баркалабово, Щатково, Елизово), так и в глубинных районах на средних водотоках (Горы, Зборск-1). Особую группу составляют городища-гиганты на реках третьего – четвёртого порядков – болотные поселения Макаровичи, Продвина, Зеленковичи-2, площадь которых достигает 3,5 га. Их размеры и расположение указывают на их особый статус (возможно, в качестве племенных или административных) центров поселений.

Анализ пространственного распределения показывает неравномерную плотность заселения региона. Наибольшее количество городищ с известной типологией сконцентрировано в Горецком, Мстиславском, Шкловском и Могилёвском районах. Это позволяет предполагать, что данные микрорегионы являлись зонами наиболее активного хозяйственного освоения и демографической активности в рассматриваемый период. Наименьшая плотность укреплённых поселений фиксируется в южных и юго-восточных районах области.

Таким образом, комплексный анализ топографических характеристик 216 городищ позволяет не только подтвердить ранее сделанные наблюдения о доминировании мысового типа и приуроченности к рекам второго и третьего порядков, но и существенно детализировать картину расселения. Выявленное ландшафтное разнообразие (освоение наряду с мысами также ровных и болотистых участков) свидетельствует о гибкой адаптации древнего населения к природным условиям региона. Неравномерность распределения памятников по районам может служить основой для реконструкции демографической и хозяйственной активности в различных частях Могилёвского Поднепровья.

Из общей численности городищ только 59 содержат вещевые комплексы, позволяющие достаточно надёжно определить их хронологическую позицию и культурную принадлежность. На 45 из них проводились стационарные археологические раскопки, ещё на 14 объектах культурно-хронологическая атрибуция была выполнена на основе подъёмного материала (рис. 1). Именно эти памятники составляют фактологическую основу для реконструкции исторических процессов, протекавших в регионе на протяжении железного века и раннего Средневековья.

В хронологической динамике заселения региона фиксируется присутствие носителей нескольких археологических культур: днепро-двинской, культуры штрихованной керамики, милоградской, зарубинецкой, банцеровско-тушемлинской и колочинской. Лишь для шести поселений культурная принадлежность остаётся неопределённой. Характерной особенностью большинства городищ является их многослойность, обусловленная традицией повторного заселения площадок населением последующих культур. Наиболее отчётливо эта преемственность прослеживается у зарубинецких племён, которые активно осваивали городища, ранее принадлежавшие носителям милоградской культурной общности. В качестве регионального примера можно привести памятники Мстиславского района, где зарубинецкое население нередко селилось на местах, покинутых носителями днепро-двинской культуры.

Укреплённые поселения VII–III вв. до н. э. В границах Могилёвского Поднепровья на сегодняшний день зафиксировано 39 городищ, в культурных напластованиях которых выявлены материалы, датируемые VII–III вв. до н. э. Стационарные археологические раскопки проводились на 32 из них. Ещё на 7 памятниках хронологическая атрибуция была выполнена на основе подъёмного материала. Основной массив укреплённых поселений этого времени относится к двум культурным традициям днепро-двинской и милоградской.

Следы пребывания носителей днепро-двинской культуры зафиксированы на шести городищах, причём пять из них сосредоточены в Мстиславском районе. Практически все поселения данной культурной принадлежности относятся к мысовому типу. Единственным исключением является городище Усполье (Мстиславский район), расположенное на относительно ровной площадке высокого берега реки. Значительно шире представлена милоградская культура, материалы которой выявлены на 30 укреплённых поселениях. Типологически они распределяются следующим образом: 18 городищ относятся к мысовому типу, 11 размещены на ровных или заболоченных

участках и одно поселение – Городец в Быховском районе – может быть определено как холмовое. Для оставшихся 3 городищ из общей численности 39 культурная атрибуция на современном этапе изучения не представляется возможной.

Все укреплённые поселения рассматриваемого хронологического среза тяготеют к речным долинам, однако их распределение в иерархии речной сети неравномерно. Непосредственно на берегах Днепра расположено 4 городища, на реках первого порядка – 9, второго порядка – 17, третьего порядка – 9.

Для днепро-двинской культуры укреплённые поселения являлись основной, а вплоть до III–IV вв. н. э., вероятно, исключительной формой обитания. В Могилёвском Поднепровье к настоящему времени известно шесть таких памятников. При их сооружении выбирались возвышенные участки вблизи водоёмов, как правило, в местах впадения малых притоков в более крупные реки или озёра, где имелись значительные пойменные пространства. Очевидно, стремление к безопасности заставляло поселенцев избегать открытых берегов крупных рек с широкой поймой и отдавать предпочтение более укромным, защищённым лесом возвышенностям у небольших речек, ручьёв или озёр. При выборе места учитывались и такие факторы, как весенние разливы, затоплявшие обширные территории. Главным критерием, таким образом, выступала максимальная защищённость естественными преградами – водными артериями, оврагами, крутыми склонами.

Локальных различий в устройстве днепро-двинских городищ на территории Могилёвского Поднепровья не прослеживается. Из шести выявленных памятников пять являются мысовыми, одно расположено на ровной местности. Картографирование известных городищ показывает их концентрацию в восточной части региона – в пределах современных Дрибинского и Мстиславского районов (рис. 2). Для этой территории характерен равнинный, лишённый холмов, но удобный для мысового типа поселений ландшафт.

Форма площадки городища определялась конфигурацией выбранного природного выступа и характером возведённых на нём оборонительных сооружений; наиболее распространённой являлась овальная форма. Поверхность площадки с течением времени нивелировалась в процессе длительного проживания: на мысовых городищах, заселявшихся на протяжении многих поколений, она, как правило, ровная, часто с незначительным уклоном в сторону стрелки мыса. Размеры площадок сравнительно невелики: длина варьирует от 30 до 50 м, хотя в отдельных случаях достигает 110 м; ширина обычно составляет от 10 до 30 м, изредка увеличиваясь до 50 м. Площадь большинства городищ колеблется в пределах от 350 до 1500 м^2. Исключением является городище Девичья Гора в Мстиславле, площадь которого превышает 5100 м^2 [2, с. 73]. Вероятно, эти памятники относятся к числу ранних, поскольку жизнь на них прекращается уже в первых веках нашей эры. Прослеживается тенденция к увеличению площади городищ с течением времени.

Анализ милоградских древностей региона свидетельствует, что основную массу известных памятников этой культуры также составляют укреплённые поселения. На сегодняшний день выявлен 31 такой объект (рис. 3). Топография милоградских городищ отличается разнообразием: они сооружались на высоких коренных берегах рек, на ровных песчаных участках в низинах (Кричев-2, Елизово, Радомля-1), а также на возвышенностях или высоких останцах среди болот (Петровичи-1, Холопеничи). Установлено, что в среде милоградского населения преобладают городища мысового типа, составляющие подавляющее большинство (25 из 31). Поселения на равнинных и заболоченных участках (6 из 31) характерны в большей степени для юго-западной части региона и представлены значительно реже.

Укреплённые поселения III в. до н. э. – II в. н. э. В границах Могилёвского Поднепровья на сегодняшний день зафиксировано 47 городищ, в культурных напластованиях которых выявлены материалы, датируемые III в. до н. э. – II в. н. э. Стационарные археологические раскопки проводились на 35 памятниках; ещё на 12 объектах хронологическая атрибуция была выполнена на основе подъёмного материала. Основной массив укреплённых поселений этого времени связан с двумя культурными традициями – зарубинецкой и культурой штрихованной керамики.

Следы пребывания носителей культуры штрихованной керамики зафиксированы на 17 городищах. Типологически они распределяются следующим образом: 11 поселений относятся к мысовому типу, 6 расположены на ровных участках или в заболоченной местности. Значительно

Бельыничский р-н	21. Ковали	43. Волковщина	(Новое Прибужье)	84. Вирков-2	**Краснопольский**	119. Дашковка-1	138. Бельынец	**р-н**	175. Черенки-1	197. Малое
1. Лемница	22. Осово	44. Вольынцево	66. Старое	85. Вирков-3	**р-н**	120. Дашковка-2	(Ходосы, Городок)	156. Новосёлки	176. Черенки-2	Заречье
2. Павлинка	23. Щатково	45. Горки	Прибужье	86. Ядреная	104. Горы	121. Дашковка-3	139. Березетня-1	157. Свислочь-1	177. Горбовичи	198. Благовка
3. Головчин-1	24.Дубовка	46. Городец	67. Затоны-1	Слобода	(Бирули)	122. Городок	140. Березетня-2	158. Свислочь-2	178. Сталка-1	199. Городище
4. Головчин-2	(Бабино)	47. Горы	68. Новоселки	87. Колбчанская	105. Выдренка	123. Княжицы	141. Доброе	159. Жужлянка	179. Сталка-2	200. Караси
5. Головчин-3	25. Плёссы	48. Добрая	(Городок)	Слободка	(Городок)	124. Пустой	142. Золочево	160. Зборск-1	180. Утро	201. Дубровка-2
6. Малый Кудин	**Быховский р-н**	49. Курганье	Слободка	88. Дулебня	106. Горки	Осовец	143. Кондратовск	161. Зборск-2	181. Радомля-1	202. Плещицы
(Победа)	26. Быхов	50. Ленино	69. Верба	89. Лонва	**Кричевский р-н**	125. Старая	144. Коробчино	162. Смык	182. Радомля-2	(Озерье, Грунтик)
7. Дальний	27. Баркалабово	51. Малые	**Кировский р-н**	**Костюковичский**	107. Кричев	Милеевка	145. Курковщина	163. Елизово	183. Рябиновая	203. Старая Водва
(Падевичи)	28. Городец	Шарипы	70. Александровка	**р-н**	(Городец)	126. Колесище-1	(Татарщина)	(Углаты)	Слободка	204. Цермовище
8. Большая	29. Вязьма	(Шарипы)	71. Городец	90. Костюковичи	108. Кричев-2	127. Колесище-2	146. Лыкинка	164. Радутичи	184. Селец	205. Великие
Мощеница	30. Хомичи	52. Маслаки	72. Костричская	91. Белая	(Замковая Гора)	128. Хвойная	147. Лютня	165. Цель	185. Прилеповка	Овчиненки
9. Корытница-1	31. Проточная	53. Никодимово	Слободка	Дубровка-1	109. Горки	(Агеевщина)	148. Мазолово	**Славгородский**	186. Бардилы	206. Хотимка
10. Корытница-2	32. Никоновичи	54. Оршани	73. Игнацовка	92. Белая	110. Волчас	129.	149. Митьковщина	**р-н**	187. Селище	207. Никитиничи
11. Будники	33. Яново	55. Паршино	74. Любоничи	Дубровка-2	111.Егоровка	Полыковичи-1	(Людогощ)	166. Славгород	188. Чаусы	208. Ржавцы-1
12. Заозерье	34. Обидовичи	56. Пневшина	75. Павловичи	93. Каничи	**Круглянский р-н**	130.	150. Мстиславль	167. Васьковичи	**Чериковский р-н**	209. Ржавцы-2
13. Эсьмоны	35. Добужа	57. Полящицы	76. Немка	94. Борейки	112. Пригани-1	Полыковичи-2	(Девичья гора)	168. Азаричи	189. Юдовка	210. Сапроньки
Бобруйский р-н	**Глусский р-н**	58. Сеньково	**Климовичский**	95. Братьковичи	113. Тетерин	131. Городище-1	151. Мстиславль	169. Красная	190. Комаровичи	211. Городок
14. Бобруйск	36. Зеленковичи-1	59. Сорокопупы	**р-н**	96. Городок	114. Козел	132. Городище-2	(Замковая гора)	Слободка	191. Турья	212. Мацево
15. Михалево 2-е	37. Зеленковичи-2	60. Староселье	77. Климовичи	97. Тупичи	**Могилёвский р-н**	133. Василевичи	152. Осмоловичи	**Хотимский р-н**	192. Чериков	213. Смольянцы
16. Макаровичи	38. Зеленковичи-3	61. Студенец	78. Роськов	98. Деражня	115. Могилёв	134. Сухари	153. Подлужье	170. Хотимск	**Шкловский р-н**	214. Староселье
17. Пересова	39. Зеленковичи-4	62. Шавнево-1	79. Городок	99. Затишье	(Пелагеевское)	135. Буйничи	154. Старое	171. Гамарня	193. Корзуны	215. Сметаничи
(Углы)	40. Холопеничи	63. Шавнево-2	80. Игнатовка	100. Вольнеж	116. Могилёв	**Мстиславский**	Село-1-3	172. Городок	194. Городец	216. Черноручье
18. Продвина	41. Доколь	64. Ярцевка	81. Павловичи	101. Прудок	(замковая гора)	**р-н**	155. Усполье	**Чаусский р-н**	195. Городок	
19. Петровичи-1	42. Козловичи	**Дрибинский р-н**	**Кличевский р-н**	102. Мартьяновка	117. Вендорож	136. Баньковщина	(Красное)	173. Высокое-1	(Кривель)	
20. Петровичи-2	**Горецкий р-н**	65. Городецк	82. Осовы (Асавы)	103. Муравиль	118. Боровка	137. Бель	**Осиповичский**	174. Высокое-2	196. Княжицы	

Рис. 2. Городища с материалами днепро-двинской культуры

Fig. 2. Settlements with materials of the Dnieper-Dvina culture

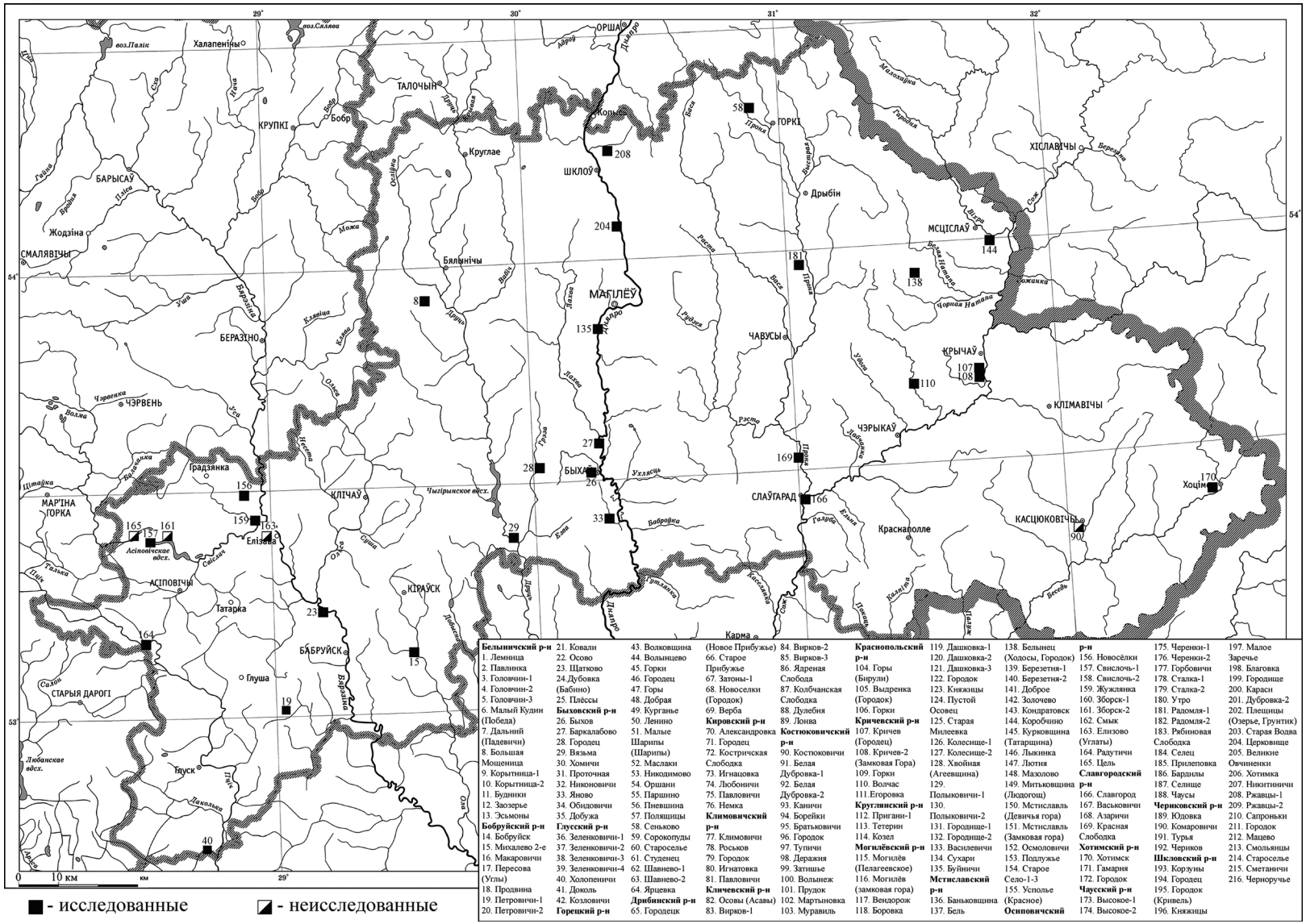

Рис. 3. Городища с материалами милоградской культуры

Fig. 3. Settlements with materials of the Milograd culture

шире представлена зарубинецкая культура, материалы которой выявлены на 41 укреплённом поселении. Из этого количества 26 городищ принадлежат к мысовому типу, 14 размещены на ровных или заболоченных территориях и одно поселение является холмовым. Для 3 городищ из общей численности 47 культурная атрибуция на современном этапе изучения остаётся неопределённой.

Важными особенностями рассматриваемого хронологического отрезка являются сосуществование и взаимодействие двух культурных групп на одних и тех же памятниках. Зафиксированы случаи как последовательного заселения (приход носителей одной культуры на уже покинутое поселение), так и синхронного проживания, сопровождавшегося взаимной культурной диффузией. Показательно, что в напластованиях 14 городищ выявлены смешанные культурные слои, содержащие материалы как культуры штрихованной керамики, так и зарубинецкой.

Поскольку подавляющее большинство укреплённых поселений, существовавших в предшествующий период (VII–III вв. до н. э.), было вновь заселено в III в. до н. э. – II в. н. э. носителями культуры штрихованной керамики и зарубинецкой культуры, их приуроченность к речным долинам практически не изменилась. Распределение городищ в речной системе региона выглядит следующим образом: на берегах Днепра расположено 8 поселений, на реках первого порядка – 8, второго порядка – 15, третьего порядка – 14 и четвёртого порядка – 1 городище.

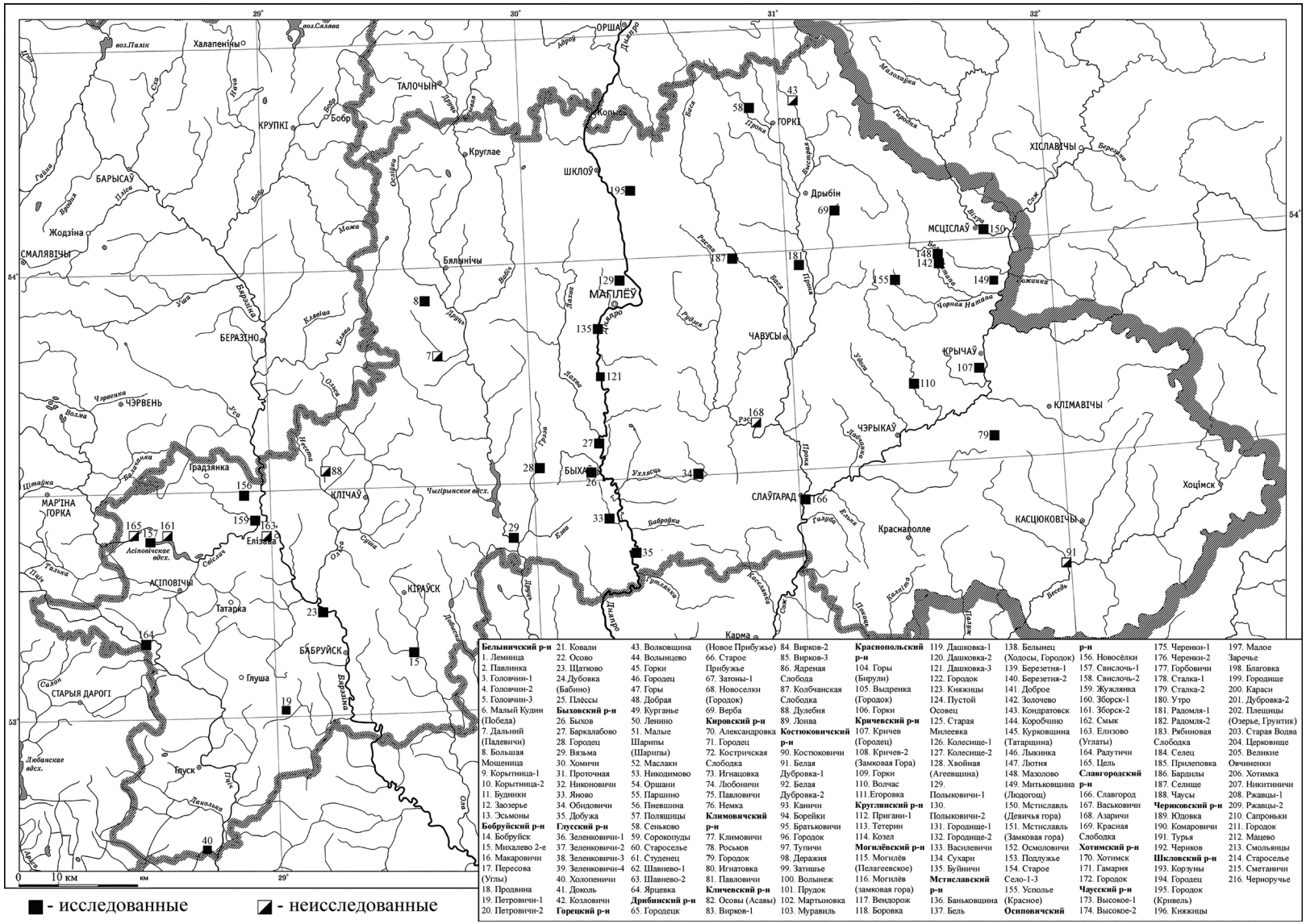
В рассматриваемый период территорию Могилёвского Поднепровья заселяло население зарубинецкой культуры (верхнеднепровский вариант), укреплённые поселения которой известны по всему ареалу её распространения. Характерной чертой расселения носителей этой этнокультурной общности являлось предпочтение, отдаваемое уже существовавшим городищам, основанным предшествующим населением – милоградскими и днепро-двинскими племенами. Так, зарубинцами было освоено 24 милоградских городища и 4 поселения, ранее принадлежавших днепродвинской культуре (рис. 4). Следует отметить, что городища с зарубинецкими отложениями характерны не только для Могилёвского Поднепровья, но и для более широкой территории, включая Восточное Полесье и Гомельское Поднепровье [3, с. 238–239].

Типологически укреплённые поселения с зарубинецкими материалами на территории Могилёвского Поднепровья могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся городища, расположенные на краю высоких плато, на речных и овражных мысах; поселения этого типа преобладают в регионе. Вторую группу составляют памятники, находившиеся в низких местах – на останцах поймы или невысоких надпойменных террасах [7, с. 24]. К последним может быть отнесено городище Холопеничи в Глусском районе.

На рубеже эр – в начале I тыс. н. э. – в пределы Могилёвского Поднепровья начинает проникать население позднего этапа культуры штрихованной керамики. К настоящему времени выявлено 17 укреплённых поселений, где зафиксированы следы пребывания штриховиков. Ареал их распространения охватывает преимущественно западную (Осиповичский район: Новосёлки, Цель, Жужлянка, Зборск-2, Радутичи), северо-западную и северную (Белыничский район: Лемница, Дальний, Большая Мощеница; Шкловский район: Церковище, Ржавцы-1) части региона (рис. 5).

По своим внешним характеристикам эти городища в целом не отличаются от более ранних памятников культуры штрихованной керамики, известных в Центральной Беларуси. Они устраивались в местах, защищённых естественными преградами: на мысах или холмах по берегам рек (преимущественно малых) и озёр. Встречаются также поселения, расположенные на холмах в поймах рек, среди болот, а также на сравнительно ровных участках (Лемница). Форма городища определялась конфигурацией выбранного природного объекта: мысовые поселения чаще всего имели треугольную (со скруглёнными углами) или яйцевидную форму, тогда как холмовые – овальные или округлые очертания. Размеры поселений были невелики, их площадь колебалась в пределах от 0,3–0,5 до 2,5–4 тыс. м^2 [5, с. 15].

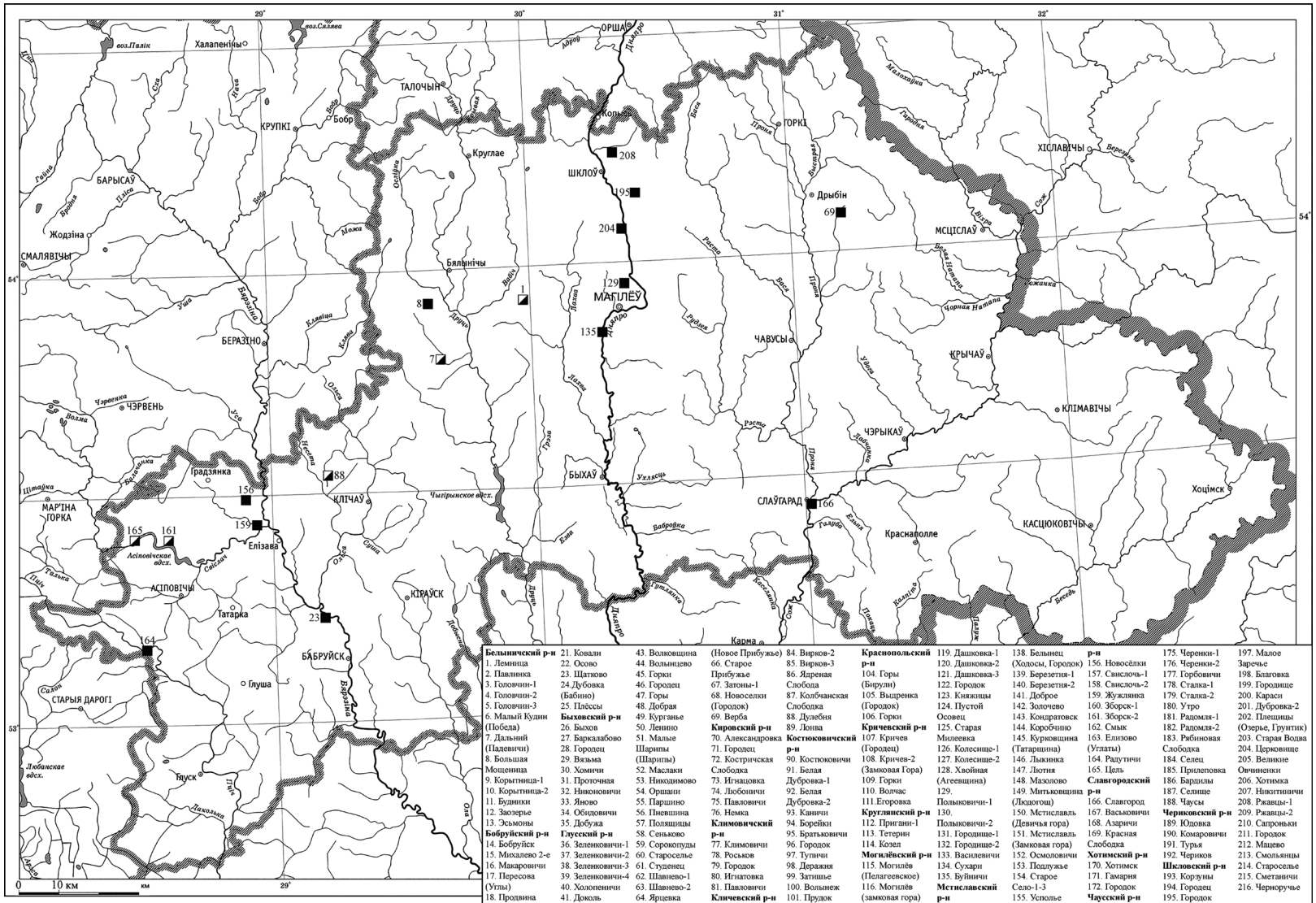
Для Могилёвского Поднепровья наиболее характерными являются городища, устроенные на мысовидных выступах высоких коренных берегов рек. Ещё одной региональной особенностью выступает практика заселения носителями культуры штрихованной керамики старых милоградских городищ: из 17 известных поселений штриховиков 11 были основаны на месте более ранних милоградских укреплений.

Белыничский р-н	21. Ковали	43. Волковщина	(Новое Прибужье)	84. Вирков-2	**Краснопольский**	119. Дашковка-1	138. Бельнец	**р-н**	175. Черенки-1	197. Малое
1. Лемница	22. Осово	44. Вольнцево	66. Старое	85. Вирков-3	**р-н**	120. Дашковка-2	(Ходосы, Городок)	156. Новосёлки	176. Черенки-2	Заречье
2. Павлинка	23. Щатково	45. Горки	Прибужье	86. Ядреная	104. Горы	121. Дашковка-3	139. Березетня-1	157. Свислочь-1	177. Горбовичи	198. Благовка
3. Головчин-1	24.Дубовка	46. Городец	67. Затоны-1	Слобода	(Бирули)	122. Городок	140. Березетня-2	158. Свислочь-2	178. Сталка-1	199. Городище
4. Головчин-2	(Бабино)	47. Горы	68. Новоселки	87. Колбчанская	105. Выдренка	123. Княжицы	141. Доброе	159. Жуклянка	179. Сталка-2	200. Караси
5. Головчин-3	25. Плёссы	48. Добрая	(Городок)	Слободка	(Городок)	124. Пустой	142. Золочево	160. Зборск-1	180. Утро	201. Дубровка-2
6. Малый Кудин	**Быховский р-н**	49. Курганье	69. Верба	88. Дулебня	106. Горки	Осовец	143. Кондратовск	161. Зборск-2	181. Радомля-1	202. Плещицы
(Победа)	26. Быхов	50. Ленино	**Кировский р-н**	89. Лонва	**Кричевский р-н**	125. Старая	144. Коробчино	162. Смык	182. Радомля-2	(Озерье, Грунтик)
7. Дальний	27. Баркалабово	51. Малые	70. Александровка	**Костюковичский**	107. Кричев	Милеевка	145. Курковщина	163. Елизово	183. Рябиновая	203. Старая Водва
(Палевичи)	28. Городец	Шарпины	71. Городец	**р-н**	(Городец)	126. Колесенцы-1	(Татарщина)	Слободка	204. Церковище	
8. Большая	29. Вязьма	(Шарпы)	72. Костричская	90. Костюковичи	108. Кричев-2	127. Колесенцы-2	146. Лыкинка	164. Радутичи	184. Селец	205. Великие
Мощеница	30. Хомичи	52. Маслаки	Слободка	91. Белая	(Замковая Гора)	128. Хвойная	147. Лютня	165. Цель	185. Прилеповка	Овчинненки
9. Корытница-1	31. Проточная	53. Никодимово	73. Игнацовка	Дубровка-1	109. Горки	(Агеевщина)	148. Мазолово	**Славгородский**	186. Бардылы	206. Хотимка
10. Корытница-2	32. Никоновичи	54. Оршани	74. Любоничи	92. Белая	110. Волчас	129.	149. Митьковщина	**р-н**	187. Селище	207. Никитиничи
11. Будники	33. Яново	55. Паршино	75. Павловичи	Дубровка-2	111.Егоровка	Полыковичи-1	(Людогощ)	166. Славгород	188. Чаусы	208. Ржавцы-1
12. Заозерье	34. Обидовичи	56. Пневшина	76. Немка	93. Каничи	**Круглянский р-н**	130.	150. Мстиславль	167. Васьковичи	**Черниковский р-н**	209. Ржавцы-2
13. Эсьмоны	35. Добужа	57. Полящицы	**Климовичский**	94. Борейки	112. Пригани-1	Полыковичи-2	(Девичья гора)	168. Азаричи	189. Юдовка	210. Сапроньки
Бобруйский р-н	**Глусский р-н**	58. Сеньково	**р-н**	95. Братьковичи	113. Тетерин	131. Городище-1	151. Мстиславль	169. Красная	190. Комаровичи	211. Городок
14. Бобруйск	36. Зеленковичи-1	59. Сорокоплуды	77. Климовичи	96. Городок	114. Козел	132. Городище-2	(Замковая гора)	Слободка	191. Турья	212. Мацево
15. Михалево 2-е	37. Зеленковичи-2	60. Староселье	78. Роськов	97. Тупичи	**Могилёвский р-н**	133. Василевичи	152. Осмоловичи	**Хотимский р-н**	192. Черников	213. Смольянцы
16. Макаровичи	38. Зеленковичи-3	61. Студенец	79. Городок	98. Держжня	115. Могилёв	134. Сухари	153. Подлужье	170. Хотимск	**Шкловский р-н**	214. Староселье
17. Пересова	39. Зеленковичи-4	62. Шавнево-1	80. Игнатовка	99. Затишье	(Пелагеевское)	135. Буйничи	154. Старое	171. Гамарня	193. Корзуны	215. Сметаничи
(Углы)	40. Холопеничи	63. Шавнево-2	81. Павловичи	100. Волынеж	116. Могилёв	**Мстиславский**	Село-1-3	172. Городок	194. Городец	216. Черноручье
18. Продвина	41. Доколь	64. Ярцевка	**Кличевский р-н**	101. Прудок	(замковая гора)	**р-н**	155. Усполье	**Чаусский р-н**	195. Городок	
19. Петровичи-1	42. Козловичи	**Дрибинский р-н**	82. Осовы (Асавы)	102. Мартыновка	117. Вендорож	136. Баньковщина	(Красное)	173. Высокое-1	(Кривель)	
20. Петровичи-2	**Горецкий р-н**	65. Городецк	83. Вирков-1	103. Муравиль	118. Боровка	137. Бель	**Осиповичский**	174. Высокое-2	196. Княжицы	

Рис. 4. Городища с материалами зарубинецкой культуры

Fig. 4. Settlements with materials from the Zarubintsy culture

Бельничский р-н	21. Ковали	43. Волковщина	(Новое Прибужье)	84. Вирков-2	**Краснопольский**	119. Дашковка-1	138. Бельнец	**р-н**	175. Черенки-1	197. Малое
1. Лемница	22. Осово	44. Вольнцево	66. Старое	85. Вирков-3	**р-н**	120. Дашковка-2	(Ходосы, Городок)	156. Новосёлки	176. Черенки-2	Заречье
2. Павлинка	23. Щатково	45. Горки	Прибужье	86. Ядреная	104. Горы	121. Дашковка-3	139. Березетня-1	157. Свислочь-1	177. Горбовичи	198. Благовка
3. Головчин-1	24.Дубовка	46. Городец	67. Затоны-1	Слобода	(Бирули)	122. Городок	140. Березетня-2	158. Свислочь-2	178. Сталка-1	199. Городище
4. Головчин-2	(Бабино)	47. Горы	68. Новоселки	87. Колбчанская	105. Выдренка	123. Княжицы	141. Доброе	159. Жужлянка	179. Сталка-2	200. Караси
5. Головчин-3	25. Плёссы	48. Добрая	(Городок)	Слободка	(Городок)	124. Пустой	142. Золочево	160. Зборск-1	180. Утро	201. Дубровка-2
6. Малый Кудин	**Быховский р-н**	49. Курганье	Слободка	88. Дулебня	106. Горки	Осовец	143. Кондратовск	161. Зборск-2	181. Радомля-1	202. Плещицы
(Победа)	26. Быхов	50. Ленино	**Кировский р-н**	89. Лонва	**Кричевский р-н**	125. Старая	144. Коробчино	162. Смык	182. Радомля-2	(Озерье, Грунтник)
7. Дальний	27. Барклалобово	51. Малые	70. Александровка	**Костюковичский**	107. Кричев	Милеевка	145. Куриковщина	163. Елизово	183. Рябиновая	203. Старая Водва
(Падевичи)	28. Городец	Шарипы	71. Городец	**р-н**	(Городец)	126. Колесище-1	(Татарщина)	(Углаты)	Слободка	204. Цермовище
8. Большая	29. Вязьма	(Шарипы)	72. Костричская	90. Костюковичи	108. Кричев-2	127. Колесище-2	146. Лыкинка	164. Радутичи	184. Селец	205. Великие
Мощеница	30. Хомичи	52. Маслаки	Слободка	91. Белая	(Замковая Гора)	128. Хвойная	147. Лютня	165. Цель	185. Прилеповка	Овчиненки
9. Корытница-1	31. Проточная	53. Никодимово	73. Игнацовка	Дубровка-1	109. Горки	(Агеевщина)	148. Мазолово	**Славгородский**	186. Бардылы	206. Хотимка
10. Корытница-2	32. Никоновичи	54. Оршани	74. Любоничи	92. Белая	110. Волчас	129.	149. Митьковщина	**р-н**	187. Селище	207. Никитиничи
11. Будники	33. Яново	55. Паршино	75. Павловичи	Дубровка-2	111.Егоровка	Полыковичи-1	(Людогощ)	166. Славгород	188. Чаусы	208. Ржавцы-1
12. Заозерье	34. Обидовичи	56. Пневшина	76. Немка	93. Каничи	**Круглянский р-н**	130.	150. Мстиславль	167. Васьковичи	**Чериковский р-н**	209. Ржавцы-2
13. Эсьмоны	35. Добужа	57. Полящицы	**Климовичский**	94. Борейки	112. Пригани-1	Полыковичи-2	(Девичья гора)	168. Азаричи	189. Юдовка	210. Сапроньки
Бобруйский р-н	**Глусский р-н**	58. Сеньково	**р-н**	95. Братьковичи	113. Тетерин	131. Городище-1	151. Мстиславль	169. Красная	190. Комаровичи	211. Городок
14. Бобруйск	36. Зеленковичи-1	59. Сорокопупы	77. Климовичи	96. Городок	114. Козел	132. Городище-2	(Замковая гора)	Слободка	191. Турья	212. Мацево
15. Михалево 2-е	37. Зеленковичи-2	60. Староселье	78. Роськов	97. Тупичи	**Могилёвский р-н**	133. Василевичи	152. Осмоловичи	**Хотимский р-н**	192. Чериков	213. Смольянцы
16. Макаровичи	38. Зеленковичи-3	61. Студенец	79. Городок	98. Держжня	115. Могилёв	134. Сухари	153. Подлужье	170. Хотимск	**Шкловский р-н**	214. Староселье
17. Пересова	39. Зеленковичи-4	62. Шавнево-1	80. Игнатовка	99. Затишье	(Пелагеевское)	135. Буйничи	154. Старое	171. Гамарня	193. Корзуны	215. Сметаничи
(Утлы)	40. Холопеничи	63. Шавнево-2	81. Павловичи	100. Вольнеж	116. Могилёв	**Мстиславский**	Село-1-3	172. Городок	194. Городец	216. Черноручье
18. Продвина	41. Доколь	64. Ярцевка	**Кличевский р-н**	101. Прудок	(замковая гора)	**р-н**	155. Успольe	**Чаусский р-н**	195. Городок	
19. Петровичи-1	42. Козловичи	**Дрибинский р-н**	82. Осовы (Асавы)	102. Мартьяновка	117. Вендорож	136. Баньковщина	(Красное)	173. Высокое-1	(Кривель)	
20. Петровичи-2	**Горецкий р-н**	65. Городецк	83. Вирков-1	103. Муравиль	118. Боровка	137. Бель	**Осиповичский**	174. Высокое-2	196. Княжицы	

Рис. 5. Городища с материалами культуры штрихованной керамики

Fig. 5. Settlements with materials from the Striated Pottery culture

Укреплённые поселения V–VII вв. н. э. В настоящее время в пределах Могилёвского Поднепровья материалы, датируемые V–VII вв. н. э., выявлены на 15 укреплённых поселениях. В этот хронологический отрезок здесь обитало население двух археологических культур – банцеровско-тушемлинской и колочинской.

Культурный слой банцеровско-тушемлинской культуры зафиксирован на 3 городищах (рис. 7); все они относятся к мысовому типу. Население колочинской культуры проживало на 4 поселениях (рис. 6), причём два из них расположены на относительно ровной местности, а два – на мысах. Ещё на 8 городищах выявлена керамика, датируемая третьей четвертью I тыс. н. э., а также материалы VI–IX вв., что свидетельствует о длительном функционировании или повторном заселении этих объектов.

Распределение укреплённых поселений рассматриваемого периода в речной системе Могилёвской области выглядит следующим образом: непосредственно на берегах Днепра находится 3 городища, на реках первого порядка – 6, второго порядка – 4, третьего порядка – 2 городища.

Начиная с середины I тыс. н. э. в пределы Средней и Северной Беларуси, включая территорию Могилёвского Поднепровья, начинают проникать носители киевской историко-культурной общности. Пришлое население проживало на открытых, неукреплённых поселениях, располагавшихся по берегам рек и озёр, на невысоких возвышенностях среди болот или по краям надпойменных террас. В отдельных случаях такие селища возникали в непосредственной близости от ранее существовавших городищ. Жилища представлены двумя типами – наземными и полуземлянками, с преобладанием столбовой или срубной конструкции стен [4, с. 92].

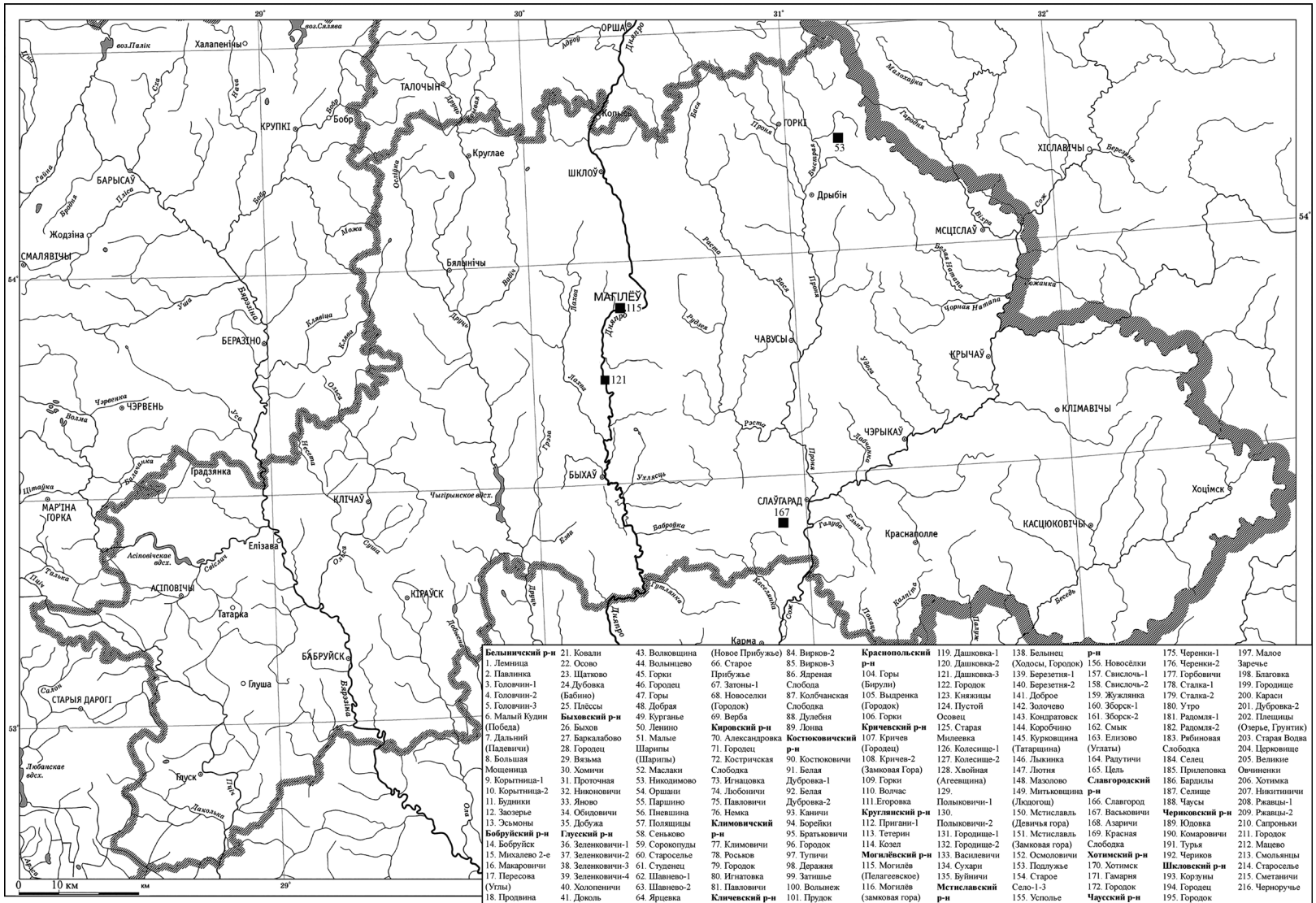
С проникновением племён киевской культуры большинство исследователей связывают трансформацию культуры штрихованной керамики в Средней Беларуси и днепро-двинской культуры в её северной части в банцеровско-тушемлинскую культурную общность. В отличие от предшествующего населения, для которого укреплённые поселения служили основным местом обитания, у носителей банцеровской культуры преобладающей формой расселения становятся открытые неукреплённые селища. По наблюдениям А. Р. Митрофанова, процесс отказа от городищ как постоянных жилых центров начался в IV в. н. э. и повсеместно завершился не позднее V в. н. э. на всей территории распространения банцеровской культуры [4, с. 92].

В бассейне Могилёвского Поднепровья, как и в других регионах, выделяются две группы городищ, связанных с банцеровско-тушемлинской традицией. Памятники первой группы располагаются на берегах озёр, пологих возвышенностях в поймах рек или мысообразных выступах надпойменных террас. Эти поселения не имеют прямой связи с городищами предшествующего времени; расстояние до ближайших более ранних укреплений может достигать десяти и более километров. Поселения второй группы, напротив, тесно связаны с древними городищами и размещаются в непосредственной близости от них, чаще всего у подножия.

Согласно наблюдениям А. Р. Митрофанова, на ранней стадии развития банцеровской культуры (V–VI вв. н. э.) её носители обитали исключительно на поселениях первой группы, что может свидетельствовать об относительной стабильности и отсутствии внешней угрозы. Лишь позднее, в конце VI в. н. э., в связи с обострением военно-политической обстановки, возникают селища второй группы, а заброшенные ранее городища начинают использоваться как убежища. Их жители предпринимают меры по укреплению этих объектов: насыпают дополнительные оборонительные валы, подсыпают края площадок, возводят деревянные стены по гребням валов и краям площадок [4, с. 92]. Именно такая картина зафиксирована, в частности, на городище Жужлянка, где ранее последовательно проживало население милоградской, штрихованной керамики и зарубинецкой культур.

На южном пограничье банцеровско-тушемлинская культура контактировала с близкой ей колочинской археологической культурой. В пределах Могилёвского Поднепровья граница между ними может быть определена лишь условно, как широкая полоса в средней или южной части современной Могилёвской области. Предположительно, по течению р. Сож рубеж проходил где-то между Кричевом и Славгородом [8, с. 15].

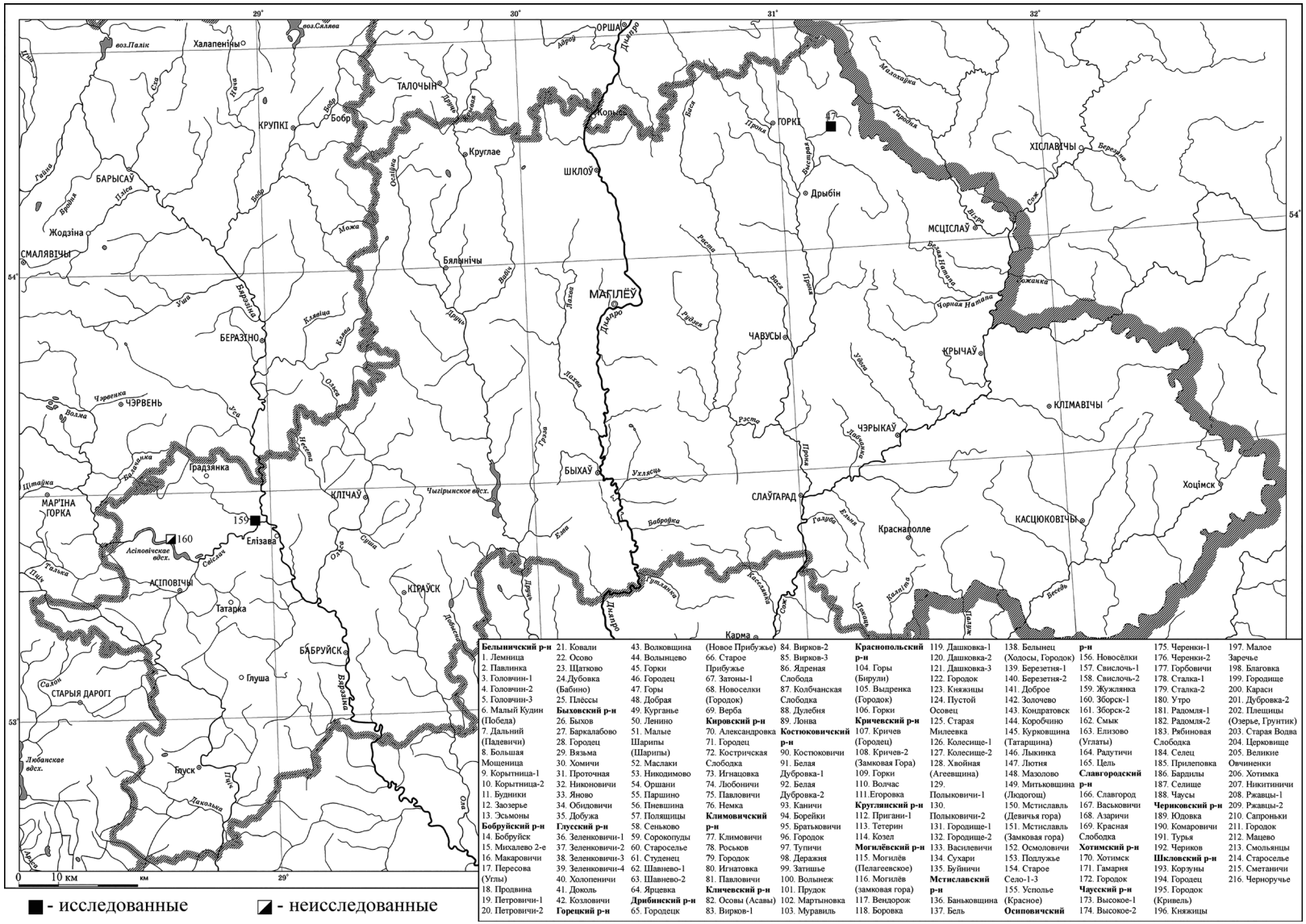
К колочинской культуре относятся памятники, на которых зафиксированы характерные керамические комплексы и присутствуют укрепления, возведённые или использовавшиеся в период раннего Средневековья (Никодимово, Могилёв-Змеёвка и др.). Все они занимают возвышенные

Бельничский р-н	21. Ковали	43. Волковщина	(Новое Прибужье)	84. Вирков-2	**Краснопольский**	119. Дашковка-1	138. Бельнец	**р-н**	175. Черенки-1	197. Малое
1. Лемница	22. Осово	44. Вольнцево	66. Старое	85. Вирков-3	**р-н**	120. Дашковка-2	(Ходосы, Городок)	156. Новосёлки	176. Черенки-2	Заречье
2. Павлинка	23. Щатково	45. Горки	Прибужье	86. Ядреная	104. Горы	121. Дашковка-3	139. Березетня-1	157. Свислочь-1	177. Горбовичи	198. Благовка
3. Головчин-1	24.Дубовка	46. Городец	67. Затоны-1	Слобода	(Бирули)	122. Городок	140. Березетня-2	158. Свислочь-2	178. Сталка-1	199. Городище
4. Головчин-2	(Бабино)	47. Горы	68. Новоселки	87. Колбчанская	105. Выдренка	123. Княжицы	141. Доброе	159. Жужлянка	179. Сталка-2	200. Караси
5. Головчин-3	25. Плёссы	48. Добрая	(Городок)	Слободка	(Городок)	124. Пустой	142. Золочево	160. Зборск-1	180. Утро	201. Дубровка-2
6. Малый Кудин	**Быховский р-н**	49. Курганье	Слободка	88. Дулебня	106. Горки	Осовец	143. Кондратовск	161. Зборск-2	181. Радомля-1	202. Плещицы
(Победа)	26. Быхов	50. Ленино	69. Верба	89. Лонва	**Кричевский р-н**	125. Старая	144. Коробчино	162. Смык	182. Радомля-2	(Озерье, Грунтник)
7. Дальний	27. Баркалабово	51. Малые	**Кировский р-н**	**Костюковичский**	107. Кричев	Милеевка	145. Куриковщина	163. Елизово	183. Рябиновая	203. Старая Водва
(Палевичи)	28. Городец	Шарипы	70. Александровка	**р-н**	(Городец)	126. Колесище-1	(Татарщина)	(Углаты)	Слободка	204. Цермовище
8. Большая	29. Вязьма	(Шарипы)	71. Городец	90. Костюковичи	108. Кричев-2	127. Колесище-2	146. Лыкинка	164. Радутичи	184. Селец	205. Великие
Мощеница	30. Хомичи	52. Маслаки	72. Костричская	91. Белая	(Замковая Гора)	128. Хвойная	147. Лютня	165. Цель	185. Прилеповка	Овчиненки
9. Корытница-1	31. Проточная	53. Никодимово	Слободка	Дубровка-1	109. Горки	(Агеевщина)	148. Мазолово	**Славгородский**	186. Бардылы	206. Хотимка
10. Корытница-2	32. Никоновичи	54. Оршани	73. Игнацовка	92. Белая	110. Волчас	129.	149. Митьковщина	**р-н**	187. Селище	207. Никитиничи
11. Будники	33. Яново	55. Паршино	74. Любоничи	Дубровка-2	111.Егоровка	Полыковичи-1	(Людогощ)	166. Славгород	188. Чаусы	208. Ржавцы-1
12. Заозерье	34. Обидовичи	56. Пневшина	75. Павловичи	93. Каничи	**Круглянский р-н**	130.	150. Мстиславль	167. Васьковичи	**Чериковский р-н**	209. Ржавцы-2
13. Эсьмоны	35. Добужа	57. Полящицы	76. Немка	**Климовичский**	112. Пригани-1	Полыковичи-2	(Девичья гора)	168. Азаричи	189. Юдовка	210. Сапроньки
Бобруйский р-н	**Глусский р-н**	58. Сеньково	**Климовичский**	**р-н**	113. Тетерин	131. Городище-1	151. Мстиславль	169. Красная	190. Комаровичи	211. Городок
14. Бобруйск	36. Зеленковичи-1	59. Сорокопупы	77. Климовичи	94. Борейки	114. Козел	132. Городище-2	(Замковая гора)	Слободка	191. Турья	212. Мацево
15. Михалево 2-е	37. Зеленковичи-2	60. Староселье	78. Роськов	95. Братьковичи	**Могилёвский р-н**	133. Василевичи	152. Осмоловичи	**Хотимский р-н**	192. Чериков	213. Смольянцы
16. Макаровичи	38. Зеленковичи-3	61. Студенец	79. Городок	96. Городок	115. Могилёв	134. Сухари	153. Подлужье	170. Хотимск	**Шкловский р-н**	214. Староселье
17. Пересова	39. Зеленковичи-4	62. Шавнево-1	80. Игнатовка	97. Тупичи	(Пелагеевское)	135. Буйничи	154. Старое	171. Гамарня	193. Корзуны	215. Сметаничи
(Углы)	40. Холопеничи	63. Шавнево-2	81. Павловичи	98. Деражня	116. Могилёв	**Мстиславский**	Село-1-3	172. Городок	194. Городец	216. Черноручье
18. Продвина	41. Доколь	64. Ярцевка	**Кличевский р-н**	99. Затишье	(замковая гора)	**р-н**	155. Усполье	**Чаусский р-н**	195. Городок	
19. Петровичи-1	42. Козловичи	**Дрибинский р-н**	82. Осовы (Асавы)	100. Вольнеж	117. Вендорож	136. Баньковщина	(Красное)	173. Высокое-1	(Кривель)	
20. Петровичи-2	**Горецкий р-н**	65. Городецк	83. Вирков-1	101. Прудок	118. Боровка	137. Бель	**Осиповичский**	174. Высокое-2	196. Княжицы	
				102. Мартьяновка						
				103. Муравиль						

Рис. 6. Городища с материалами колочинской культуры

Fig. 6. Settlements with materials from the Kolochin culture

Белыничский р-н	21. Ковали	43. Волковщина	(Новое Прибужье)	84. Вирков-2	**Краснопольский**	119. Дашковка-1	138. Бельнец	**р-н**	175. Черенки-1	197. Малое
1. Лемница	22. Осово	44. Вольнцево	66. Старое	85. Вирков-3	**р-н**	120. Дашковка-2	(Ходосы, Городок)	156. Новосёлки	176. Черенки-2	Заречье
2. Павлинка	23. Щатково	45. Горки	Прибужье	86. Ядреная	104. Горы	121. Дашковка-3	139. Березетня-1	157. Свислочь-1	177. Горбовичи	198. Благовка
3. Головчин-1	24.Дубовка	46. Городец	67. Затоны-1	Слобода	(Бирули)	122. Городок	140. Березетня-2	158. Свислочь-2	178. Сталка-1	199. Городище
4. Головчин-2	(Бабино)	47. Горы	68. Новоселки	87. Колбчанская	105. Выдренка	123. Княжицы	141. Доброе	159. Жуклянка	179. Сталка-2	200. Караси
5. Головчин-3	25. Плёссы	48. Добрая	(Городок)	Слободка	(Городок)	124. Пустой	142. Золочево	160. Зборск-1	180. Утро	201. Дубровка-2
6. Малый Кудин	**Быховский р-н**	49. Курганье	69. Верба	88. Дулебня	106. Горки	Осовец	143. Кондратовск	161. Зборск-2	181. Радомля-1	202. Плещицы
(Победа)	26. Быхов	50. Ленино	**Кировский р-н**	89. Лонва	**Кричевский р-н**	125. Старая	144. Коробчино	162. Смык	182. Радомля-2	(Озерье, Грунтик)
7. Дальний	27. Баркалабово	51. Малые	70. Александровка	**Костюковичский**	107. Кричев	Милеевка	145. Курковщина	163. Елизово	183. Рябиновая	203. Старая Водва
(Палевичи)	28. Городец	Шарпны	71. Городец	**р-н**	(Городец)	126. Колесище-1	(Татарщина)	Слободка	Слободка	204. Церковище
8. Большая	29. Вязьма	(Шарпы)	72. Кострическая	90. Костюковичи	108. Кричев-2	127. Колесище-2	146. Лыкинка	164. Радутичи	184. Селец	205. Великие
Мощеница	30. Хомичи	52. Маслаки	Слободка	91. Белая	(Замковая Гора)	128. Хвойная	147. Лютня	165. Цель	185. Прилеповка	Овчинненки
9. Корытница-1	31. Проточная	53. Никодимово	73. Игнацовка	Дубровка-1	109. Горки	(Агеевщина)	148. Мазолово	**Славгородский**	186. Бардилы	206. Хотимка
10. Корытница-2	32. Никоновичи	54. Оршани	74. Любоничи	92. Белая	110. Волчас	129.	149. Митьковщина	**р-н**	187. Селище	207. Никитиничи
11. Будники	33. Яново	55. Паршино	75. Павловичи	Дубровка-2	111.Егоровка	Полыковичи-1	(Людогощ)	166. Славгород	188. Чаусы	208. Ржавцы-1
12. Заозерье	34. Обидовичи	56. Пневшина	76. Немка	93. Каничи	**Круглянский р-н**	130.	150. Мстиславль	167. Васьковичи	**Черниковский р-н**	209. Ржавцы-2
13. Эсьмоны	35. Добужа	57. Полящицы	**Климовичский**	94. Борейки	112. Пригани-1	Полыковичи-2	(Девичья гора)	168. Азаричи	189. Юдовка	210. Сапроньки
Бобруйский р-н	**Глусский р-н**	58. Сеньково	**р-н**	95. Братьковичи	113. Тетерин	131. Городище-1	151. Мстиславль	169. Красная	190. Комаровичи	211. Городок
14. Бобруйск	36. Зеленковичи-1	59. Сорокопупы	77. Климовичи	96. Городок	114. Козел	132. Городище-2	(Замковая гора)	Слободка	191. Турья	212. Мацево
15. Михалево 2-е	37. Зеленковичи-2	60. Староселье	78. Роськов	97. Тупичи	**Могилёвский р-н**	133. Василевичи	152. Осмоловичи	**Хотимский р-н**	192. Черников	213. Смольянцы
16. Макаровичи	38. Зеленковичи-3	61. Студенец	79. Городок	98. Деражня	115. Могилёв	134. Сухари	153. Подлужье	170. Хотимск	**Шкловский р-н**	214. Староселье
17. Пересова	39. Зеленковичи-4	62. Шавнево-1	80. Игнатовка	99. Затишье	(Пелагеевское)	135. Буйничи	154. Старое	171. Гамарня	193. Корзуны	215. Сметаничи
(Углы)	40. Холопеничи	63. Шавнево-2	81. Павловичи	100. Волынеж	116. Могилёв	**Мстиславский**	Село-1-3	**Чаусский р-н**	194. Городец	216. Черноручье
18. Продвина	41. Доколь	64. Ярцевка	**Кличевский р-н**	101. Прудок	(замковая гора)	**р-н**	155. Усполье	172. Городок	195. Городок	
19. Петровичи-1	42. Козловичи	**Дрибинский р-н**	82. Осовы (Асавы)	102. Мартыновка	117. Вендорож	136. Баньковщина	(Красное)	173. Высокое-1	(Кривель)	
20. Петровичи-2	**Горецкий р-н**	65. Городецк	83. Вирков-1	103. Муравиль	118. Боровка	137. Бель	**Осиповичский**	174. Высокое-2	196. Княжицы	

Рис. 7. Городища с материалами банцеровско-тушемлинской культуры

Fig. 7. Settlements with materials from the Bantserovo-Tushemla culture

мысы коренных берегов рек, образованные оврагами. С напольной стороны городища защищены валами и рвами. Так, на городище Никодимово с напольной стороны располагался высокий вал, а ещё два вала находились в мысовой части. Внутренняя площадка разделена на две части «куполообразной насыпью» и оплывшим валом [6, л. 17]. Для колочинской культуры также характерна практика заселения городищ предшествующего времени. Примером может служить городище Дашковка-3, где в ходе раскопок 2019 г. под руководством автора были выявлены находки как колочинской культуры, так и материалы, относящиеся к позднезарубинецкому периоду [1, с. 79].

Укреплённые поселения IV–VII вв. н. э. на территории Могилёвского Поднепровья и Посожья представлены преимущественно городищами-убежищами. Они представляли собой фортификационные сооружения, предназначенные для укрытия населения в периоды военной опасности. Некоторые из таких объектов, помимо жилых построек на площадке, содержали культовые сооружения, что позволяет квалифицировать их как городища-святилища. Убежища, возведённые на возвышенных участках среди болот, в специальной научной литературе получили наименование болотных городищ [8, с. 15].

Заключение. Подводя общие итоги развития укреплённого домостроения в регионе на протяжении железного века, можно выделить несколько закономерностей. Первоначальное возведение городищ на территории Могилёвского Поднепровья относится к VII–III вв. до н. э. и связано с населением милоградской и днепро-двинской культур. Свои поселения они основывали преимущественно на мысах или высоких берегах крупных рек (первого, второго и третьего порядков).

Следующий этап (III в. до н. э. – II в. н. э.) характеризуется проникновением в регион носителей культуры штрихованной керамики и зарубинецкой культуры. Ключевой особенностью этого времени является массовое заселение пришельцами городищ, возведённых предшествующим населением, особенно милоградским. Топографические характеристики поселений в целом сохраняются, однако наблюдается некоторое увеличение численности городищ, расположенных вблизи рек второго и третьего порядков.

В II–V вв. н. э. фиксируется упадок укреплённого домостроения, что, вероятно, связано с относительной стабильностью и началом процессов сложения новых родоплеменных общностей. Однако с середины I тыс. н. э., в условиях обострения военной опасности, вызванной Великим переселением народов и угрозой нападений кочевников с юго-востока, вновь появляется потребность в укреплённых поселениях. Третий этап (V–VII вв. н. э.) связан уже с носителями банцеровско-тушемлинской и колочинской культур. Для этого периода характерно использование городищ не как постоянных жилых центров, а как временных убежищ. В размещении поселений относительно речной сети принципиальных изменений по сравнению с предшествующим этапом не происходит.

Историческое развитие населения Могилёвского Поднепровья и сопредельных территорий в раннем железном веке представляет собой сложную и многокомпонентную картину. Будучи зоной активного взаимодействия, а нередко и прямого наложения различных археологических культур, регион закономерно оказался в фокусе дискуссионных вопросов, касающихся генезиса отдельных общностей и характера их взаимосвязей. В историографии по данной проблеме сформировались противоречивые, порой взаимоисключающие точки зрения, что обусловлено как сложностью самого объекта изучения, так и неполнотой имеющихся источников.

Проведённый анализ материалов поселений в совокупности с данными иных источников позволяет предложить следующую реконструкцию исторического процесса в регионе. В первой половине I тыс. до н. э. территория Могилёвского Поднепровья была заселена представителями двух культурных общностей: милоградской культуры, занимавшей практически всю территорию региона, и днепро-двинской культуры, памятники которой сосредоточены в северо-восточной части области.

Динамика развития оборонительного и жилого домостроения у милоградского и днепродвинского населения даёт основания для выделения двух последовательных периодов в истории их существования. Первый период (VI – первая половина IV в. до н. э.) характеризуется слабой укреплённостью поселений либо полным отсутствием фортификационных сооружений на площадках городищ. Второй период (вторая половина IV–II в. до н. э.) отмечен появлением более совершенных оборонительных систем, включавших как деревянные, так и земляные конструкции (валы и рвы), окружавшие площадку по всему периметру. Жилища этого времени представляли собой удлинённые постройки, разделённые на отдельные жилые помещения с очагами.

На протяжении нескольких столетий фиксируется постепенное проникновение носителей культуры штрихованной керамики в северо-западные районы региона. Кульминацией этого процесса стало их массовое продвижение на рубеже эр (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.), результатом которого явилось освоение речных мысов и городищ, ранее принадлежавших милоградскому населению. Слабо укреплённые милоградские городища подверглись существенной реконструкции: старые невысокие валы были наращены и дополнены деревянными конструкциями. Наряду с этим штриховики возводили и принципиально новые укреплённые поселения, менее зависимые от естественных преград. Такие городища располагались на высоких коренных берегах рек и защищались с напольной стороны мощным валом и рвом, а со стороны реки – деревянной стеной. В жилищном строительстве этого времени на новых городищах, наряду с традиционными наземными столбовыми постройками, фиксируются полуземлянки и наземные дома срубной конструкции.

В последние века до н. э. на остальной территории милоградской и днепро-двинской культур в Могилёвском Поднепровье и Посожье распространяются зарубинецкие племена. При этом на ряде памятников (не менее 14) фиксируется не только последовательное заселение, но и синхронное проживание носителей этих культур, о чём свидетельствуют смешанные культурные слои с материалами обеих традиций.

Укреплённые поселения с зарубинецкими материалами типологически разделяются на две группы. Для центральных и восточных районов области преобладающими являются мысовые городища, тогда как в юго-западной части основным типом становятся поселения, размещённые на практически ровной местности. Мысовые городища характеризовались наличием дугообразных валов и рвов с напольной стороны, отсекавших жилую площадку от плато, а также деревянных ограждений по периметру площадки и гребню вала. Поселения второй группы, как правило, имели кольцевую систему земляных и деревянных укреплений. При этом, однако, зарубинецкое население не привнесло принципиально новых фортификационных решений, ограничившись частичным совершенствованием и модернизацией уже существовавших оборонительных систем. Планировочная структура зарубинецких поселений на сегодняшний день не может быть реконструирована в полном объёме из-за недостаточной изученности памятников; достоверно установлено лишь бытование наземных или слегка углублённых однокамерных жилищ столбовой конструкции.

В III–IV вв. н. э., в начальную фазу Великого переселения народов, на территории Могилёвского Поднепровья и сопредельных регионов происходят значительные культурные трансформации. В это время формируется археологическая культура типа Абидня-Тайманово. Культура штрихованной керамики к V в. н. э. трансформируется в банцеровскую культуру. В Смоленском Поднепровье и Подвинье сложные этнокультурные процессы приводят к формированию тушемлинской культуры. В целом на пространствах Верхнего Поднепровья и Подвинья в V–VII вв. н. э. складываются и развиваются близкие по материальной культуре и, предположительно, родственные в этническом отношении тушемлинские, банцеровские и колочинские племена.

Укреплённые поселения IV–VII вв. н. э. на рассматриваемой территории представлены преимущественно городищами-убежищами. Они функционировали как фортификационные сооружения, предназначенные для укрытия населения в периоды военной опасности. Некоторые из таких объектов, помимо жилых построек, включали культовые сооружения, что позволяет классифицировать их как городища-святилища. Площадь этих убежищ была относительно невелика и варьировала в пределах от 0,3 до 1,8 га.

Подавляющее большинство городищ, на которых выявлены материалы второй половины I тыс. н. э., были изначально возведены населением предшествующих культур раннего железного века. Ко второй четверти I тыс. н. э. степень их укреплённости достигает максимума: вокруг площадок возводятся несколько мощных кольцевых валов и рвов. Этот период знаменует собой поздние этапы существования культур, когда городища максимально фортифицируются, превращаясь в поселения-крепости со сложной системой обороны. В последующем население как колочинской, так и банцеровско-тушемлинской культур продолжает укреплять свои крепости-хранилища, возводя дополнительные валы, подсыпая края площадок, сооружая оборонительные стены. Используя старую систему земляных укреплений, обитатели городищ нередко перестраивали их: расширяли площадки, поднимали склоны, возводили новые валы с оборонительными стенами и рвами.

Что касается планировки, то на некоторых городищах зафиксированы удлинённые наземные постройки столбовой конструкции, которые располагались вдоль края площадки, оставляя центр незастроенным.

На рубеже VII–VIII вв. городища Могилёвского Поднепровья либо гибнут в огне пожаров, либо население покидает их, что знаменует завершение эпохи раннего железного века и переход к новому этапу исторического развития.

В заключение следует подчеркнуть, что решение ряда рассмотренных вопросов имеет предварительный характер. Это обусловлено спецификой археологических источников и неравномерной изученностью памятников. Отдельные положения и выводы по мере введения в научный оборот новых материалов, безусловно, будут уточняться или пересматриваться. В связи с этим необходимо продолжение систематических исследований укреплённых поселений Могилёвского Поднепровья, что позволит восполнить существующие лакуны и даст возможность более детально разработать вопросы, затронутые в настоящей работе в обобщённом виде.

Список использованных источников

1. Авласович, А. М. Научный отчёт о проведении археологических раскопок на памятниках железного века и средневековья на территории Могилёвского района Могилёвской области в 2019 г. / А. М. Авласович // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 3603.

2. Алексеев, Л. В. Городище Девичья гора в городе Мстиславле / Л. В. Алексеев // КСИА. – М., 1963. – Вып. 94. – С. 73.

3. Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 2: Жалезны век і ранняе сярэднявечча / А. А. Егарэйчанка, В. І. Шадыра, В. С. Вяргей [і інш.]; пад рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. – Мн.: Бел. навука, 1999. – 502 с.; іл.

4. Звяруга, Я. Г. Беларускае Павілле у жалезным веку і раннім сярэднявякоўі / Матэрыялы па археологіі Беларусі / Я. Г. Звяруга. – Мн.: ДНУ "Інстытут гісторіі НАН Беларусі", 2005. – Вып. 10. – 174 с.

5. Митрофанов, А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII – VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.) / А. Г. Митрофанов. – Мн.: Наука и техника, 1978. – 160 с.

6. Седин, А. А. Отчет о проведении археологических разведок в Горецком районе Могилевской области и Лепельском районе Витебской области в 1985 г. / А. А. Седин // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 913.

7. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. – первой половине I тысячелетия н. э. / В. И. Бидзиля, О. А. Гей, В. К. Каспарова [и др.]; отв. ред. И. П. Русанова, Э. А. Сымонович // Археология СССР. – М.: Наука, 1993. – 326 с.

8. Шмидт, Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э.: Тушемлинская культура / Е. А. Шмидт; отв. ред. Ф. Э. Модестов; Центр по охране и использованию памятников истории и культуры. – Смоленск: ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова, 2003. – 295 с.

References

1. Avlasovich A. M. Scientific report on archaeological excavations at Iron Age and medieval sites in the Mogilev District of the Mogilev Region in 2019. *TsNA NAN Belarusi. FAND*, vop. 1, arkh. no. 3603 (in Russian).

2. Alekseev L. V. The Devichya Gora hillfort in the town of Mstislavl. *KSIA*, Moscow, 1963, iss. 94, p. 73 (in Russian).

3. Lysenka P. F. (ed.). *Archaeology of Belarus: in 4 vols.* Vol. 2. Iron Age and Early Middle Ages. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 1999. 502 p. (in Belarusian).

4. Zvyaruga Ya. G. *The Belarusian Povillia in the Iron Age and Early Middle Ages.* Materials on the Archaeology of Belarus, iss. 10. Minsk, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus Publ., 2005. 174 p. (in Belarusian).

5. Mitrofanov A. G. *The Iron Age of Central Belarus (7th–6th centuries BC – 8th century AD).* Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1978. 160 p. (in Russian).

6. Sedin A. A. Report on archaeological surveys in the Goretsky District of the Mogilev Region and the Lepel District of the Vitebsk Region in 1985. *TsNA NAN Belarusi. FAND*, vop. 1, arkh. no. 913 (in Russian).

7. Bidzilya V. I., Gei O. A., Kasparova K.V. (eds.). *The Slavs and their neighbours at the end of the 1st millennium BC – the first half of the 1st millennium AD.* Archaeology of the USSR. Moscow, Nauka Publ., 1993. 326 p. (in Russian).

8. Shmidt E. A. *The Upper Dnieper and Dvina regions in the 3rd–7th centuries AD: The Tushemlya culture.* Smolensk, Smolensk Regional Printing House named after V. I. Smirnov, 2003. 295 p. (in Russian).

Информация об авторе

Авласович Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий Центром археологии Беларуси. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: avlasovichalexei@gmail.com. https://orcid.org/0009-0003-3717-8806

Information about the author

Alexei M. Avlasovich – Ph. D. (Hist.), Associate Professor, Head of the Center for Archaeology of Belarus. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: avlasovichalexei@gmail.com. https://orcid.org/0009-0003-3717-8806

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.1'367
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-218-229

Поступила в редакцию 31.10.2024
Received 31.10.2024

В. К. Голубева

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ РАЗНЫХ ФУНКЦИЙ У НАРЕЧИЙ С ПЕРЕМЕННОЙ СФЕРОЙ ДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Рассматриваются наречия с переменной (плавающей) сферой действия с точки зрения функционально-семантического соотношения типов их употребления. В центре внимания оказывается предикатив (предикативное употребление), сентенциальное наречие, глагольный модификатор с качественным значением или комплемент, глагольный модификатор с количественным значением, или интенсификатор. Основным методом исследования является трансформационный. С помощью него производятся преобразования в направлении «высказывание с предикативом → высказывание с приглагольным наречием». В результате разграничиваются трансформируемые и нетрансформируемые конструкции. Если трансформации возможны, то в исходном и полученном высказываниях предикатив и приглагольное наречие вступают в отношения: 1) функциональной эквивалентности (оба модифицируют пропозицию); 2) функциональной неэквивалентности (приглагольное наречие оценивает какой-то аспект глагольного действия, а не пропозицию). При функциональной неэквивалентности рассматриваемых единиц примыкающее наречие способно либо выражать только качественную семантику, как и предикатив, либо проявлять синкретизм – обнаруживать сочетание качественных и количественных сем (реализуется функция вторичного интенсификатора). Выявляется, когда предикатив и глагольный модификатор, несмотря на различие их сфер действия (широкая и узкая), формируют синонимичные высказывания. Отмечается также, что в контексте некоторых предикатов установить сферу действия приглагольного наречия не представляется возможным; такая двузначность не свойственна предикативам (это всегда модификатор пропозиции). Указываются причины нетрансформируемости исходных высказываний с предикативом: отсутствие у лексемы сентенциального употребления, необходимого для создания соотносительной конструкции, и невозможность иной интерпретации данного наречия в сочетании с определенным глаголом; ограниченные возможности сентенциальных наречий при определении пропозиций разных семантических типов.

Ключевые слова: грамматическая синонимия, эквивалентность, наречие, предикатив, сентенциальное наречие, модификатор, глагольный модификатор, сфера действия, наречие с плавающей сферой действия, интенсификатор

Для цитирования: Голубева, В. К. Соотносительность разных функций у наречий с переменной сферой действия / В. К. Голубева // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 3. – С. 218–229. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-218-229

Victoria K. Golubeva

Belarusian State University, Minsk, Belarus

RELATIONSHIP OF DIFFERENT FUNCTIONS OF ADVERBS WITH FLOATING SCOPE

Abstract. The article examines adverbs with a floating scope from the point of view of the functional-semantic relationship between their types of use. The focus is on the predicative, the sentential adverb (sentential modifier), predicate modifier with a qualitative meaning or complement, predicate modifier with a quantitative meaning (intensifier). The main research method is transformational. Based on it, transformations are made in the direction of "an utterance with a predicative → an utterance with an adjunct adverb". As a result, transformable and non-transformable structures are distinguished. If transformations are possible, then in the original and received utterances the predicative and the dependent adverb enter into the following relations: 1) functional equivalence (both modify the proposition); 2) functional non-equivalence (the adverb evaluates some aspect of the verbal action, and not the proposition). If the units under consideration are not functionally equivalent, the dependent adverb is capable of either expressing only qualitative semantics, like a predicative, or exhibiting syncretism – revealing a combination of qualitative and quantitative semes (the function of a secondary intensifier is realized).

© Голубева В. К., 2026

The author reveals when a predicative and a predicate modifier, despite the difference in their scope (wide and narrow), form synonymous utterances. It is also noted that in the context of some predicates it is not possible to define the scope of the adverb; such ambiguity is not characteristic of predicative (it is always a modifier of a proposition). The reasons for the non-transformability of utterances with a predicative are indicated: the lack of sentential function of the lexeme, which is necessary to create a correlative construction, and the impossibility of another interpretation of this adverb in combination with a verb; limited capabilities of sentential adverbs in defining propositions of different semantic types.

Keywords: grammatical synonymy, equivalence, adverb, predicative, sentential adverb, modifier, predicate modifier, scope, adverb with floating scope, intensifier

For citation: Golubeva V. K. Relationship of different functions of adverbs with floating scope. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 3, pp. 218–229 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-218-229

Введение. Русская лингвистическая традиция привыкла рассматривать семантику наречия преимущественно в лексическом ключе. В трудах М. В. Ломоносова [1, с. 180–181], И. Орнатовского [2, с. 206–208], Е. М. Галкиной-Федорук [3, с. 25–28], Л. Л. Буланина [4, с. 169–170] и др. известных грамматистов XIX–XX вв., в фундаментальном труде В. В. Виноградова [5, с. 306–313], трех послевоенных академических грамматиках 1952–1954 (1960, 1970 и 1980 гг.) [6, с. 604–611; 7, с. 309; 8, с. 703–705], а также в современных учебниках и справочниках по морфологии (см., например, [9, с. 120–124; 10, с. 222–227]) систематизация единиц адвербиального класса производится с опорой на л е к с и к о-г р а м м а т и ч е с к и е разряды. Основой обсуждений при таком подходе является методология выделения таксонов: это должны быть крупные группы со своей внутренней иерархией (например, определительные vs. обстоятельственные наречия) или набор более мелких образований без дополнительного внутреннего членения (обзор позиций см. в [11, с. 507–509]). Дискутируется и отнесение конкретных адвербиальных лексем к тому или иному разряду: например, следует квалифицировать наречия *(работал)* ***долго / недолго****, (купил)* ***давно / недавно****, (ездит)* ***часто / редко****, (живет)* ***далеко / близко*** и т. д. как определительные (качественные) или как обстоятельственные (времени); вторичные интенсификаторы типа ***неудержимо*** *захохотали,* ***отчаянно*** *колотил,* ***неслыханно*** *возмутила,* ***безобразно*** *громоздкий* относить к качественным или количественным (меры и степени) наречиям. Во всяком случае, однозначная трактовка многих наречных лексем осложняется их склонностью к проявлению семантического синкретизма [12, с. 79–97].

Попытки посмотреть на семантику наречий по-другому, с опорой на их семантико-синтаксические свойства (с учетом не только поверхностного, но и глубинного синтаксиса), отразились в работах Ю. Д. Апресяна [13, с. 72–78 и др.], И. М. Богуславского [14, с. 100–115 и др.; 15, с. 49–84 и др.], А. А. Зализняк [16, с. 116–130], Г. И. Кустовой [17, с. 332–335 и др.], Е. Л. Рудницкой [18; 19], М. В. Филипенко [20], Г. Г. Яровой [21; 22] и др., которые в разработке собственных концепций учитывали в том числе достижения западноевропейской лингвистики в области семантического синтаксиса [23–28]. Многие из перечисленных русистов при анализе поведения наречий используют отсутствовавшее в традиционных описаниях понятие сферы действия лексемы[1]. Термин «сфера действия» (ср. англ. scope), пришедший в лингвистику из логики, ввел в научный оборот русистов И. М. Богуславский. В его книгах [14; 15] под сферой действия лексемы *L* по валентности *α* понимается «фрагмент синтаксической структуры, такой, что смысл входящих в него слов, конструкций и интонационных средств заполняет семантическую валентность *α* лексемы *L*» [15, с. 44]. Иными словами, это компонент предложения (его смысла), характеризуемый конкретной лексемой. С опорой на данное понятие можно «описывать семантику и синтаксическое поведение самых разных лексических единиц, валентности которых заполняются в тексте сколь угодно сложным образом» [29, с. 292]. Так, сам И. М. Богуславский и Е. Л. Рудницкая исследуют темпоральные адвербиалы типа *незадолго, раньше, сначала, потом* [15, с. 49–84; 18, с. 103–186]; в работе [18, с. 68–102] подробно рассматривается функционирование группы наречий со значением ‘(не)обдуманность поступка’ (*неосмотрительно, благоразумно*).

Наибольшим охватом наречной лексики, подвергнутой систематическому анализу, характеризуется монография М. В. Филипенко [20]. Объектом изучения в данной работе являются хотя и не все адвербиальные разряды, но самый количественно богатый из них – наречия образа дей-

[1] Мы называем это понятием, поскольку данное явление могло номинироваться иначе. Например, Ю. Д. Апресян использует термин «(семантическая) область действия» [13, с. 74].

ствия. Несовершенство традиционных классификаций, подчеркивает исследователь вслед за некоторыми другими грамматистами-предшественниками, вызвано отнесением к данной группе разнородных лексем и в результате получением предельно гетерогенного объединения [20, с. 30]. Определенным недостатком такого представления наречной лексики является и количественная диспропорция разных разрядов. Так, в русском языке всего, по данным [30], около 6 тыс. наречий, из них 5,5 тыс. приходится на наречия образа действия [11, с. 509]. Хотя М. В. Филипенко анализирует только часть лексем этого разряда (примерно 2 тыс.), она демонстрирует способ семантического упорядочения основной массы русских наречий, разделяя их на две крупные группы: наречия с фиксированной и наречия с плавающей сферой действия [20, с. 22–25 и сл.] (в [31] также используются синонимичные термины – наречия с постоянной и переменной сферой действия).

Если наречия с фиксированной сферой действия выступают только в одной функции (как правило, это распространители глагола): ***письменно*** *уведомили,* ***ласково*** *назвала,* ***добротно*** *сшито*, то лексемы с плавающей имеют разные типы употребления (функции). М. В. Филипенко называет несколько синтаксических структур, в которые способно входить то или иное наречие с плавающей сферой действия: определение при глаголе в любой форме (***невольно*** *улыбнулся*, ***невольно*** *улыбнувшись*); предикатив с зависимым инфинитивом (***Страшно*** *смотреть вниз*) или с придаточной (***Страшно****, когда смотришь вниз*); определение к наречию (*пришел* ***неожиданно*** *быстро*) или прилагательному (***неожиданно*** *жестокий поступок*); ответная реплика, соотнесенная с глаголом вопросительной реплики (*– Как ты съездил? –* ***Превосходно****!*) и др.[1], при этом подчеркивается, что приведенный список синтаксических позиций неисчерпывающий [20, с. 78–79]. Добавление к данному, синтаксическому критерию семантического позволяет дифференцировать среди наречий при глаголе 1) глагольные модификаторы (комплементы при неполнозначном глаголе) и 2) модификаторы предложения (= сентенциальные наречия, от англ. sentence)[2]. Первые характеризуют определенный аспект глагольного действия / служат смысловыми восполнителями глагола, а вторые – оценивают всю пропозицию: *поступил* ***справедливо*** (‘**то, как** поступил, справедливо’) – ***справедливо*** *привлек к ответственности* (‘**то, что** привлек к ответственности, справедливо’)[3].

Основная часть. Выделение двух обозначенных разрядов наречий – с фиксированной и плавающей сферой действия – стало значимым вкладом в развитие семантики и грамматики, поскольку позволило понять многие аспекты функционирования адвербиальных лексем. Вместе с тем обусловленность набора функций наречия с переменной сферой действия его значением – это еще малоизученная проблема. Исследованию некоторых ее аспектов автор статьи посвятил ряд работ. В данной статье поставлена цель проанализировать, насколько смена синтаксической позиции одной и той же лексемы может влиять на сохранение / изменение ее семантической функции (сферы действия).

Изучение с помощью трансформационного метода поведения конкретной адвербиальной лексемы в разных ее позиционных реализациях показывает, что смысловое соответствие часто не наблюдается в случаях, когда этого можно было бы ожидать. Сразу оговорим, что в рамках данной статьи мы исключаем из сопоставительного рассмотрения, например, приадъективное и предикативное употребления (*Директор носит* ***неприлично*** *огромные кольца –* ***Неприлично****, что директор носит огромные кольца*). В центре нашего внимания оказывается взаимодействие таких наречных функций, как 1) предикатив (предикативное употребление), 2) сентенциальное наречие (употребление), 3) глагольный модификатор (распространитель) с качественным значением или комплемент, 4) глагольный модификатор (распространитель) с количественным значением, или интенсификатор.

Во-первых, говоря о взаимодействии по линии «предикатив – сентенциальное наречие», отметим, что нас интересует функционирование только предикативов, способных

[1] Не у каждой адвербиальной лексемы с плавающей сферой действия представлены все перечисленные позиции; здесь показаны возможные типы употребления разных наречий.

[2] Исследованию сентенциальных наречий посвящены работы Е. Л. Рудницкой [18; 19].

[3] Подробнее о трансформационных приемах, позволяющих определить семантическую функцию примыкающего наречия, см. в [19, с. 114; 20, с. 13].

присоединять пропозициональный актант в виде зависимого инфинитива или придаточной: ***Неприятно слушать*** *ваши ссоры*; ***Интересно****, что спецпредложение действует и по сей день*. В противном случае предикатив обозначает «чистое» состояние (*В квартире* ***шумно***, но не **(Мне)* ***шумно спать***) и не соотносится с сентенциальным наречием, которое оценивает определенную пропозицию[1]. Итак, возможность корреляции структур «предикатив + инфинитив» / «предикатив + придаточная» и «сентенциальное наречие + определяемая (матричная) предикация» обусловлена изофункциональностью предикатива и сентенциального наречия: в обоих этих употреблениях наречие выступает модификатором пропозиции с тем различием, что предикатив является подчиняющей вершиной семантически и синтаксически, а сентенциальное наречие – только семантически, в то время как формально оно примыкает к глаголу (находится в зависимом положении) [20, с. 74; 32, с. 57]. Ср.:

(1) *Я* ***гнусно подлизывался*** *к власти, утверждая, что Брежнев более великий, чем наши либералы* (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015))[2] – данное высказывание с сентенциальным употреблением можно преобразовать в конструкцию с предикативом: *С моей стороны было* ***гнусно подлизываться*** *к власти, утверждая, что Брежнев более великий, чем наши либералы.*

Во-вторых, если у предикатива и сентенциального наречия сфера действия совпадает (в нее входит вся пропозиция), то сентенциальное наречие и глагольный модификатор ею различаются, но обнаруживают формально-синтаксическую тождественность (это примыкающее к глаголу слово[3]). Кроме того, взаимодействие данных функций проявляется в том, что к высказыванию иногда можно применить обе трактовки наречной сферы действия (широкой и узкой). Это вполне закономерно, так как различение данных адвербиальных функций не опирается ни на какие грамматические признаки (в отличие от членов оппозиции «предикатив vs. примыкающее наречие»), а семантический критерий допускает разные интерпретации.

В-третьих, у приглагольного наречия оценочно-характеризующие семы могут вытесняться интенсифицирующими, в то время как предикативы не охвачены процессом перехода в интенсификаторы. В силу этого между типами употребления, опять же, иногда возникает смысловая неэквивалентность.

Наконец, в-четвертых, надо учитывать фактор отсутствия/неполной освоенности определенного типа употребления в системе семантико-синтаксических функций конкретной лексемы (ср. контексты (2) и (3)), а также невозможность встраивания наречия в той или иной функции в пропозицию определенного типа (об этом ниже):

(2) *– Ты все-таки стал недобрым, – она* [Лариса]*, стараясь сделать это незаметно, скосилась на часики. Расстроенный Коломнин* ***понятливо*** *поднялся* (Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)) – при наличии у наречия *понятливо* сентенциального употребления коррелятивный предикатив не используется: **Со стороны Коломнина подняться было* ***понятливо***.

(3) *– Я? – Федор Иванович* ***политично*** *помолчал: осторожничал даже со старшей сестрой* (Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990–2000)) – трансформация в высказывание с предикативом *?Промолчать было* ***политично*** вызывает сомнение, однако, в отличие от наречия *понятливо*, у лексемы *политично* единичные предикативные употребления уже фиксируются в интернете: *Взыскивать за самоуправство с солдата, <…> доведенного голодом до такого проявления своей досады, – едва ли было бы* ***политично*** (http://az.lib.ru/k/krestowskij_w_w/text_0060.shtml).

Учитывая сказанное, с использованием метода трансформаций выделим несколько **моделей соотношения разных функций наречий**. Поскольку предикатив по сравнению с примыкающим наречием проявляет семантико-синтаксическую однозначность, будем проверять функционально-

[1] В [20] такие лексемы, как *шумно*, не включены в перечень наречий с плавающей сферой действия, несмотря на то что они могут выступать, например, в роли предикатива и глагольного модификатора: *В комнате* ***шумно***, *Гости* ***шумно*** *веселились*. Таким образом, в данной концепции предикативное употребление служит основанием для включения наречия в число лексем с плавающей сферой действия только при наличии у предикатива способности сочетаться с зависимым инфинитивом или придаточной. О предикативах, которые могут и не могут присоединять такой пропозициональный актант, см. работы Г. И. Кустовой [32; 33].

[2] Здесь и ниже контексты с указанием источника даны по [34], если не указано иное.

[3] Сентенциальное наречие может употребляться и в предложениях без полнозначного глагола (*Эти туфли* ***явно*** *дорогие*), но мы будем рассматривать только структуры «качественное наречие + глагол».

семантическую тождественность конструкций с разными наречными употреблениями, опираясь, за некоторыми исключениями, на преобразования в направлении «высказывание с предикативом → высказывание с приглагольным наречием».

Конструкции с предикативами разделим на трансформируемые и нетрансформируемые в указанном нами смысле. Если конструкция трансформируется, то коррелятивные высказывания могут быть функционально эквивалентными и функционально неэквивалентными.

I. Трансформируемые высказывания.

1. Функциональная эквивалентность предикатива и приглагольного наречия. Эту модель реализуют конструкции, в которых примыкающее к глаголу наречие выступает в сентенциальной функции, выявляемой «то, что»-трансформацией: – *Верьте слову… – просипел Тимофей Степанович и рванулся ко мне. Я* ***постыдно спрятался*** *за Маргариту Тихоновну* (Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)) – ‘постыдно **то, что** спрятался, а не **как** спрятался’.

Из семантических групп наречий с плавающей сферой действия такое поведение чаще всего обнаруживается у лексем, выражающих оценки этические (*пошло, позорно, неуместно*) или рационалистические (*неумно, резонно, самонадеянно*). Данные типы оценок по классификации, представленной в [33], относятся к внешним: действие совершает один субъект, а оценивает его другой, не участвующий в ситуации (внешний):

(4) *«Как показала практика, не все охотно откликаются на эти требования, поэтому* ***резонно ввести*** *штрафы», – сказал депутат* («Парламентская газета», 02.10.2021) – ***Резонно ввели*** *штрафы.*

В данную модель вписываются также единичные наречия с модальной семантикой (5) и со значением эмоционального состояния (6):

(5) *Вспомним Древний Рим: на территориях, принадлежавших империи,* ***очевидно*** *складывалась единая культура* (Т. В. Науменко. Информационное общество и глобализация: проблемы идентификации // «Информационное общество», 2017) = ***Очевидно****, что на территориях, принадлежащих империи, складывалась единая культура.*

(6) – ***Обидно****, что мне предпочли иностранца, – говорит Юрзинов* («Известия», 03.08.2011) = *Мне* ***обидно*** *предпочли иностранца.*

При этом в сочетании с инфинитивом предикатив состояния предполагает обязательную моносубъектность: состояние испытывает то же лицо, которое и совершает действие [33, с. 248] (7), в отличие от структуры «предикатив + придаточная» (*Мне обидно, что я/мы…* и *Мне обидно, что ты/он…*) и от конструкции «сентенциальное наречие + определяемая предикация», которая также может выражать как некореферентный признак (чаще), см. (8), так и кореферентный (9). Эта особенность может влиять на трансформируемость конструкций:

(7) *Конечно,* ***обидно погибнуть*** *в последнем бою, но я должна немедленно записать все в свой дневник* (Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)) – ‘Мне обидно, что/если я погибну’; = *(Если) я* ***обидно погибну*** *в последнем бою…*; *******Я* ***обидно погибла*** *в последнем бою…*, но *Она* ***обидно погибла*** *в последнем бою…*

(8) *Выговор был прочитан в присутствии всех учеников Академии. Товарищи* ***обидно пожимали*** *плечами* (К. Г. Паустовский. Орест Кипренский (1936)) ≠ *Товарищам было* ***обидно пожимать*** *плечами*; = *Кипренскому было* ***обидно****, что товарищи пожимали плечами.*

(9) *Есть матчи Лиги наций, где мы очень* ***обидно заняли*** *вторую строчку* (Vesti.ru, 24.11.2020) = *Нам было* ***обидно занять*** *вторую строчку*; = *Нам было* ***обидно****, что мы заняли вторую строчку.*

Кроме того, у ряда наречий со значением ментального состояния иногда фиксируются соотносимые с предикативами сентенциальные употребления, однако они находятся за пределами современного литературного языка:

(10) *И сразу все заговорили робкими, тревожными голосами, стараясь не глядеть на Михайлова,* ***нелепо*** *и* ***смешно оставшегося*** *на полдороге* (М. П. Арцыбашев. У последней черты (1910–1912)) – в условиях сочинения один конъюнкт (прототипическое сентенциальное наречие *нелепо*) влияет на другой – лексему *смешно*, которая обычно не употребляется в такой функции (при нормальном ***Нелепо*** *и* ***смешно****, что остался на полдороге*).

(11) *Также был безумно рад встретить <…> Руслана <…> Саню. А также (совсем внезапно!) тех двух прикольных 14-летних школьниц, с которыми как-то* ***забавно пересеклись*** *на концерте Skillet в 2014: D* (vk (21.03.2016)) = ***Забавно****, что пересеклись на концерте.*

2. Функциональная неэквивалентность предикатива и приглагольного наречия. Эта модель реализуется в случаях, когда а) в сочетании с определяемым глаголом наречие характеризует определенный аспект глагольного действия, а не всю пропозицию, б) примыкающее наречие приобретает, наряду с качественными, количественные семы или вовсе переходит в разряд интенсификаторов.

Если предикатив характеризует ситуацию целиком, а не конкретизирует определенный ее аспект, то глагольный модификатор оценивает только одну из возможностей / один из способов осуществления глагольного действия:

(12) *Мы широко отмечаем 250-летие указа, и* ***чудесно****, что отмечаем* («Известия», 06.09.2006) ≠ *Мы* ***чудесно*** *отмечаем 250-летие указа* (глагольный модификатор), ср.: *Мы* ***скромно / дружно / массово*** *отмечаем 250-летие указа*.

Наречия о б щ е й о ц е н к и, как в (12), никогда не используются сентенциально и потому не формируют семантически эквивалентных высказываний с конструкциями, включающими предикатив. Ср. обыгрывание семантического различия наречий общей оценки в предикативной и приглагольной позиции из работы Н. Д. Арутюновой: ***Хорошо****, что даже* ***плохо*** *жить на белом свете* ***хорошо***; *Мне* ***хорошо*** *выдернули зуб* ≠ ***Хорошо****, что мне выдернули зуб* (выделено нами. – *В. Г.*) [35, с. 188–190 и сл.]. В то же время наречия э т и ч е с к о й и р а ц и о н а л и с т и ч е с к о й оценки, рассматривавшиеся в п. 1, способны выступать и в сентенциальной функции (13), и в качестве глагольных модификаторов (14):

(13) *Знаете, есть такие фильмы, которые, на мой скромный взгляд,* ***глупо*** *и* ***неуместно*** *подвергать обсуждению...* (Форум: Любовь и голуби (2007–2011)) – *Они* ***глупо*** *и* ***неуместно*** *подверг(а)ли обсуждению фильм(ы)...* (сентенциальные наречия); на уровне сферы действия наречий (это модификаторы пропозиции) между высказываниями создается функциональная эквивалентность (п. 1).

(14) ***Глупо*** *мне, конечно, рассуждать на эту тему: не такой уж я спец, и кроме того, речь все-таки идет о моей собственной матери* (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)) – *Я* ***глупо*** *рассуждаю на эту тему...*; примыкающее наречие обозначает ‘глупое содержание рассуждений’, выступает глагольным модификатором, и между высказываниями синонимия не возникает.

Интересно поведение наречий со значением с о с т о я н и я. Если не считать отдельных единиц, такие адвербиальные лексемы в приглагольной позиции обычно не определяют пропозицию:

(15) *Было* ***радостно****, что именно мне композитор* ***делегировал*** *присутствие на фестивале* (Лариса Михайленко. Музыкальные разговоры Александра Новикова // «Дальний Восток», 2019) ≠ *Именно мне композитор* ***радостно делегировал*** *присутствие на фестивале*; в исходном высказывании носитель состояния и производитель действия *делегировал* не совпадают в одном лице (некореферентность), а в трансформированном – совпадают (кореферентность).

Такое может наблюдаться при трансформации не только конструкций «предикатив + придаточная», но и «предикатив + зависимый инфинитив»:

(16а) *Но с годами ему* [Сталину] *самому вправду стало очень* ***приятно выговаривать*** *«Россия», «родина»* (Александр Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990) ≠ (16б) *Он сам вправду стал очень* ***приятно выговаривать*** *«Россия», «родина».* В (16б), в отличие от (16а), наречие *приятно* выражает внешнюю оценку действия одного субъекта со стороны другого.

То, является экспериенцер (носитель состояния) также и производителем действия или лицом, чье состояние каузировано поступком другого субъекта, зависит от семантики предиката. Ср. в (16б) речевое действие *выговаривать* ориентировано на адресата тем, что оно вызывает определенную реакцию слушающего, а в (17) рефлексивный глагол движения *прокатиться* «замыкает» наречное состояние в сфере того же субъекта (отмечается кореферентность адвербиального и глагольного признаков):

(17) <...> *особенно* ***приятно*** *было* ***прокатиться*** *по набережной – вдоль Воробьевых гор* (Запись LiveJournal (2004)) ≈ *Мы* ***приятно прокатились*** *по набережной – вдоль Воробьевых гор.* Относительно таких случаев можно сказать, что при разнице коммуникативных акцентов (скажем, выдвижение – нивелирование субъекта *мы* vs. *нам*) с точки зрения наречного признака конструкции семантически не различаются, хотя сфера действия данных адвербиальных употреблений неодинакова (предикатив здесь выступает модификатором пропозиции, а примыкающее наречие – распространителем глагольной лексемы).

Что касается преобразования предикатива в приглагольное наречие с количественным значением, закономерно, что это наблюдается при предикатах, выражающих градуируемый признак:

(18а) *Было бы* ***непростительно****, если бы мы подорвали свой авторитет малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью* (Е. З. Кармазин. Один дьявол о другом (04.02.2006) // «Наша страна» (Аргентина), 2006) ≠ (18б) *Если бы мы* ***непростительно подорвали*** *свой* ***авторитет****…*; глагол *подорвать (авторитет)* допускает интенсификацию, поэтому, наряду с качественно-оценочным значением, наречная лексема приобретает количественные оттенки значения (‘очень, сильно, существенно’).

Ср. (18) и (19), в котором предикат обозначает неградуируемый признак, вследствие чего трактовка приглагольного наречия как синкретичной единицы с качественно-количественными семами недопустима:

(19) *Лариса тут же сообразила, что* ***непростительно сболтнула*** *ранящие слова про покойника* (Лев Корнешов. Газета (2000)) – ******очень*, *сильно сболтнула*; поскольку приращения количественных сем у наречия не происходит и оно оценивает пропозицию, приведенная структура синонимична высказыванию с предикативом: *Со стороны Ларисы было* ***непростительно сболтнуть*** *ранящие слова про покойника*. Таким образом, реализуется модель функционально эквивалентных высказываний (п. 1).

Как показано в работах [36–38], многие вторичные интенсификаторы не утрачивают своего оценочно-характеризующего значения, а потому можно утверждать, что единицы типа *непростительно* из (18б) остаются в системе употреблений одного наречия. В то же время в отдельных случаях интенсификатор семантически дистанцируется от лексемы – носителя первичного значения и уже не рассматривается как особый тип ее употребления:

(20) *Особенно* ***ужасно****, что во всем этом пострадали и дети* («Советский спорт», 16.04.2013), ‘очень плохо, скверно’ [39, т. 2, с. 556] (предикатив общей оценки) ≠ *Во всем этом* ***ужасно*** *пострадали дети* – ‘сильно, чрезвычайно’ [39, т. 2, с. 556] (интенсификатор), ср.: *Во всем этом* ***немного*** *пострадали и дети*. Неслучайно в [20, с. 66] предлагается разделять, например, *ужасно 1* и *ужасно 2*, *страшно 1* и *страшно 2*.

3. Однозначность предикатива и неоднозначная трактовка сферы действия приглагольного наречия. Как было отмечено выше, интересующие нас семантико-синтаксические функции примыкающего наречия формально не маркированы, они разграничиваются только с учетом смысловых отношений адвербиальной лексемы с предикатом. В контексте некоторых глаголов возможна двоякая интерпретация наречия. Вторичные интенсификаторы типа *непростительно (опаздывают)*, *немилосердно (терзает учеников)*, *убийственно (хочется спать)* по своей природе совмещают две функции – качественного и количественного характеризатора; приведем еще несколько примеров другого типа неоднозначности – адвербиальных употреблений, допускающих интерпретацию как сентенциального и глагольного модификатора:

(21) *Андрей Иванович – шеф, большой начальник, и* ***постыдно****, что я этим ударил* (Владимир Маканин. Стол, покрытый сукном и с графином посередине (1993)) – *Я* ***постыдно*** *этим ударил* – ‘постыдно, что ударил этим’ или ‘ударил постыдным образом’.

(22) *Эти деньги* ***разумно*** *расходуй на совершенствование дачи* (Б. И. Вронский. Дневник (1953)) – ‘Если расходуешь деньги на совершенствование дачи, это будет разумно’ или ‘Деньги, предназначенные на совершенствование дачи, расходуй разумно’; ср. высказывание с однозначным предикативом – модификатором пропозиции: *Расходовать деньги на совершенствование дачи с твоей стороны было бы (будет)* ***разумно****.*

На трактовку сферы действия наречия может влиять его позиция относительно формально определяемого глагола:

(23а) – *Было бы* ***нелепо****, если бы я стала вам что-то советовать* (Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)) = (23б) *Если бы я вам* ***нелепо стала*** *что-то советовать…* или (23в) *Если бы я вам стала что-то* ***нелепо советовать****…*

Постановка наречия перед полузнаменательным глаголом *стала* усиливает сентенциальную интерпретацию – ‘нелепо, что принялась советовать’ (хотя не исключает и прочтение *нелепо* как наречия образа действия, так как нарушение формально-семантического соответствия по линии

«наречие – глагол – другая лексема» в контекстах с адвербиалами наблюдается нередко). Если же наречие примыкает к инфинитиву, одинаково допустимы оба варианта семантизации – ‘нелепо, что...’ и ‘нелепым образом’.

(24а) *«У меня большие сомнения, что Дорин Киртоакэ вернется в кресло мэра… Было бы очень* ***достойно****, если бы он сам ушел в отставку», – заявил Чебан* («РИА Новости», 19.11.2017) – (24б) *Если бы Дорин Киртоакэ очень* ***достойно*** *сам ушел в отставку* или (24в) *Если бы Дорин Киртоакэ сам очень* ***достойно*** *ушел в отставку.*

На наш взгляд, в обоих полученных высказываниях сферу действия наречия *достойно* можно трактовать и как узкую (обозначение образа действия – ‘достойным, а не каким-то иным образом’), и как широкую (модификация предложения – ‘уход в отставку был бы достойным поступком’), однако в (24б) сентенциальная интерпретация более вероятна: прототипическое сентенциальное наречие находится в непосредственной препозиции по отношению к предикату [19, с. 123], если же наречию *достойно* предшествует местоимение *сам*, то оно воспринимается как характеризатор действия, который необходимо учесть в общей оценке поступка, для чего и служит лексема *достойно.*

II. Нетрансформируемые высказывания.

Наконец, в результате преобразования высказывания с предикативом может возникать неграмматичная конструкция с приглагольным наречием. Такие исходные структуры мы квалифицируем как нетрансформируемые.

Во-первых, причиной этого служит лакунарность в системе типов употребления наречной лексемы. У наречий, которые относятся к разным семантическим группам, не реализованы разные функции. Так, у лексем со значением социально-этических и рационалистических оценок нередко вовсе не представлены или не полностью освоены в литературном языке предикативы (количественные показатели см. в [40; 41]). Например, предикативное употребление почти не фиксируется у наречия *невинно*, ср. нетипичное:

(25) *А также* ***невинно*** *было бы просто изобразить губернатора или самого владыку, скажем, в части Гиены огненной в Страшном Суде* <…> (https://diak-kuraev.livejournal.com/280803.html)[1].

Наречия со значением эмоционального, физического, ментального состояния практически не употребляются в сентенциальной функции. Как было показано в п. 2, трансформация структуры с предикативом состояния приводит к созданию высказывания с глагольным модификатором. Однако такое возможно лишь в тех случаях, когда семантика предиката допускает трактовку примыкающего наречия как наречия образа действия. Если же семантическое согласование наречия и глагола блокирует такую трактовку, то адвербиальная лексема, не способная выступать модификатором пропозиции, формирует неприемлемую синтаксическую структуру:

Ср., например, приводившиеся выше *Приятно выговаривать → Приятно выговаривает*; *Приятно прокатиться → Приятно прокатились* и (26):

(26) ***Приятно получить*** *такую оценку, но это и накладывает ответственность* («Ведомости», 04.11.2020) – *?Мы* ***приятно получили*** *такую оценку* (недопустима трактовка ‘как’, только ‘то, что’); *После перелета* ***приятно глотнуть*** *свежего воздуха, дожидаясь в короткой очереди такси* («Туризм и образование», 15.03.2001) – *?После перелета мы* ***приятно глотнули*** *свежего воздуха…*

Во-вторых, даже при наличии в наборе употреблений наречия сентенциальной функции оно может встраиваться далеко не в любую пропозицию. Эта проблема является многоаспектной и требует особого рассмотрения с распределением наречий по семантическим группам. Здесь приведем пример с наречием эмоционального состояния. Мы уже указывали, что наречия состояния в целом, как правило, не модифицируют пропозицию, и рассматривали наречие *обидно* в качестве одного из исключений. Вместе с тем попытки преобразования разных конструкций с предикативом *обидно* в структуру «приглагольное сентенциальное наречие *обидно* + определяемая пропозиция» показывают ограниченность сентенциального употребления:

(27) *Не раз мы ловили себя на мысли: «Как* ***обидно****, что* ***нет*** *магнитофона, записать бы…»* (С. П. Капица. Мои воспоминания (2008)) – *?****Обидно нет*** *магнитофона.*

[1] Сохранено авторское написание.

(28) *Правда,* ***обидно****, что многие челябинцы* ***относятся*** *к этой красоте* [тюльпанам на клумбах] *варварски* («Новый регион 2», 21.06.2007) – *?Многие челябинцы* ***обидно относятся*** *к этой красоте варварски.*

(29) *Как* ***обидно****, что он* [Колюня] *не тогда* ***родился****, как хотелось в это совсем недавнее время переместиться и в нем пожить* (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000) – *?Он* ***обидно*** *не тогда* ***родился / родился*** *не тогда.*

(30) *И главное,* ***обидно****, что он* [Нейман] ***не заслужил*** *такого!* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)) – *?Он* ***обидно не заслужил*** *такого!*

Следовательно, данная наречная лексема не служит модификатором безглагольных пропозиций (27); затруднено ее встраивание и в матричную предикацию, в которой выражаются существование, характеризация, отношение (28). Вероятно, наиболее приемлемыми условиями употребления этого наречия в сентенциальной функции являются высказывания, в которых семантики одного предиката достаточно для мотивировки адвербиальной оценки (*обидно упал, проиграл, выбыл (из соревнования)* и т. д.). Когда же требуется смысловая корреляция наречия с распространителями глагола (*относятся* ***варварски*** в (28) или *родился* ***не тогда*** в (29)), возникают сомнительные конструкции. В целом же характер пропозиций, которые могут и не могут определяться таким сентенциальным наречием, а также степень приемлемости синтаксических структур с ним в восприятии носителей языка нам еще предстоит детально изучить.

Заключение. Анализ семантики наречий с использованием понятия «сфера действия лексемы» позволяет выявить ряд функционально и семантически (не)соотносимых адвербиальных употреблений и на этом основании уточнить представление о синтаксических конструкциях в конкретном языке, вступающих в синонимические отношения. Формальное варьирование денотативно тождественных структур обусловлено различными потребностями говорящих (необходимость повысить или понизить коммуникативный статус участника ситуации; акцентировать или нивелировать смысловой компонент высказывания; разнообразить форму выражения информации; обеспечить семантическую компрессию и многое другое). Достичь таких целей позволяет употребление одной и той же адвербиальной лексемы в разных семантико-синтаксических функциях. Хотя рассмотрение прагматики типов наречного употребления мы не ставили в качестве центральной задачи данной статьи, тем не менее постарались выявить условия, в которых наречия в разных функциях демонстрируют семантическую эквивалентность (производя такую замену, говорящий может решать другие коммуникативные задачи, сохраняя тождественность смысла исходного высказывания на уровне наречия) или неэквивалентность.

Кроме того, типы употребления наречия различаются своей (не)однозначностью. Так, предикативная функция наречия четко грамматически маркирована (это главный член безличного предложения, присоединяющий зависимый инфинитив или придаточную), предикатив не допускает разной интерпретации своей сферы действия (он выражает качественную оценку пропозиции). Приглагольное же наречие, находящееся в зависимой синтаксической позиции, с семантической точки зрения полифункционально (это может быть модификатор пропозиции, качественный распространитель глагола, (качественно-)количественный распространитель глагола), и его трактовка непосредственно зависит от семантики предиката.

Отсутствие в наборе употреблений лексемы нужной функции в ряде случаев обусловливает невозможность преобразования исходного высказывания в потенциальный трансформ. Наконец, разные типы наречного употребления зависят от характера определяемой пропозиции, что также служит фактором, способным блокировать создание одного из коррелятивных высказываний.

Список использованных источников

1. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1755. – 210 с.

2. Орнатовский, И. Новейшее начертание правил российской грамматики / И. Орнатовский. – Харьков: Унив. тип., 1810. – 311 с.

3. Галкина-Федорук, Е. М. Наречие в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Моск. гос. ин-т истории, философии и литературы, 1939. – 156 с.

4. Буланин, Л. Л. Трудные вопросы морфологии / Л. Л. Буланин. – М.: Просвещение, 1976. – 207 с.

5. Виноградов, В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 718 с.

6. Грамматика русского языка: в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – Т. 1: Фонетика и морфология. – 719 с.

7. Грамматика современного русского литературного языка / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

8. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.

9. Камынина, А. А. Современный русский язык. Морфология: учеб. пособие / А. А. Камынина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 240 с.

10. Панова, Г. И. Морфология современного русского литературного языка: учеб. пособие / Г. И. Панова. – М.: Юрайт, 2022. – 564 с.

11. Морфология современного русского языка: учебник / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев [и др.]. – СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 634 с.

12. Волынец, Т. Н. Наречие в поэтическом тексте: лексико-грамматическое своеобразие и художественно-изобразительные возможности / Т. Н. Волынец, В. К. Голубева. – Мн.: РИВШ, 2021. – 280 с.

13. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.

14. Богуславский, И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов / И. М. Богуславский; отв. ред. А. П. Ершов. – М.: Наука, 1985. – 175 с.

15. Богуславский, И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.

16. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М.: Яз. славян. культуры, 2006. – 671 с.

17. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 472 с.

18. Рудницкая, Е. Л. Сентенциальные наречия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Рудницкая Елена Леонидовна; Моск. гос. ун-т. – М., 1993. – 199 л.

19. Рудницкая, Е. Л. Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография / Е. Л. Рудницкая // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 114–125.

20. Филипенко, М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений / М. В. Филипенко. – М.: Азбуковник, 2003. – 303 с.

21. Яровая, Г. Г. Трансформационное описание синтаксиса и семантики наречий: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; 10.02.21 / Яровая Галина Гурьевна; Киев. гос. ун-т. – Киев, 1989. – 20 с.

22. Яровая, Г. Г. Сферы субъекта и объекта действия и семантика наречия / Г. Г. Яровая // Действие: лингвистические и логические модели: тез. докл. / Ин-т языкознания АН СССР; ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 1991. – С. 142–145.

23. Greenbaum, S. Studies in English adverbial usage / S. Greenbaum. – Coral Gables: Univ. of Miami Press, 1969. – 262 p. – (Miami linguistics series; № 5).

24. Dik, S. C. The semantic interpretation of manner adverbials / S. C. Dik // Linguistics in the Netherlands. – 1972. – № 1. – P. 96–121.

25. Thomason, R. A semantic theory of adverbs / R. Thomason, R. Stalnaker // Linguistic Inquiry. – 1973. – Vol. 4, № 2. – P. 195–220.

26. Heny, F. W. Sentence and predicate modifiers in English / F. W. Heny // Syntax and semantics / ed. J. P. Kimball. – New York, 1973. – Vol. 2. – P. 217–245. https://doi.org/10.1163/9789004368804_009

27. Bartsch, R. The grammar of adverbials: a study in the semantics and syntax of adverbial constructions / R. Bartsch. – Amsterdam: North-Holland Publ. Co.; New York: Amer. Elsevier Publ. Co., 1976. – 390 p. – (North-Holland linguistic series; 16).

28. Koktova, E. Sentence adverbials in a functional description / E. Koktova. – Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Publ. Co., 1986. – 104 p. – (Pragmatics & Beyond; VII:2).

29. Иомдин, Л. Л. И. М. Богуславский «Сфера действия лексических единиц». М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.: [рецензия] / Л. Л. Иомдин // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 3. – С. 292–296.

30. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. В. И. Чернышев. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965.

31. Сичинава, Д. В. Наречие / Д. В. Сичинава // Русская корпусная грамматика. – URL: http://rusgram.ru/Наречие (дата обращения: 01.10.2024).

32. Кустова, Г. Семантические классы предикатов состояния (на материале русского языка) / Г. Кустова // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски / Бълг. акад. на науките; ред.: С. Коева [и др.]. – София, 2022. – С. 53–67. https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.03

33. Кустова, Г. Семантические типы инфинитивных конструкций русских предикативов / Г. Кустова // Онтология на ситуациите за състояние – лингвистично моделиране. Съпоставително изследване за български и руски / Бълг. акад. на науките; ред.: С. Коева [и др.]. – София, 2022. – С. 247–280. https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.09

34. Национальный корпус русского языка: [сайт]. – URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 10.10.2024).

35. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова; отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1988. – 339 с.

36. Кустова, Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN'ы-прилагательные) / Г. И. Кустова // Слово и язык: сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз., Ин-т проблем передачи информ.; отв. ред.: И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. – М., 2011. – С. 256–268.

37. Сандакова, М. В. Оценочные интенсификаторы в современном русском языке: семантический и прагматический аспект / М. В. Сандакова // Проблемы лингвистической прагматики: докл. Междунар. науч. конф., Калуга, 10–12 сент. 2021 г. / Калуж. гос. ун-т, Ин-т филологии и массмедиа; отв. ред. А. Н. Еремин. – Калуга, 2021. – С. 208–211.

38. Шарапова, Е. В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шарапова Екатерина Вячеславовна; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2018. – 229 л.

39. Морковкин, В. В. Большой универсальный словарь русского языка: в 2 т. / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева; под ред. В. В. Морковкина. – М.: Грамота: АСТ-Пресс Школа, 2022. – 2 т.

40. Голубева, В. К. Высказывания с сентенциальными наречиями vs. предикативами: зона низкой коррелятивности / В. К. Голубева // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. – 2024. – № 5 (132). – С. 7–19.

41. Голубева, В. К. Высказывания с сентенциальными наречиями vs. предикативами: зона потенциально высокой коррелятивности / В. К. Голубева // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1, Филология. – 2024. – № 6 (133). – С. 7–19.

References

1. Lomonosov M. V. *Russian grammar.* St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1755. 210 p. (in Russian).

2. Ornatovskii I. *The newest delineation of the rules of Russian grammar.* Kharkov, University printing house, 1810. 311 p. (in Russian).

3. Galkina-Fedoruk E. M. *Adverb in the modern Russian language*. Moscow, Moscow State Institute of History, Philosophy and Literature, 1939. 156 p. (in Russian).

4. Bulanin L. L. *Difficult questions of morphology*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 207 p. (in Russian).

5. Vinogradov V. V. *The Russian language (Grammatical theory of the word)*. 4th ed. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 718 p. (in Russian).

6. Vinogradov V. V., Istrina E. S., Barkhudarov G. S. (eds.). *Russian grammar. Vol. 1. Phonetics and morphologys*. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 719 p. (in Russian).

7. Shvedova N. Yu. (ed.). *Grammar of the modern Russian literary language*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p. (in Russian).

8. Shvedova N. Yu. (ed.). *Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p. (in Russian).

9. Kamynina A. A. *Modern Russian language. Morphology*. Moscow, Moscow University Publishing House, 1999. 240 p. (in Russian).

10. Panova G. I. *Morphology of the modern Russian literary language*. Moscow, Yurait Publ., 2022. 564 p. (in Russian).

11. Bogdanov S. I., Evtyukhin V. B., Knyazev Yu. P., Smirnov Yu. B., Ryzhova (Men'shikova) Yu. V., Voeikova M. D. *Morphology of the modern Russian language*. St. Petersburg, Faculty of Philology and Arts St. Petersburg State University, 2009. 634 p. (in Russian).

12. Volynets T. N., Golubeva V. K. *Adverb in a poetic text: lexical and grammatical specificity and expressive possibilities*. Minsk, Republican Institute of Higher Education, 2021. 280 p. (in Russian).

13. Apresyan Yu. D. *Selected works. Vol. 2. The integrated description of language and system lexicography*. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1995. 767 p. (in Russian).

14. Boguslavskii I. M. *Studies on syntactic semantics*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 175 p. (in Russian).

15. Boguslavskii I. M. *The scope of the lexical units*. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996. 464 p. (in Russian).

16. Zaliznyak A. A. *Ambiguity in language and methods for its presentation*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2006. 671 p. (in Russian).

17. Kustova G. I. *Types of derived meanings and language extension mechanisms*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 472 p. (in Russian).

18. Rudnitskaya E. L. *Sentential adverbs in Russian*. Ph.D. Thesis. Moscow, 1993. 199 p. (in Russian).

19. Rudnitskaya E. L. Some classes of sentential adverbs in the Russian. Semantics. Syntax. Lexicography. *Voprosy yazykoznaniya* = Topics in the Study of Language, 1994, no. 1, pp. 114–125 (in Russian).

20. Filipenko M. V. *The semantics of adverbials*. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 303 p. (in Russian).

21. Yarovaya G. G. *Transformational description of the syntax and semantics of adverbs. Abstract of Ph.D. diss*. Kyiv, 1989. 20 p. (in Russian).

22. Yarovaya G. G. Spheres of subject and object of action and semantics of adverbs. Deistvie: lingvisticheskie i logicheskie modeli: tezisy dokladov [*Action: linguistic and logical models: abstracts*]. Moscow, 1991, pp. 142–145 (in Russian).

23. Greenbaum S. *Studies in English adverbial usage.* Miami linguistics series, no. 5. Coral Gables, University of Miami Press, 1969. 262 p.

24. Dik S. C. The semantic interpretation of manner adverbials. *Linguistics in the Netherlands*, 1972, no. 1, pp. 96–121.

25. Thomason R., Stalnaker R. A semantic theory of adverbs. *Linguistic Inquiry*, 1973, vol. 4, no. 2, pp. 195–220.

26. Heny F. W. Sentence and predicate modifiers in English. *Syntax and semantics.* New York, 1973, vol. 2, pp. 217–245. https://doi.org/10.1163/9789004368804_009

27. Bartsch R. *The grammar of adverbials: a study in the semantics and syntax of adverbial constructions. North-Holland linguistic series, no. 16.* Amsterdam, North Holland Publishing Company; New York, American Elsevier Publishing Company, 1976. 390 p.

28. Koktova E. *Sentence adverbials in a functional description. Pragmatics & Beyond*, no. VII:2. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986. 104 p.

29. Iomdin L. L. I. Boguslavsky. Sphere of lexeme functioning. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 464 p. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* = Bulletin Russian Foundation for the Humanities, 1997, no. 3, pp. 292–296 (in Russian).

30. Chernyshev V. I. (ed.). *Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1948–1965 (in Russian).

31. Sichinava D. V. *Adverb. Russian corpus grammar*. Available at: http://rusgram.ru/Наречие (accessed 01.10.2024) (in Russian).

32. Kustova G. *Semantic classes of state predicates (based on evidence from Russian). Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive Bulgarian-Russian study*. Sofia, 2022, pp. 53–67 (in Russian). https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.03

33. Kustova G. *Semantic types of infinitive constructions of Russian predicative. Ontology of stative situations – linguistic modeling. A contrastive Bulgarian-Russian study*. Sofia, 2022, pp. 247–280. https://doi.org/10.7546/STONTBgRu2022.09

34. *Russian National corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 10.10.2024) (in Russian).

35. Arutyunova N. D. *Types of language meaning: assessment, event, fact*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 339 p. (in Russian).

36. Kustova G. I. *Words with the meaning of high degree: semantic models and semantic devices (Magn–adjectives). Slovo i yazyk: sbornik statei k 80-letiyu akademika Yu. D. Apresyana* [Word and language: a collection of articles in honor of the 80th anniversary of academician Yu. D. Apresyan]. Moscow, 2011, pp. 256–268 (in Russian).

37. Sandakova M. V. *Evaluative intensifiers in modern Russian language: semantic and pragmatic aspects. Problemy lingvisticheskoi pragmatiki: doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Kaluga, 10–12 sentyabrya 2021 g.* [Problems of linguistic pragmatics: proceedings of the International scientific conference, Kaluga, 10–12 September 2021]. Kaluga, 2021, pp. 208–211 (in Russian).

38. Sharapova E. V. *Abnormal co-occurrence of intensifiers in F. M. Dostoevsky's language. Ph. D. Thesis*. Moscow, 2018. 229 p. (in Russian).

39. Morkovkin V. V., Lutskaya N. M., Bogacheva G. F. *Large universal dictionary of the Russian language: in 2 volumes*. Moscow, Gramota: AST-Press Shkola Publ., 2022. 2 vol. (in Russian).

40. Golubeva V. K. Utterances with sentential adverbs vs. predicatives: area of low correlativity. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1. Filologiya* = Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology, 2024, no. 5 (132), pp. 7–19 (in Russian).

41. Golubeva V. K. Utterances with sentential adverbs vs predicatives: area of potentially high correlativity. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1. Filologiya* = Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology, 2024, no. 6 (133), pp. 7–19 (in Russian).

Информация об авторе

Голубева Виктория Константиновна – кандидат филологических наук. Белорусский государственный университет (ул. К. Маркса, 31, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: victdove@gmail.com

Information about the author

Victoria K. Golubeva – Ph. D. (Philol.). Belarusian State University (31 K. Marks Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: victdove@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 316.454.5+316.732
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-230-241

Поступила в редакцию 20.02.2025
Received 20.02.2025

Е. Н. Квилинкова

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы,
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР ЧЕРЕЗ СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВ «СВОЙ» – «ДРУГОЙ»

Аннотация. Впервые в этнологической науке исследуются вопросы этнокультурной идентичности «белорусских татар» на современном этапе и восприятие ими других татар, как проживающих в Республике Беларусь, так и других странах. В Беларуси живут две общности татар, по отношению к которым автор использует следующие понятия: «белорусские татары» (местные татары – потомки татар Великого Княжества Литовского) и «татары Беларуси» («татары диаспоры», переселившиеся в Беларусь в советский и постсоветский периоды). Особенности этнокультурной идентичности белорусских татар, выявленные автором через содержание образов «Свой» – «Другой» и понятий «родина» и «историческая родина», составляют новизну исследования.

Работа основана на полевых материалах автора, собранных в 2021–2025 гг. у представителей двух общностей татар, живущих в Беларуси. Данные проведенного опроса впервые вводятся в научный оборот. Автором использовались следующие методы исследования: опрос в форме глубинного автобиографического интервью, экспертные интервью и др.

Делается вывод о том, что в основе этнорегиональной общности «белорусские татары» находятся языковые, культурные и другие особенности. По этнокультурному признаку в категорию «Свои» респонденты включают прежде всего «белорусских татар», затем «литовских» и «польских татар», а также белорусов. Другие татары воспринимаются ими более дистанцированно. В сложившихся условиях такие этнокультурные маркеры, как этнический язык и традиционная обрядность играют не консолидирующую, а дезинтегрирующую роль.

Ключевые слова: «белорусские татары», «татары диаспоры», идентичность, этнокультурный феномен

Для цитирования: Квилинкова, Е. Н. Особенности этнокультурной идентичности белорусских татар через содержание образов «Свой» – «Другой» / Е. Н. Квилинкова // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 3. – С. 230–241. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-230-241

Elizaveta N. Kvilinkova

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

FEATURES OF ETHNOCULTURAL IDENTITY OF BELARUSIAN TATARS THROUGH THE CONTENT OF THE IMAGES OF "OWN" – "OTHER"

Abstract. This article is the first in ethnological science to examine the issues of ethnocultural identity of "Belarusian Tatars" at the present stage and their perception of other Tatars, both those living in the Republic of Belarus and in other countries. There are two Tatar communities living in Belarus, in relation to whom the author uses the following concepts: "Belarusian Tatars" (local Tatars – descendants of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania) and "Tatars of Belarus" (Tatars of the diaspora who moved to Belarus in the Soviet and post-Soviet periods). The peculiarities of the ethnocultural identity of the "Belarusian Tatars" are considered through the content of the images of "Oneself " – "Another" and the concepts of "homeland" and "historical homeland". The author's study of the peculiarities of the ethnocultural identity of Belarusian Tatars through the content of the images of "Own" – "Other" and the concepts of "homeland" and "historical homeland" also constitutes the novelty of the study.

The work is based on the author's field materials collected in 2021–2025 from representatives of two Tatar groups living in Belarus. In this article, survey data are introduced into scientific circulation for the first time. The author used qualitative research methods (a survey in the form of an in-depth autobiographical interview, expert interviews, etc.).

© Квилинкова Е. Н., 2026

It is concluded that the ethnoregional community of "Belarusian Tatars" is based on linguistic, cultural and other characteristics. According to the ethnocultural criterion, respondents include in the category "Ours" first of all "Belarusian Tatars", then "Lithuanian" and "Polish Tatars", as well as Belarusians. Other Tatars are perceived by them in a more distant way. In the current conditions, such ethnocultural markers as ethnic language and traditional rituals play a disintegrating rather than a consolidating role.

Keywords: "Belarusian Tatars", "Tatars of the diaspora", identity, ethnocultural phenomenon

For citation: Kvilinkova E. N. Features of ethnocultural identity of Belarusian Tatars through the content of the images of "Own" – "Other". *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 3, pp. 230–241 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-230-241

Введение. В национальном составе населения Республики Беларусь татарская общность занимает седьмое место. Согласно последней переписи населения за 2019 г., их численность составляла 8445 человек. Живущие здесь татары объединены религиозной принадлежностью (мусульмане сунниты) и этнонимом, но подразделяются на две отдельные общности: «***белорусские татары***» (местные татары – потомки татар Великого Княжества Литовского) и «***татары Беларуси***» (татары, переселившиеся в Беларусь в советский и постсоветский периоды). Если вторая общность татар относится к новым диаспорам, то так называемые «литовские татары» представляют собой этнокультурный феномен.

В связи с используемой терминологией следует отметить, что для обозначения потомков татар Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) исследователи употребляют различные термины, которые отражают исторические или современные наименования государств – территорий их проживания: «литовские татары» (турецкий эквивалент – «ли́пки» – считается анахронизмом, вытесненным из употребления); «польско-литовские татары»; развернутое (объединяющее все группы), но громоздкое определение – «белорусско-польско-литовские татары», а также современные их названия – «белорусские татары», «польские татары», «литовские татары».

Несмотря на сохраняющуюся дискуссионность вопроса о том, считать ли эту общность татар этнической группой или самостоятельным этносом, основная часть исследователей рассматривает их как «отдельную группу тюрко-татарского племени на равных правах с татарами волжскими и крымскими» [1]; «самобытный народ», одной из характерных черт которого, отличающей его от всех других татар (крымских, сибирских, волжских), является «славяноязычие» [3, с. 4]; часть татарского суперэтноса, или «составная часть суперэтнической тюрко-татарской общности (на таких же началах, как поволжские татары, крымские татары и сибирские татары) [11].

Формирование этноса «литовские татары», происходившее на территории ВКЛ, продолжалось на основе общности территориальной, религиозной, культурной и языковой (славяноязычия), а также общности исторической судьбы. Длительное проживание в едином регионе[1] и особенности этногенеза наложили отпечаток на культурогенез и менталитет представителей данной этнорегиональной общности[2], благодаря чему они осознают себя отдельным этносом. Если исходить из определения «этнос», данного известным российским этнопсихологом Т. Г. Стефаненко, то под ним понимается «устойчивая в своем существовании группа людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как этнодифференцирующие» [10, с. 32]. В качестве таковых могут выступать не только язык, религия, материальная и духовная культура, но и такие факторы, как историческая память, нормы и ценности, представления о родине и родной земле, особенности традиционной культуры и др.

С учетом того, что «литовские татары» обладают собственным самосознанием и им присущи свои этнодифференцирующие и этноконсолидирующие признаки, они вписываются в рамки данного определения. Все это дает основание считать «литовских татар» отдельным этносом наряду с татарами других регионов (поволжскими, крымскими, сибирскими).

[1] С XIV и до конца XVIII в. – в ВКЛ, Речи Посполитой, с конца XVIII в. – часть татарского населения оказалась в пределах Российской империи.

[2] В зависимости от затрагиваемого в данной работе исторического контекста автор использовал по отношению к «литовским татарам» следующие термины: «этнос» (как результат исторического процесса их формирования), этнорегиональная общность или группа (при указании на регион проживания данной общности относительно других групп татар), этническая общность (при указании на татар, живущих в Республике Беларусь).

Для обозначения указанной этнорегиональной общности И. Б. Канапацким и А. И. Смоликом предложен термин «западные татары» [3, с. 4], который, на наш взгляд, вполне удачен, поскольку в нем, с одной стороны, делается акцент на регионе их проживания относительно остальной части и ядра татарского этноса, а с другой – отражается характерная для них особенность в области языка, культуры и ментальности (по принципу дихотомии «западные – восточные»).

В конце XX в. ввиду исторических обстоятельств некогда в целом единый этнос оказался в пределах трех самостоятельных государств – Беларуси, Литвы и Польши. Несмотря на то что между этими группами татар вплоть до недавнего времени сохранялись тесные родственные контакты (которые поддерживаются и сейчас), тем не менее в результате местной специфики и особенностей развития в рамках каждого из государств ее представители стали идентифицировать себя с учетом языковой и гражданской идентичности – «белорусские татары», «литовские татары» и «польские татары».

Этнокультурный феномен и уникальность «западнотатарской» общности заключаются в том, что, казалось бы, полностью утратив многие значимые этнические составляющие (родной язык, особенности материальной и духовной культуры), они, проживая более 600 лет в иноэтничном и иноконфессиональном пространстве, сохранили свою религиозную принадлежность, этноним и специфику обрядовой практики, сформировав у себя этнорегиональную идентичность. Загадка причин сохранности этой общности и факторов, оказавших на них влияние, вызывает непрекращающийся интерес со стороны ученых разных дисциплин, которые пытаются найти собственное объяснение существующему феномену.

Научных трудов по изучению «литовских татар» издано немало. Значительное количество публикаций белорусских и зарубежных авторов посвящено истории поселения татар в ВКЛ, их правовому статусу и вопросу происхождения, уникальной религиозной рукописной традиции – арабографическим текстам, а также мечетям, мизарам и т. д. Отдельных монографий, где изучалась бы тема материальной и духовной культуры «литовских» и «белорусских» татар, нет, но существуют разделы в книгах и статьи, где отражены их хозяйственная деятельность, традиционные занятия, быт, национальная кухня (С. Кричинский, П. М. Шпилевский, В. Ф. Вольский, И. Б. Канапацкий, А. И. Смолик, С. В. Думин, В. Н. Белявина, Т. А. Новогродский и др.), религиозные тексты, история конфессии и мечетей (М. В. Тарелко, И. А. Сынкова, Е. И. Титовец, А. Я. Коршунова, А. И. Локотко, А. Вл. Гурко, А. Викт. Гурко, В. В. Шейбак и др.). Сведения о татарах Беларуси даются в общем ключе без их дифференциации по двум общностям – «белорусские татары» и «татары диаспоры», что не позволяет рассмотреть этнокультурные особенности, характерные для каждой из этих общностей.

Малоизученной является проблема идентичности этнической группы «литовских татар», в том числе в современных условиях ее разделения между тремя государствами. Среди авторов, которые исследовали проблему идентичности «литовских татар», можно назвать М. Червонную, В. Ольшевского, Г. Мишкинене, Т. Барасаускайте. Совершенно неизученным остается вопрос об основах идентичности «белорусских татар».

Развитие татарской этнической общности на землях ВКЛ и Речи Посполитой имело свою историю и особенности, что способствовало формированию у них собственной устойчивой этнокультурной идентичности и этнорегионального самосознания. По мнению белорусских историков, процесс формирования «западнотатарской народности» завершился в XVI в. [2; 3, с. 3]. В результате сложившихся исторических условий и процесса внутреннего размежевания «литовских татар» в рамках каждого из государств постепенно стали формироваться самостоятельные этнокультурные общности. Одни ученые связывают данный процесс с началом XX в. [7, с. 5–8], другие убеждены, что «по всем параметрам самосознания, материальной и духовной культуры польско-литовско-белорусские татары и сегодня составляют интегральное единство – один и тот же народ» [11].

Исследователи подчеркивают важность изучения проблемы идентичности данной общности татар и одновременно отмечают существующие в этой области лакуны, которые связаны с отсутствием антропологических исследований. Применение количественного метода для изучения указанной проблемы, как показывает опыт предыдущих ученых [11], не позволяет получить

репрезентативные данные, а отсутствие этнопсихологических, антропологических и других значимых ракурсов рассмотрения, качественных методов исследования не дает возможности представить системный взгляд на проблему идентичности белорусских, польских и литовских татар. Отметим, что проблема этнокультурной идентичности белорусских татар, восприятие и характер их взаимодействия с другими татарами до настоящего времени остаются совершенно неисследованными.

Цель статьи – изучение особенностей этнокультурной идентичности белорусских татар на современном этапе через содержание образов «Свой» – «Другой» и понятий «родина» и «историческая родина».

Настоящая работа основана на полевых материалах автора, собранных в 2021–2025 гг. у представителей двух общностей татар – «белорусских татар» и «татар диаспоры», живущих в Беларуси. Данные материалы впервые вводятся в научный оборот [8]. Их сбор осуществлялся в Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Брестской областях и г. Минске. В ходе полевых исследований опрошено 85 человек.

На основе анализа данных, полученных в результате проведенного автором этносоциологического опроса, представлены результаты исследования по вопросу о содержании и значимости для белорусских татар собственной этнокультурной идентичности. В ходе исследования применялись различные методы: личного наблюдения (включенного и невключенного), опрос в форме глубинного автобиографического интервью, экспертные интервью и др. Использование качественных методов исследования показало свою эффективность как при изучении белорусской диаспоры, так и этнических общностей Беларуси [4; 5]. Применение данной методики позволило системно и глубоко рассмотреть особенности идентичности и форму взаимодействия, характерные для двух изучаемых общностей татар. Изложенные в статье фрагменты интервью позволяют прочувствовать исследуемую проблему изнутри, показать ее глазами самих белорусских татар.

1. Содержание понятий «белорусские татары» и «татары Беларуси». Прежде всего следует уточнить содержание используемых нами понятий, которые употребляются для обозначения двух изучаемых общностей татар. Поскольку одним из объектов нашего исследования являются местные татары, проживающие в Республике Беларусь, то термин ***белорусские татары*** применяется для обозначения этой этнорегиональной группы, представители которой именно так идентифицируют себя. Они относятся к коренному населению, так как являются потомками татар, осевших на белорусских землях более 600 лет назад.

Если кратко представить этногенез указанной этнорегиональной группы, являющейся ядром западнотатарского этноса (с учетом ее преобладающего численного состава), то, согласно исследованиям историков, татарское население в ВКЛ сформировалось из различных групп: 1) оседлых наемников, которых с начала XIV в. великие литовские князья приглашали для несения воинской службы, а также для участия в воинских походах и защиты государства; 2) служилых татар хана Тохтамыша и членов их семей (бежавших в ВКЛ от возмездия Тамерлана), которых в 1397 г. великий князь литовский Витовт поселил на белорусских землях; 3) выходцев из Золотой Орды, среди которых были как добровольные переселенцы, уставшие от междоусобиц, так и пленные, захваченные в ходе военных конфликтов и походов и поселённые на землях ВКЛ. Складывание ядра этнорегиональной общности «литовские татары» происходило во времена великого князя литовского Витовта на рубеже XIV–XV вв., когда была основана большая часть татарских поселений в ВКЛ. Память об этом государственном деятеле до настоящего времени сохраняется у белорусских татар, которые продолжают чтить его в своих молитвах.

«*В воспоминаниях ивьевских татар, в китабах, молитвах и даже на дощечке в ивьевской мечети показывается, прописывается, что татары славят великого Ватада* (имя Витовт по-татарски. – *Е. К.*). *У нас есть такая дощечка на мечети. Там написано, что начало ивьевской общине положил именно великий князь Витовт...*» [8: Р.А.М., г. Ивье].

Татары Беларуси, в отношении которых нами используется понятие «***татары диаспоры***», – это представители татарской национальности, переехавшие в Беларусь в основном из Татарстана и Башкортостана в советский и постсоветский периоды. Среди них много военных и членов их семей (которые после расформирования западной группы войск оказались в Беларуси), а также

высококвалифицированных специалистов в разных областях. Формирование здесь татарской диаспоры происходило в том числе в результате межреспубликанской миграции и межнациональных браков. Нередко по отношению к татарам диаспоры употребляется выражение «*пришлые татары*», поскольку местные татары относят себя к коренному населению Беларуси по праву давности проживания на этих землях. Так себя иногда называют и сами респонденты, поскольку для них родиной является Россия и/или страна происхождения.

В основе имеющего место деления живущих в Беларуси татар на две общности лежит не только временной или исторический фактор, связанный с длительностью их проживания на данной территории, но и различия в области этнокультурной идентичности, а также осознание себя как разных этнических общностей. У белорусских татар стержнем этнической идентичности является мусульманство (ислам). Основанные ими в конце 1980 – начале 1990-х гг. общественные объединения имели главным образом религиозно-образовательный характер, в то время как организации, созданные татарами диаспоры в конце 1990-х гг., представляют собой этнокультурные объединения, целью которых является продвижение в этом пространстве татарского языка и национальной культуры (поволжских) татар.

2. Способы самоидентификации белорусских татар в контексте религиозной и этнокультурной идентичности. У белорусских татар этническая идентичность нередко приравнивается к религиозной: «татарин равно мусульманин». На вопрос: «Кто для вас “Свои”: люди той же национальности или одной с вами веры?» они довольно часто выбирали второе, что вполне объяснимо, так как для них понятия «татарин» и «мусульманин» зачастую синонимичны.

«*По национальности я – белорусский татарин. И папа, и мама – татары. Я, получается, чистокровный мусульманин*» [8: Ш.Я.Б., г. Ивье, Гродн. обл.].

«*Для нас главнее всего религия. Важно признавать себя татарами, но для нас важна религия. 20 мечетей по всей Белоруссии* (на белорусских землях. – *Е. К.*) *держались только на религии. В основном была религия, религия, религия. Этническое самосознание сохранялось, и сейчас мы его сохраняем*» [8: Б.С.М., г. Слоним, Гродн. обл.].

«*Я – татарка и муж татарин. Конечно, мне хотелось выйти замуж за своего. Свои для меня – это по вероисповеданию, не по этнической принадлежности*» [8: И.Э.А., г. Ивье, Гродн. обл.].

При транслируемой детям установке, что при выборе брачного партнера прежде всего нужно учитывать религиозную принадлежность, тем не менее значимость собственной этничности тоже признается важной, в том числе для той части представителей молодого поколения, которая старается придерживаться основных требований ислама.

«*Для меня этничность – это мои корни. Для меня это очень важно. Это все, из чего строится моя личность. Я без этого себя не представляю. В Ивье я чувствую себя на месте. Рядом с мечетью или, например, на мизаре (на кладбище) я чувствую, что это место силы. Это не оторвать от меня*» [8: И.С.С., г. Ивье, Гродн. обл.].

Для значительной части старшего поколения респондентов помимо религиозной принадлежности татарская этнорегиональная идентичность представляется также очень значимой. Именно она позволяет определить круг «Своих» и «Других». Своими они считают в первую очередь белорусских татар, а потом соэтников в Литве и Польше, с которыми они длительный исторический период вместе сосуществовали, с которыми поддерживают родственные отношения.

«*Татары Литвы, Польши и Беларуси в целом – это одно, но проживание в какой-то определенной местности накладывает какой-то свой отпечаток, какие-то свои особенности, традиции. Они нам близки, поскольку там родственники*» [8: Р.З.М., а/г Озерцо, Витебск. обл.].

«*Татары литовские, польские, белорусские – это один народ. Мы один народ. Различаются они разве что языком. Происходило взаимопроникновение, есть родственные контакты*» [8: К.А.М., г. Лида, Гродн. обл.].

По сведениям респондентов, татары из Литвы (реже упоминаются татары из Польши) стараются приезжать в Беларусь на мизары в установленные поминальные даты, которые они воспринимают как места родовой памяти. До закрытия границ между государствами некоторые из них завещали своим детям и внукам похоронить их на земле предков – на том мизаре, где похоронены их родители, дедушки и бабушки. Ощущение себя как части общности «белорусские татары»

не в широком, а в узком смысле связывается ими с «зовом предков, зовом крови» [8: Ш.Х.А., (Шумил. р-н), г. Глубокое, Витебск. обл.].

«*Из Литвы [на мизар] тоже татары приезжают. Там в Сорок татар живет дочь одной татарки из Ивье*» [8: Ш.М.Х., г. Ивье, Гродн. обл.].

«*К нам на мизар татары приезжают из разных мест. И из Литвы туда приезжают, там много их родственников похоронено. У нас, в Амбросовичах, дни памяти – это последняя суббота июня. В Докшицах – июль. <...> Дни памяти в установленные дни – это чтобы можно было посетить разные кладбища, родственники знают дату и приезжают. Из Литвы приезжала моя двоюродная сестра. Там у нас много родственников. Сейчас, правда, сложнее стало с приездом, но они стараются приезжать*» [8: Р.З.М., (Шумил. р-н), а/г Озерцо, Витебск. обл.].

«*У меня по отцовской, да и маминой линии, много родственников в Литве*» [8: Ш.Х.А., (Шумил. р-н), г. Глубокое, Витебск. обл.].

Осознание единства западнотатарской этнорегиональной общности основывается на исторически установившихся тесных родственных отношениях между татарами данного региона, общих культурных традициях и народно-религиозной обрядности, а также на использовании славянского языка (белорусского, польского) в качестве родного. Процессы в области этногенеза и культурогенеза у татар этого, по сути, единого пространства во многом схожие, в результате чего сформировалась своя этнорегиональная идентичность. После установления границ между государствами родственные контакты несколько ослабли, но все же продолжают сохраняться и в настоящее время, что подпитывает чувство общности. Но в большей степени ощущение этнорегиональной общности поддерживается благодаря многочисленной научной и научно-популярной литературе о их общих корнях и судьбе.

В результате проживания в разных странах в ином этническом, языковом и идеологическом пространстве (под влиянием которого формируются свои ценностные установки, культура общения и чувство общности) у татар каждого из государств сформировалась своя национальная (гражданская) идентичность. Живущие в Беларуси татары четко идентифицируют себя как «белорусские».

«*Я – коренная ивчанка. Родилась в Ивье. <...> Мои родители и дедушки с бабушками тоже здесь родились. Здесь уже проживает несколько поколений моих родственников. Я – белорусская татарка. Когда-то нас – белорусских, польских, литовских татар – называли ли́пки. Ну, так как мы уже живем в разных государствах, то я белорусская татарка*» [8: В.А.М., г. Ивье, Гродн. обл.].

«*Я – просто татарин. Но если сейчас, с учетом границ, то я – белорусский татарин, а пока не было границ, то и различий не было. Раньше были ли́пки, правда, там идет от другого значения*» [8: С.С.С., г. Минск].

«*Литовские татары – это нация, которая разделена на три государства. Конечно, различия есть даже в менталитете польской части белорусских татар*» [8: К.Э.Э., г. Гродно].

С учетом страны проживания, языковых различий и культурных особенностей респонденты дифференцировали себя и своих соэтников в соответствии с государственными образованиями, в которых живут «белорусские татары», «польские татары» (нередко их называли просто «поляки»), «литовские татары». Особо подчеркивалась в этом вопросе роль школьного образования, когда человек формируется как личность, когда на основе идеологии прививаются традиционно значимые для населения данного государственного образования ценности.

«Свои – это люди, с которыми можно говорить на темы той же самой религии, не церемонясь, не особо выбирая слова. Например, когда ты говоришь, что у нас есть китабы, мечети, имамы, Коран, то для них это не простой звук, тогда это свои. Но если смотреть совсем узко, то, безусловно, свои для меня – это белорусские татары, причем даже литовские и польские в этом плане как-то дистанцированы… Если брать мои личные ощущения, то я не чувствую какой-то большой близости с ними (литовскими и польскими татарами. – *Е. К.*)*. Но я знаю, что есть белорусские татары, которым близки и польские, и литовские татары, они больше с ними контактируют. Это восприятие отчасти в связи с литературой. Но сказать, что у нас общность не разлей вода – тоже нет, потому что мы в разных странах живем, нас по-разному воспитывают, в плане идей нам дают разные “прошивки” (это школа)*» [8: В., г. Минск].

«*По национальности я – татарка. Но сейчас в паспорте национальность не пишется. А перепись давно была. Тогда я, кажется, записывалась как белорусская татарка. Вроде так говорила, но уже не помню. Есть татары, которые приехали из Казани*» [8: Ш.Т.И., г. Слоним, Гродн. обл., г. Минск].

Таким образом, особая значимость в этнокультурном коде белорусских татар религиозной идентичности, которая в комплексе со спецификой в религиозно-праздничной обрядности, особенностями в области национальной кухни, признанием белорусского языка в качестве родного, а Беларуси – в качестве своей единственной Родины составляет основу самосознания и этнорегиональной идентичности «белорусских татар».

3. Восприятие белорусскими татарами других татар через содержание образов «Свой» – «Другой». Поскольку в самосознании белорусских татар религиозная идентичность занимает основополагающее место, то все мусульмане автоматически причисляются к категории «Свои». Детей, родившихся в браке с представителем другой конфессии, называют «*ме́шанцы*». Тем не менее понятие «Свои», поскольку конфессиональная общность включает мусульман иных национальностей, дифференцируется в зависимости от степени культурной близости.

«*Сын иногда ходит в мечеть в Минске, а так он работает за границей. Так когда он в мечеть идет, то я его спрашиваю: "Там были наши татары?". Я имею в виду именно белорусских татар, наших. Там ведь есть и арабы, и африканцы. Там же есть и казанские, и другие татары, которые живут в Беларуси.* (На встречный вопрос: "А их как вы называете, этих переселенцев оттуда?") *Но они не белорусские татары. Они между собой разговаривают на своем языке, а мы же на белорусском. Я не понимаю, что они говорят. Башкиры так башкиры, крымские татары… Но это уже не наши. Может быть, по религии мы и одинаковые, но у них все совсем другое, другой уклад. Наши татары – это те, кто из Клецка, Слонима, Узды, Новогрудка и другие*» [8: Ш.М.Х., г. Ивье, Гродн. обл.].

Из ответа на уточняющий вопрос: «Что же важнее – уклад или религия?» следует, что в понятие «Свои» белорусские татары в первую очередь включают не просто мусульман, а единоверцев со схожим менталитетом, системой ценностей, культурными и народно-религиозными традициями и т. д.

«Но мусульмане есть и арабы, и африканцы. Белорусские татары – это наши. Уклад является важным. У тех и менталитет совершенно другой» [8: Ш.М.Х., г. Ивье, Гродн. обл.].

Несмотря на принадлежность к единой этнической и религиозной общности, татары диаспоры по ряду принципиальных признаков воспринимаются белорусскими татарами довольно удаленно, как «Другие». Особенности этногенеза, историческое развитие, языковые различия и приобретенные в ходе интеграции в белорусское социокультурное пространство специфические черты в области традиционной культуры и быта увеличивают культурную дистанцию между белорусскими татарами и татарами диаспоры, что побуждает их конкретизировать понятие «Свои». Следует отметить, что такое же отношение характерно и для татар диаспоры.

«*Свои для меня – это белорусские татары, все остальные татары мне кажутся чужими*» [8: П.Г.И., (г. Светлогорск, Гомел. обл.), г. Минск].

«*Не могу сказать, что для меня татары, которые в Татарстане и других регионах, или что те территории для меня что-то значат. Я тут родился. Они же нас не признают. Они говорят: "Вы свой язык не знаете, какие же вы татары!". Я некоторым объясняю, какие мы, и спрашиваю у них: "А ты молитву делаешь, намаз делаешь?" – "Нет, не делаю". – "Так тогда какой ты татарин!". Я язык утерял, потому что у наших предков не было общения. Татары работали с кожей, куртки, тулупы овечьи вырабатывали. Поскольку конкурентов не было, они выезжали по деревням и там расселялись, а потом всю округу одевали. Вот почему и они раскиданы по разным деревням по несколько человек*» [8: Я.А.М., г. Глубокое, Витебск. обл.].

«*Я был на трех-четырех всесоюзных мероприятиях. Там были разные нации: и казахи, и татары, в том числе казанские. Я одному говорю, что я белорусский татарин, он говорит: "Ну и что, а я русский/российский татарин" (в смысле из Казани). Мы разговаривали друг с другом только на уровне руководителей. Особой теплоты я не почувствовал. Да и здесь мы друг с другом в обним-*

ку не ходим, но относимся друг к другу уважительно. Уважительность я всегда ощущаю» [8: Я.А.З., г. Узда, Минск. обл.].

Восприятие белорусскими татарами соэтников из других регионов дистанцированное, но здесь также присутствуют свои нюансы. С учетом особенностей этногенеза «литовских татар» часть респондентов, на основании почерпнутых ими сведений из книг, говорила о большей их исторической близости к крымским татарам.

«*Я считаю, что [“литовские татары”] это крымские татары, выходцы из Крыма. Хан Тохтамыш повздорил с ханом Золотой Орды и ушел в Среднюю Азию, а потом оттуда пришел сюда*» [8: Ш.И.М., г. Ивье, Гродн. обл.].

«*Я – белорусская татарка. Считаю, что белорусские татары это те, которые корнями здесь, которые отсюда произошли, которые остались здесь еще со времен Витовта. К нам сюда, примерно в XVII–XVIII вв., точно не знаю, приезжали еще крымские татары. <...> То есть белорусские татары это те, кого Витовт пригласил на [военную] службу, и еще крымские татары, которые переезжали в ВКЛ*» [8: П.Г.И., г. Минск].

«*Мы больше крымские татары, я по архиву посмотрела, что наши татары за документами больше ездили в Симферополь, Крым, позже – в Питер*» [8: Р.А.М., г. Ивье].

Представители другой части респондентов, не вдаваясь в дискуссию, делали акцент на общности «литовских татар».

«*Трудно сказать, мы из каких татар. Есть очень много толкований. Столько всяких книг написано*» [8: К.А.А., г. Узда].

«*Кто-то считает, что мы астраханские татары, потому что у нас волосы не черные, а несколько рыжеватые, а кто-то говорит, что мы крымские татары. Мы – белорусские татары. Литовские и польские татары нам ближе, потому что там родственники. Когда были “съезды”*[1] *мы свободно проезжали. Там знакомились и женились. Отсюда много наших девушек увозили в Литву. Контактов с другими татарами у нас нет, и родственных связей с ними тоже нет*» [8: Я.А.М., г. Глубокое, Витебск. обл.].

И действительно, в отечественной научной литературе существуют две основные точки зрения о происхождении белорусских татар. Сторонники одной из них соглашаются с тем, что живущие на белорусских землях татары пришли сюда разными путями со степей Поволжья и Крыма [3, с. 3]. Но в последние годы историки больше склоняются к тому, что белорусские татары – это «наследники крымских татар, поселившихся на белорусских землях шесть веков назад» [9, с. 24].

Как отмечалось выше, в вопросе этнокультурной идентичности для белорусских татар важными являются религиозная принадлежность и соблюдение своих религиозных традиций (*китабы, хамаилы, далавары*; коллективное посещение мизаров с раздачей *садаги* и т. д.), доставшихся им от предков. Несмотря на то что значительная часть религиозных традиций вписывается в понятие «народный ислам», тем не менее они также выступают в качестве одной из важных составляющих их этнорегиональной идентичности. Поддержание белорусскими татарами собственного этнического самосознания, по мнению респондентов, зависит прежде всего от сохранения религиозной принадлежности, заключения моноэтничных/моноконфессиональных браков, осознания значимости своих корней/генеалогии.

«*Есть отличия менталитетов* (между двумя группами татар – “белорусскими” и “казанскими”. *– Е. К.*). *И вообще это разные этнические группы, которые сильно различаются. Те татары более эмоциональные... а наши более толерантные, более спокойные... Наверное, в течение веков внешняя социальная среда наложила отпечаток и на их менталитет. Я думаю, что так. В вопросе о характерных чертах белорусских татар всё опять же возвращается к исламу как их главному идентификатору. У них* (белорусских татар. *– Е. К.*) *многие признаки были потеряны. Не было общности языка, общности экономики. Мы знаем определение нации. Политической общности точно не было. Вот этот ислам, и не обязательно его соблюдение, вот он, наверное, и был самой главной отличительной чертой белорусских татар. Что касается черт ха-*

[1] В данном контексте «съезды» – это организованные встречи представителей татарской молодежи из различных регионов, которые устраивались с целью знакомств.

рактера, то разные люди, разные и характеры. Они (белорусские татары. – *Е. К.*) *практически ничем не отличающиеся от белорусов. Я не могу назвать черты характера, которые бы отличали их от белорусов. Даже кухня [та же], кроме разве что гальмы* (сладкое блюдо из меда, муки и сливочного масла. – *Е. К.*) *и перекачеников* (пирог/рулет, скрученный в виде улитки с мясной или сладкой начинкой – яблоки, изюм и др. – *Е. К.*)*, хотя последние, наверное, есть и у белорусов. Это, пожалуй, все. Одной из отличительных черт является генеалогия, которая на самом деле сохранялась. Моя бабушка, дожившая до 98 лет (1921–2019 гг.), когда к ней кто-то приезжал [из местных татар], спрашивала: "А Вы чьи?". И она сразу все могла сказать, из какого рода человек. Это все очень ценилось, может быть потому, что другого не было*» [8: В., г. Минск].

Лишь один из респондентов, у супруги которого в свое время бабушка с дедушкой переехали из Татарстана в Беларусь, сказал о том, что в принципе различий между двумя этими группами он не видит и «*по большому счету это один и тот же народ, разделенный на 600 лет*». Имеющая место дистанцированность с восточными татарами, по его мнению, объясняется тем, что с ними не было тесных контактов и, соответственно, «*с ними нет истории личностного общения. Вот это основное*» [8: К.Э.Э., г. Гродно].

Если не считать такого рода ответы, являющиеся исключением, то очевидно, что при идентификации себя как отдельного этноса респонденты основываются на следующих факторах: продолжительность проживания на белорусских землях; особая роль мусульманской религии как этнодифференцирующего (в рамках полиэтничного общества) и этноцементирующего (в рамках складывания этнорегиональной общности) факторов; общность исторической судьбы и роль их предков в истории и социальной структуре этого государства; тесные родственные контакты между татарами данного региона; общие процессы в области социально-экономического и культурного развития; полная интеграция в местную социокультурную среду, в результате которой присущий местному населению менталитет стал неотъемлемой чертой их собственного самосознания. Данный вопрос – тема отдельного исследования, в связи с этим приведем лишь два примера.

«*Мне кажется, что татары тоже такие, как белорусы. Настолько за эти шесть веков все переплелось, мы проросли друг в друга. На мой взгляд, кроме религии, татар от белорусов ничего не отличает. Я себя чувствую комфортно и в той, и в этой среде* (и среди белорусов, и среди татар. – *Е. К.*)*. Это мое личное мнение*» [8: Ш.Т.М., г. Ивье].

«*У белорусских татар Родина уже – Беларусь. Они по предкам считаются татарами, но многие из них считают себя белорусами*» [8: Ш.И.Р., г. Минск].

Таким образом, по этнокультурному признаку в категорию «Свои» респонденты включают прежде всего белорусских татар, затем литовских и польских татар. В категорию «Свои» они включают также белорусов ввиду общности языка, традиционно-бытовой культуры и менталитета.

4. Восприятие белорусскими татарами понятий «родина» и «историческая родина». С учетом того, что «литовские татары» (соответственно, и белорусские) являются частью татарского суперэтноса, сформировавшегося на отдельной территории, респондентам были заданы вопросы с целью определения значимости для них татар других стран и регионов, степени взаимодействия с ними и отношения к ним, восприятия ими тех территорий, где происходил исторический процесс формирования татарского этноса, понятий «родина» и «историческая родина».

Результаты опроса показали, что те из белорусских татар, которые побывали в Казани и/или имели возможность контактировать с казанскими татарами, чувство этнической близости и родства не испытали в силу ряда обстоятельств, поскольку обычно белорусские татары оказываются в ситуации, когда им нужно доказывать свое право называться татарами. Местные татары дистанцируются от казанских татар, в том числе по происхождению, и считают бессмысленными попытки созданных в Беларуси татарских этнокультурных организаций приобщить их к татарскому языку и культуре.

Более дистанцированное восприятие белорусскими татарами всех других татар (кроме «литовских») связано не только с языковыми и культурными различиями между ними и волго-уральскими, а также другими татарами, но и с различиями в менталитете, в содержании понятия «Родина» и др. Часть респондентов (разных социальных слоев, в том числе с высшим образо-

ванием) сознательно не связывала происхождение белорусских татар с каким-либо историко-географическим регионом, кроме ВКЛ. На вопросы: «Для Вас татары Татарстана, Крыма свои?», «Эти территории для Вас что-то значат?» были получены следующие ответы.

«*Скорее нет. Мы скорее идентифицируем себя как отдельную группу белорусских татар. Мы не имеем общего с татарами Крыма, непосредственно мой род, моя фамилия: Ильясевич, Смольская (бабушка), Якубовская (прабабушка), Базаревич и др. Все наши фамилии – это собственно татары, которые приехали в Беларусь давно и не из Крыма, и не из Татарстана. Сложно сказать, откуда приехали, но с татарами Татарстана и Крыма мы себя не идентифицируем*». При этом респондент уточнила, что к татарам Литвы и Польши у нее скорее другое отношение, поскольку «*эти татары были рука об руку с теми предками, которые приезжали сюда на эти земли. Они приехали в ВКЛ, а там уже кто где остался*» [8: К.А.Б., г. Минск].

«*У нас родственные отношения с татарами Польши и Литвы. Был такой ученый Ибрагим Канапацкий. Так он придумал такое название, как западные татары. Ну а как нас назвать?! Нас пытались с кем-то идентифицировать, под какие-то рамки загнать, но мы отдельная нация. Есть же такое решение ЮНЕСКО: если какой-то народ прожил на одном месте 500 лет, то его можно считать коренным. Мы за 600 лет здесь укоренились. Не знаю, могу ли я так говорить, но появилась особая нация – западные татары. Прожив здесь столько лет, я себя не могу назвать ни казанским, ни крымским татарином*» [8: Ш.И.М., г. Ивье].

Респонденты нередко называют татар диаспоры «российскими татарами». На вопросы: «Как называть тех татар, которые переехали сюда в XX–XXI вв. и уже довольно долго живут здесь?», «Можно ли считать татар, которые сюда приехали из Казани и других регионов и живут здесь по 30–40 лет, белорусскими татарами?», «Можно ли считать белорусскими татарами их детей, которые родились здесь?» и т. д. респонденты давали однозначные ответы.

«*Вот из той местности, откуда приехали, они так и должны называться, например, татары Поволжья. Они же ими и останутся. И если они женятся между собой, то какое отношение они будут иметь к белорусским татарам! Дело в том, что когда мы на курсах с [другими] татарами общались, то они четко говорят, что они поволжские татары. А здесь я общаюсь только с белорусскими татарами, других не знаю*» [8: П.Г.И., г. Минск].

«*Я думаю, что они себя не относят к белорусским татарам*» [8: Д.А.И., г. Глубокое, Витебск. обл.].

«*Мы – белорусские татары, а они – восточные татары. Они пришли на наши земли, а не мы на их. В это понятие я включаю всех татар*» [8: Б., г. Слоним].

Некоторые местные татары проявляли интерес к живущим в других регионах соэтникам. Часть респондентов, которые придерживаются гипотезы о происхождении «литовских татар» от крымских, также не считают ту территорию своей исторической родиной.

«*Для меня те татары ничего такого особого не значат. Особое отношение у меня, наверное, только к своим. У нас корни отсюда, и для нас это все больше родное. Крым нам ни о чем не говорит. Но интересно посмотреть на крымских татар, на разные традиции, но не более того. Мы – белорусские татары*» [8: Д.А.И., г. Глубокое, Витебск. обл.].

«*У меня к тем территориям нет никакого особого отношения. Есть интерес чисто на познавательном уровне, что просто мы оттуда. А так чтобы какой-то тяги к той территории, то нет. С казанскими татарами у нас нет какого-то родства на генном уровне, чтобы это нами ощущалось. Ну, татары. Я недавно увидел ролик, что на территории России живет 10 этнических групп татар: крымские, казанские, саратовские, астраханские, сибирские, пермские, башкирские и др. <…> Они разговаривают на татарском языке, а мы такая отдельная нация. Особое отношение у меня к белорусской территории*» [8: Ш.И.М., г. Ивье].

Одним из важных маркеров, на основании которого белорусские татары причисляют себя именно к западнотатарской, а не иной этнической общности, является признание страны в качестве своей Родины. Белорусские татары своей Родиной считают только Республику Беларусь, не рассматривая какие-либо другие регионы в качестве своей исторической родины, в то время как для татар диаспоры родиной является Россия и/или страна происхождения, а Беларусь воспринимается ими как вторая родина.

Заключение. С XIV в. татары являлись частью этнической палитры ВКЛ. Формирование западнотатарского этноса – это результат длительного процесса евразийского этногенеза. В результате воздействия иноэтничной среды и социокультурных факторов, на протяжении нескольких столетий определявших жизнь и деятельность его членов, в культурном коде данной этнорегиональной общности произошли значительные изменения, выразившиеся в осознании ими собственной этнокультурной идентичности. У них сложились свои способы самоорганизации жизнедеятельности этносообщества (с опорой на религиозные и социальные институты) и были выработаны свои механизмы сохранения этнической идентичности.

В основе этнорегиональной общности «белорусские татары» – не только языковые и культурные особенности, но и представления о присущих им ценностях и отличительных признаках, особенностях модели поведения и черт характера. Из ответов респондентов следует, что они более дистанцированно воспринимают «восточных» татар. Это в значительной степени связано с попытками навязывания белорусским татарам казанскими татарами своего языка, культуры и опасностью быть ими «переваренными» в культурном плане. В сложившихся условиях такие этнокультурные маркеры, как этнический язык и традиционная культура играют не консолидирующую, а дезинтегрирующую роль ввиду сложившихся принципиальных различий в данных областях. У каждой из этих двух общностей татар сформировался свой образ прошлого и настоящего.

Значительное влияние на местных татар оказали белорусские традиции, язык, фольклор, модель поведения и историческое прошлое, что вполне понятно, учитывая более чем 600-летнее тесное взаимодействие с местным населением на разных уровнях. И все же белорусским татарам удалось пронести через более чем шесть веков особенности своей этнокультурной идентичности (в народно-религиозной обрядности и письменной традиции, семейной обрядности (особенно поминальной), кухне и др.). Многовековое совместное и бесконфликтное проживание местных татар с белорусами, отличающимися своей этноконфессиональной толерантностью, признание ими Республики Беларусь своей исторической и единственной Родиной, а белорусского языка – своим родным языком, следование принятым в этом социокультурном пространстве ценностям, установкам и моделям поведения – все это лежит в основе включения ими белорусов в категорию «Свои» и формирования у белорусских татар устойчивой национальной (гражданской) идентичности.

Список использованных источников

1. Вольскі, В. Ф. Беларускія элемэнты ў бытавой абраднасьці літоўскіх татар / В. Ф. Вольскі // Наш край. – 1929. – № 8–9. – С. 23–29. – URL: https://istp2012.wordpress.com/wp-content/uploads/2021/01/volskij_obrjad.pdf (дата звароту: 17.10.2024).

2. Думін, С. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць / С. Думін, І. Канапацкі. – Мн.: Полымя, 1993. – 206 с.

3. Канапацкі, І. Б. Гісторыя і культура беларускіх татар / І. Б. Канапацкі, А. І. Смолік. – Мн.: Бел. ун-т культуры, 2000. – 258 с.

4. Квилинкова, Е. Н. Башкиры в Беларуси: этнокультурная идентичность сквозь призму межэтнического взаимодействия / Е. Н. Квилинкова. – Мн.: Бел. навука, 2026а. – 254 с.

5. Квилинкова, Е. Н. Татары Беларуси: этнокультурные маркеры и идентичность / Е. Н. Квилинкова // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2026б. – № 1. – С. 16–26.

6. Мишкинене, Г. Очерк истории и культуры литовских татар / Г. Мишкинене // Диаспоры. – 2005. – № 2. – С. 40–61.

7. Ольшевский, В. Уровни идентификации польских татар в историко-этнологическом контексте / В. Ольшевский // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. / Ом. гос. ун-т; редкол.: Д. А. Мягков (отв. ред.) [и др.]. – Омск, 2011. – С. 5–8.

8. Квилинкова, Е. Н. Полевые материалы автора (ПМА) / Е. Н. Квилинкова // Материалы полевых исследований за 2021–2024 гг.

9. Смолик, А. И. Интеграция крымских татар в белорусское социально-культурное пространство / А. И. Смолик // Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней: сб. материалов конф.: XLI Междунар. науч. чтения, Симферополь, 23–24 нояб. 2016 г. / Крым. федер. ун-т; под общ. ред. Д. С. Берестовской, И. А. Андрющенко, И. А. Курьяновой. – Симферополь, 2017. – С. 20–24.

10. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учеб. для вузов / Т. Г. Стефаненко. – М.: Ин-т психологии РАН: Акад. проект, 1999. – 320 с.

11. Червонная, С. М. Основы идентичности литовских татар: исторический фундамент и современный ракурс / С. М. Червонная // Историческая этнология. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 28–63.

References

1. Vol'ski V. F. Belarusian elements in the everyday life of the Litovsk Tatars. *Nash krai* [Our region], 1929, no. 8–9, pp. 23–29. Available at: https://istp2012.wordpress.com/wp-content/uploads/2021/01/volskij_obrjad.pdf (accessed 17.10.2024) (in Belarusian).

2. Dumin S., Kanapatski I. *Belarusian Tatars: past and present.* Minsk, Polymya Publ., 1993. 206 p. (in Belarusian).

3. Kanapatski I. B., Smolik A. I. *History and culture of the Belarusian Tatars*. Minsk, Belarusian University of Culture, 2000. 258 p. (in Belarusian).

4. Kvilinkova E. N. *Bashkirs in Belarus: Ethnocultural Identity through the Prism of Interethnic Interaction*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2026a, 254 p. (in Russian).

5. Kvilinkova E. N. Tatars of Belarus: ethnocultural markers and identity. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Journal of the Belarusian State University. History*, 2026b, no. 1, pp. 16–26 (in Russian).

6. Mishkinene G. Essay on the history and culture of Lithuanian Tatars. *Diaspory* [Diasporas], 2005, no. 2, pp. 40–61 (in Russian).

7. Ol'shevskii V. Levels of identification of Polish Tatars in the historical and ethnological context. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii: sbornik nauchnykh trudov* [Ethnic history and culture of the Turkic peoples of Eurasia: collection of scientific papers]. Omsk, 2011, pp. 5–8 (in Russian).

8. Kvilinkova E. N. Author's field materials. *Field Research Materials for 2021–2024* (in Russian).

9. Smolik A. I. Integration of the Crimean Tatars into the Belarusian socio-cultural space. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei: sbornik materialov konferentsii: XLI Mezhdunarodnye nauchnye chteniya (23–24 noyabrya 2016, g. Simferopol')* [The culture of the peoples of the Black Sea Region from ancient times to the present day: conference proceedings: XLI International scientific readings, Simferopol, November 23–24, 2016]. Simferopol, 2017, pp. 20–24 (in Russian).

10. Stefanenko T. G. *Ethnopsychology.* Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 320 p. (in Russian).

11. Czerwonnaja S. M. Fundamentals of the Lithuanian Tatars' identity: the historical basis and contemporary aspects. *Istoricheskaya etnologiya = Historical Ethnology,* 2017, vol. 2, no. 1, pp. 28–63 (in Russian).

Информация об авторе

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: cvilincova@mail.ru. https:// orcid.org/0000-0002-7168-8506

Information about the author

Elizaveta N. Kvilinkova – D. Sc. (Hist.), Associate Professor, Chief Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: cvilincova@mail.ru. https:// orcid.org/0000-0002-7168-8506

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3«9/20»+82.0
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-242-252

Паступіў у рэдакцыю 22.08.2025
Received 22.08.2025

А. А. Бараноўскі

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ТЭКСТ – ПАРАТЭКСТ: АЎТАРСКІЯ СТРАТЭГІІ І СЭНСЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли паратекста в литературном процессе и выявлению авторских стратегий, реализующихся через систему перитекстуальных и эпитекстуальных элементов. Основываясь на концепции Ж. Жанетта, паратекст рассматривается как важнейший посредник между текстом и читателем, способный определять не только первичное восприятие, но и долгосрочную интерпретацию произведения. Анализируются такие формы перитекста, как заголовки, эпиграфы, структура сборников, композиционные маркеры, а также визуальное оформление (обложки, шрифтовые и графические решения). Особое внимание уделено эпитексту – рецензиям, научным интерпретациям и т. д., которые вносят дополнительные смыслы и формируют культурный статус произведения. В белорусской литературе XX–XXI вв. паратекст приобретает значимость не как второстепенное сопровождение, а как активный элемент художественной коммуникации, способный задавать концептуальные рамки и направлять рецептивные практики. Подчеркивается, что через паратекстуальные стратегии авторы формируют культурно-идентификационные модели, актуализируют историческую память, создают метапоэтическое измерение творчества. Таким образом, паратекст предстает не маргинальной, а системообразующей категорией, определяющей взаимодействие текста, автора и читателя в литературном процессе. В конечном итоге паратекст можно рассматривать как динамическое пространство смыслов, где художественное и культурное взаимодействуют в режиме постоянного диалога.

Ключевые слова: текст, паратекст, перитекст, эпитекст, авторская стратегия, рецепция, белорусская литература, поэзия, белорусская поэзия

Для цитирования: Бараноўскі, А. А. Тэкст – паратэкст: аўтарскія стратэгіі і сэнсы / А. А. Бараноўскі // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 3. – С. 242–252. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-242-252

Aliaksandr A. Baranouski

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

TEXT – PARATEXT: AUTHOR'S STRATEGIES AND MEANINGS

Abstract. The article is devoted to the study of the role of paratext in the literary process and to the identification of authorial strategies implemented through the system of peritextual and epitextual elements. Drawing on the concept of G. Genette, paratext is considered the most important mediator between the text and the reader, capable of shaping not only the initial perception but also the long-term interpretation of the work. Such forms of peritext as titles, epigraphs, the structure of collections, compositional markers, as well as visual design (covers, typographic and graphic solutions) are analyzed. Particular attention is paid to the epitext – interviews, reviews, scientific interpretations, and other forms that provide additional meanings and construct the cultural status of the work. In Belarusian literature of the 20th and 21st centuries, paratext acquires significance not as a secondary accompaniment but as an active element of artistic communication, capable of setting a conceptual framework and guiding receptive practices. It is emphasized that through paratextual strategies, authors shape cultural-identification models, actualize historical memory, and create a metapoetic dimension of creativity. Thus, paratext appears not as a marginal, but as a system-forming category that defines the interaction of text, author, and reader in the literary process. Ultimately, paratext can be viewed as a dynamic space of meanings, where the artistic and the cultural interact in a mode of constant dialogue.

Keywords: text, paratext, peritext, epitext, author's strategy, reception, Belarusian literature, poetry, Belarusian poetry

For citation: Baranouski A. A. Text – paratext: author's strategies and meanings. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 3, pp. 242–252 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-242-252

© Бараноўскі А. А., 2026

Уводзіны. У сучасным літаратуразнаўстве канцэпцыя паратэксту, прапанаваная Жэрардам Жэнетам («Seuils», 1987), актыўна выкарыстоўваецца для аналізу камунікацыі аўтара і чытача. Адштурхоўваючыся ад акрэсленай канцэпцыі, варта дакладна адрозніваць перытэкст і эпітэкст – складнікі паратэкстуальнай прасторы літаратурнага твора. Першы з іх ахоплівае тыя элементы, што непасрэдна суправаджаюць тэкст і фізічна звязаныя з ім, – імя аўтара, назва, эпіграф, анатацыя, вёрстка, дызайн вокладкі і г. д. Другі – эпітэкст – існуе па-за межамі выдання і ўяўляе сабой адносна аўтаномныя адзінкі – інтэрв'ю, рэцэнзіі, навуковыя артыкулы, рэкламныя матэрыялы і інш., што адносяцца да твора, але не ўваходзяць у яго структуру [1].

На сённяшні дзень пытанне аб тым, што варта ўключаць у аналіз літаратурнага твора, а што не браць пад увагу, застаецца адкрытым і складаным. Паратэкст як эмпірычны комплекс суправаджае чытанне настолькі, наколькі сам чытач гатовы паглыбіцца ў адпаведны дыскурс. У гэтым сэнсе паратэкст заўсёды мае другасны характар адносна асноўнага мастацкага матэрыялу, аднак яго функцыянальная значнасць не падлягае сумненню. Перытэкст з'яўляецца своеасаблівым ключом да разумення аўтарскай задумы, бо фарміруе першасны кантэкст успрымання. У той жа час эпітэкст – прадукт інтэрпрэтатыўнага «прысваення» – мае адбітак суб'ектыўнасці і можа супярэчыць аўтарскай інтэнцыі, уплываючы на чытацкае разуменне ўжо праз прызму знешніх ацэнак і ідэалагічных канатацый.

Мы разглядаем паратэкст у шырокім сэнсе – як інструмент аўтарскай ідэнтыфікацыі. Ён набывае асаблівую значнасць у кантэксце беларускай літаратуры канца XX – пачатку XXI ст., калі выразна прасочваецца тэндэнцыя да самавызначэння, пераасэнсавання нацыянальных наратываў, рэвізіі калектыўнай памяці. У такіх умовах паратэкстуальныя элементы пачынаюць выконваць не толькі ўласцівую ім інфармацыйную ці эстэтычную функцыі, але і ролю сімвалічнай самапрэзентацыі, становяцца спосабам выяўлення аўтарскай прысутнасці ў тэксце.

У дачыненні да паэзіі акрэсленая канцэпцыя патрабуе асаблівага аналітычнага падыходу. Лірычны тэкст характарызуецца высокай ступенню сэнсавай і вобразнай канцэнтрацыі, што вымагае ад чытача больш актыўнага ўключэння ў інтэрпрэтацыю. У гэтай сувязі паратэкстуальныя кампаненты становяцца паўнавартаснымі ўдзельнікамі літаратурнага выказвання: ініцыіруюць метапаэтычнае (альбо, у шырэйшым разуменні, метатэкстуальнае) асэнсаванне – задаюць кантэкст, адкуль пачынаецца рэцэпцыя верша, адкрываецца рытарычны і інтэлектуальны вектар уваходу ў тэкст.

Калі з'яўленне перытэксту можа быць лагічна вытлумачана, напрыклад, аўтарскай воляй або рэдакцыйнай палітыкай выдавецтва, то ініцыяцыя эпітэксту мае спантанны характар: спрагназаваць лёс асобнага твора, нават у выпадку мэтанакіраванай прома-акцыі, даволі складана. Да таго ж эпітэкст уключае не толькі пазітыўныя, але і крытычныя або негатыўныя інтэрпрэтацыі, што яшчэ больш зніжае дакладнасць любога прадбачання.

Асноўная частка. Разважаючы пра падобныя выпадкі, варта прыгадаць вершы М. Багдановіча «Слуцкія ткачыхі», «На чужыне» і асабліва хрэстаматыйны вобраз «цвятка радзімы васілька». У прыватнасці, ці стаў васілёк нацыянальным сімвалам дзякуючы паэту, ці ж ён, апелюючы да глыбінных архетыпаў народнай свядомасці (сінявокая, васільковая Радзіма), толькі замацаваў ужо існуючую міфалагему – адназначна сцвердзіць цяжка. Аднак у межах беларускай культурнай парадыгмы вобраз васілька – спрадвечнага палявога пустазелля – трансфармаваўся ў сакральны знак, набыўшы статус паэтычнага і нацыянальнага сімвала. Ён стаў «візітоўкай» М. Багдановіча, што ў 2024 г. чарговы раз пацвердзілася асобным выданнем ужо аднайменнага зборніка – «Цвяток радзімы васілька».

І перытэкст, і эпітэкст здольныя ўплываць на лёс аўтара ці яго асобнага твора. У далічбавую эпоху такой функцыяй, напрыклад, у асноўным валодалі рэцэнзіі. Так, першыя творы М. Багдановіча былі неадназначна ўспрыняты літаратурным асяроддзем. Скразіла думка, нібы «гэта вершы не для ўсіх», аўтара абвінавачвалі ў залішняй «дэкадэншчыне». Аднак ужо напачатку XX ст. публіцыст А. Пагодзін у артыкуле «Белорусские поэты» назваў М. Багдановіча самабытнай асобай нацыянальнага адраджэння, у якой «проглядываетъ нѣжная, особенно интеллигентная душа, и эта ея филигранность можетъ быть залогомъ развитія» [2, с. 329]. Станоўчыя рэцэнзіі і ў будучым садзейнічалі ўключэнню паэта ў нацыянальны літаратурны канон.

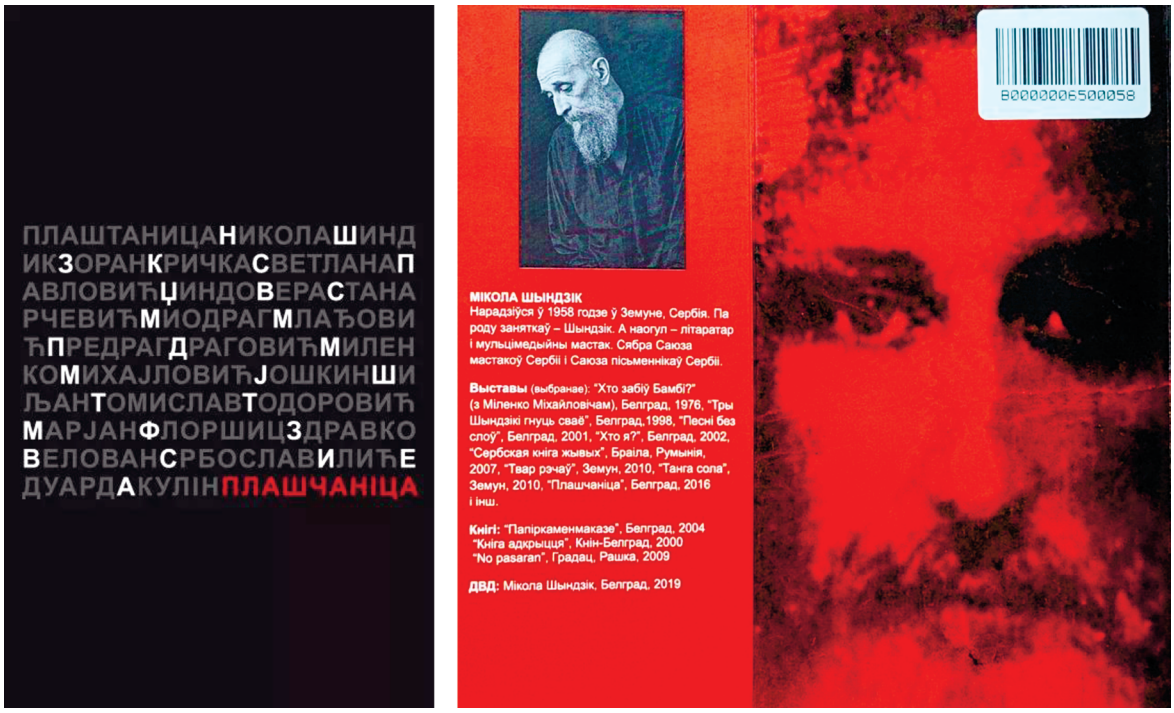
Парадаксальна-непрадказальная сітуацыя склалася з выданнем першага зборніка Я. Купалы «Жалейка» (1909). Крытычны водкук Ядвігіна Ш. спарадзіў ланцуг адпаведных водгукаў іншых

аўтараў, напрыклад У. Самойлы. Адметна, што гэта стварыла інтэлектуальны дыялог і, як вынік, падтрымку Я. Купалы. Такім чынам, хоць першы водгук і меў негатыўны тон, ён фактычна паспрыяў актывізацыі крытычнага дыскурсу вакол творчасці паэта.

Свядомая аўтарская стратэгія выразна прасочваецца ў зборніку «Плашчаніца» (2020) сучаснага нам аўтара Э. Акуліна. У кнізе пераплятаюцца рэлігійныя архетыпы з нацыянальнай самасвядомасцю. Вершы «Каін», «Ной», «Святая ноч», «Пацалунак Іуды», «Пілат» і інш. [3], прадубліраваныя перакладамі Міодрага Сібановіча, фарміруюць цэласны паратэкстуальны комплекс, дзе назвы, эпіграфы, кампазіцыя і нават агульная стылістыка зборніка працуюць як канцэптуальны код. Тут назва кнігі выступае ключом да разумення вершаў – частак адзінага тэалагічнага наратыву, у якім беларуская гісторыя прачытваецца праз біблейскі метатэкст (мал. 1).

Ідэя праекта «Плашчаніца» належыць сербскаму пісьменніку і мастаку М. Шындзіку, натхнёнаму вершамі Э. Акуліна на стварэнне серыі жывапісных работ. Літаратурна-мастацкае выданне «Плашчаніца» – плён супольнай працы беларускага паэта і дванаццаці мастакоў з Сербіі. Перад намі – сітуацыя, калі паратэкст пашыраецца ў эпітэкст – аўтаномную, але звязаную з творам прастору, і пачынае існаваць у перакрыжаваным мастацкім дыскурсе – ад літаратуры да выяўленчага мастацтва. У такім святле складана вызначыць, што з'яўляецца першасным – тэкст ці вобраз, верш ці карціна. Але менавіта паратэкст дае нам шэраг «маставых» элементаў, што звязваюць гэтыя формы ў адно цэлае.

Кніга Д. Дзмітрыева «Ліра спіралі» (2013) – унікальная з'ява ў беларускім літаратурна-мастацкім полі: паэтычны тэкст і візуальная форма пераплятаюцца ў складанай сістэме каліграфічных кампазіцый, паліндрамічных ланцужкоў, спіральных структур, дзе слова, вобраз і гук утвараюць цэласную «драматургію» аўтарскага выказвання. Нават паліграфічнае рашэнне набывае філасофскае вымярэнне: кантрасны каляровы падзел на чорную і белую часткі арганізуе прастору кнігі як дыялектычнае супрацьпастаўленне (святла і цемры, прысутнасці і адсутнасці, маўчання і гуку – светабудовы). Беларуская даследчыца Г. Кісліцына так выказалася пра эстэтыку «Ліры спіралі»: «<...> а да якога яго віду ты можаш гэта аднесці? Твой вопыт табе нічога не падказвае. Ты не разумееш, як гэта зроблена, і, разам з тым, ты агаломшаны – а як майстру такое наогул прыходзіць у галаву?» [4, с. 5]. Гэта характэрная рэакцыя на твор, які адначасова адсылае да дакладнай навукі (камбінаторыка, сістэмы сімвалаў, палітэкстуальнасць) і да мастацтва – экспрэсіўнай

Мал. 1. Вокладка кнігі Э. Акуліна «Плашчаніца»

Fig. 1. Cover of the book «The Shroud» by E. Akulin

формы думак і перажыванняў. Нядзіўна, што ў межах швейцарскай выставы візуальнай літаратуры *Worttandem* кніга Д. Дзмітрыева была прадстаўлена ў якасці арт-аб'екта (дэманстрацыя трансмедыйнасці і міждысцыплінарнага характару твора) (мал. 2).

Згаданая тэндэнцыя сёння знаходзіць паралелі ў сусветнай практыцы візуалізацыіі мастацкіх тэкстаў. Амерыканская паэтэса і мастачка Кэці Эрнст стварыла сотні візуальных паэм і трохмерных кампазіцый, актыўна працуючы ў лічбавым фармаце. Яе творчасць – прыклад «аб'ектнай лірыкі», дзе тэкст не толькі канстатуе, але канструюе мастацкую прастору. У творах Леаноры дэ Барос (Бразілія) ён падпарадкаваны пераважна візуальнай задачы і толькі ў спайцы з іншымі вобразам і культурнымі асацыяцыямі раскрывае свой семантычны патэнцыял (знакаміты праект *Ping poema* з тэніснымі мячамі). Розалі Хірс, нідэрландская паэтка і кампазітар, распрацоўвае форму *fluid poetry* – інтэрактыўнай лічбавай паэзіі, у якой чытач набывае статус суствараль ніка (праз шматвектарнае чытанне і рэкамбінацыю тэксту). Яе прыклад дэманструе сувязь літаратурнага твора з тэхналогіямі, алгарытмамі і пераасэнсаваннем аўтарства. У сваю чаргу працы Марыі Менсіі з Вялікабрытаніі – даследчыцы і медыямастачкі – балансуюць паміж літаратурнасцю, інфармацыйнай эстэтыкай і кіберартам. Такім чынам, «Ліра спіралі» Д. Дзмітрыева арганічна ўпісваецца ў гэты міжнародны дыскурс візуальнай і камбінаторнай літаратуры, пераадольваючы межы традыцыйнай кнігі – пераўтварае чытанне ў саўдзел. Яскравы выпадак уплыву эпітэксту на ўспрыманне аўтара ілюструе М. Мятліцкі. Яго зборнік «Абеліск у жыце» (1980) суправаджаецца прадмовай «Права на першую песню» А. Вялюгіна – аўтарытэтнага айчыннага творцы XX ст. У гэтым тэксце А. Вялюгін акцэнтуе ўвагу на лірычным дары М. Мятліцкага, яго ўменні «спалучаць сціпласць з вялікай чалавечай годнасцю» [6]. Такая ўстаноўка фактычна фарміруе ўяўленне пра аўтара ў чытача, папярэднічае яго мастацкаму ўспрыманню, забяспечвае давер.

Яшчэ адзін яскравы прыклад ілюструе верш М. Мятліцкага «Паэт – дзяжурны па планеце», упершыню апублікаваны ў кнізе «Прысутнасць» (2017) [7, с. 373]. Удалы загалоўны радок справакаваў рэзананс у медыйнай прасторы, спарадзіўшы шэраг аднайменных электронных і друкаваных матэрыялаў. З часам вобраз «паэта-дзяжурнага па планеце» набыў характар метафарычнай назвы, стаў часткай літаратурнага дыскурсу. Таму невыпадкова, што ў наступным аўтарскім зборніку «Існасць» (2020) згаданы вобраз узнік наноў – ужо ў якасці назвы цыкла.

Не менш значную ролю эпітэкст адыграў і ў выпадку з А. Разанавым. Адна з першых аналітычных прац, прысвечаных яго творчасці, – артыкул Т. Чабан «На мяжы невымоўнага» (1990). Аўтарка адзначае, што А. Разанаў сфарміраваў культурна-філасофскі тып мыслення, адрозны ад традыцыйнага лірызму беларускай літаратурнай школы [6]. Ранняя крытычная рэакцыя задала вектар

Мал. 2. Вокладка кнігі Д. Дзмітрыева «Ліра спіралі»
Fig. 2. Cover of the book «The Lyre of the Spiral» by D. Dmitriev

далейшаму ўспрыманню асобы паэта-«мысляра», якому пазней грунтоўныя манаграфіі прысвяцілі Г. Кісліцына «Алесь Разанаў: праблема мастацкай свядомасці» (1997), А. Івашчанка «Паэтыка Алеся Разанава: між медытацыяй і рацыяй» (2008), І. Штэйнер «Уводзіны ў невымоўнае» (2013) і інш.

У літаратуразнаўстве XXI ст. паратэкст успрымаецца як свядомая аўтарская камунікатыўная стратэгія, паколькі ўсё часцей выконвае функцыю структуратворчага і аксіялагічнага маркера – задае тэматычны і эмацыянальны вектар чытання. Так, у зборніку В. Аксак «Віно з Каліфорніі» (2003) паратэкст служыць структурай наратыўнай сувязі і канцэптуальнай адметнасці. Французскае выслоўе «Віно ў жыцці – не ўсё, / але жыццё без віна – нішто» [10, с. 5] выступае кодавай знакавай адзінкай, якая вызначае падыход да жыццёвага досведу як да каштоўнасці, нягледзячы на яго супярэчлівасць або будзённасць.

Лейтматыў зборніка – вяртанне лірычнай гераіні да ўласнага мінулага, у вёску Смалічы, – раскрываецца праз індывідуалізаванае асэнсаванне прасторы і часу. Кампазіцыя твораў грунтуецца на чаргаванні лакальных успамінаў з агульнымі роздумамі, што надае ўсім тэкстам рысу асабістай метанарацыі:

Гуляю па Рынкавым пляцы.
Ад маладога тлуму
Старога места стамляюся
ды йду
ў рудыя прысады
Гданьскай узьбярэжнай
пасядзець у самоце
<...>
Бязмэтна заходжу
ў Дом літарацкі,
у якім ганаруюць
красамоўнага пана Ружэвіча,
а ён адмаўляецца
чытаць свае вершы [10, с. 11].

У наступным вершы фокус увагі канкрэтызуецца, засяроджваецца на пэўным аб’екце, адасабляе яго ад агульнай панарамы папярэдняга твора:

Калі ты –
геній,
то што тады робіш
тут,
на гэтым балі
гаймідару? [10, с. 12].

Міжтэкставая сувязь у зборніку ўзмацняецца графічна – праз тры зорачкі (***) – маркеры паратэкставага ўдакладнення. Такая візуальная разметка фарміруе семантычную архітэктоніку для звязнасці і эмацыянальнай лагічнасці гіпертэксту. Скарыстаўшыся камп’ютарнай тэрміналогіяй, падобныя паратэкставыя элементы можна разглядаць як «мацярынскія вузлы» (parent nodes), ад якіх адыходзяць «дачэрнія» мікратэксты (child entries) – сэнсава звязаныя фрагменты, што паглыбляюць або ўдакладняюць асноўную наратыўную лінію. Такім чынам, графічная структура зборніка пераўтвараецца ў гібрыдны тэкст, дзе вершы і паратэксты ўтвараюць складана арганізаваную сістэму ўнутраных сувязей. Гэтая архітэктоніка яскрава выяўляецца ўжо на ўзроўні зместу:

Зьмест

Абед у Гётэборгу 6
***Пасьцель. 9
Варшаўскі акцэнт 10
***Калі ты 12
Праходка да Саскага саду 13
***А лісьцікі на ліпах. 15

Акрамя таго, звяртае на сябе ўвагу выкарыстанне тарашкевіцы – відавочны і асэнсаваны выбар арфаграфічнай традыцыі, які надае тэксту асаблівую культурную афарбоўку. Такое рашэнне спрыяе выяўленню стылістычнай індывідуальнасці і служыць формай самавызначэння аўтара

ў кантэксце адпаведнага культурна-гістарычнага дыскурсу. Вышэйадзначанае падводзіць да разваг аб магчымасці існавання паэтычнага зборніка як філасофскага трактата з асноўнай інтэлектуальнай нагрузкай не ў выказваннях, а ў знешніх атрыбутах. Напрыклад, пунктуацыя і графічнае афармленне, пераадольваючы межы тэхнічнага функцыяналу, становяцца паўнавартаснай кагнітыўнай сістэмай – шматузроўневай, экзістэнцыяльна афарбаванай.

Так, у кнізе «ЖываЯ» (2008) А. Спрынчан пунктуацыя выконвае ролю сімвалічнай матрыцы, якая фарміруе ўнутраную логіку вершаў, задае параметры аўтарскай прысутнасці. Літара «Я», вылучаная ў назве колерам і кеглем, з аднаго боку, з'яўляецца аўтабіяграфічна-гендэрным маркерам, з другога – лагічным працягам аўтарскай стылістыкі, распачатай у дэбютным зборніку «Вершы ад А.» (2004): ад «А» да «Я». У адрозненне ад іншых спроб «мадэрнізацыі» беларускай паэзіі праз знешнія сродкі, А. Спрынчан апелюе да глыбінных механізмаў семіятычнага мыслення – тых сэнсавых напластаванняў, якія праяўляюцца ў мове, знаку, структуры верша: «а асноўны працяжнік ставіцца / паміж датамі нараджэння і смерці» [11, с. 41]. Паэтка замяняе традыцыйную навігацыю зборніка знакамі прыпынку – «? ? ?», «: : :», «! ! !» і інш. (раздзелы «жываЯ?», «жываЯ:», «жываЯ...», «жываЯ,», «жываЯ –», «жываЯ!», «жываЯ.», «жываЯ;», «(жываЯ)», "«жываЯ»", «жываЯ»), утвараючы своеасаблівую пунктуацыйную метатэкстуальнасць. Заўважаная літаратуразнаўцай І. Мяцеліцай адсутнасць прамой сэнсавай карэляцыі паміж знакамі і зместам [12, с. 309], на нашу думку, не абясцэньвае канцэптуальнасці зборніка, а падкрэслівае яго асацыятыўную накіраванасць. Непразрыстасць адпаведнасцей тлумачыцца інтравертнай структурай аўтарскай свядомасці, у якой эгацэнтрыка арганічна спалучаецца з антрапацэнтрызмам.

Адметнай з'явай у сучасным беларускамоўным паэтычным полі з'яўляецца стратэгія аўтарскай аўтаідэнтыфікацыі Міхала Анемпадыстава. Структура яго зборнікаў утрымлівае семантычныя і паратэкставыя «пазнакі», якія адсылаюць да міжжанравай (пераважна музычнай) прыроды твораў і творцы. У зборніку «Глыбока-глыбока, на дне філіжанкі кавы» (2014) аўтар свядома размяжоўвае творы на «тэксты» і «шанты», што ўяўляе сабой аўтарскі акт самавызначэння ў межах культурнай традыцыі і індывідуальнай міфапаэтыкі. Такая жанравая класіфікацыя – прамая адсылка да музычнага досведу М. Анемпадыстава, які яшчэ з 1990-х гг. актыўна дзейнічаў як тэкставік, выканаўца і канцэптуаліст альтэрнатыўнай беларускай рок-культуры, у тым ліку ў рамках праекта «Народны альбом» (1997) – заўважны феномен нацыянальнай культуры.

Уключэнне ў структуру зборніка «шантаў» – спецыфічнага паджанру англійскай марской песеннай традыцыі – можа быць прачытана як праект аўтарскай фальклорнай рэканструкцыі, жаданне пераасэнсаваць калектыўную памяць праз інтэграцыю не толькі мясцовых, але і глабальных (у дадзеным выпадку – англасаксонскіх) традыцый. Шанты, як вядома, – гэта песні маракоў, што выконваліся на англійскіх і амерыканскіх караблях да пачатку XX ст. і цяпер існуюць у выглядзе рээнактменту ў фальклорным і аўтарскім музычным асяроддзі.

У паэзіі М. Анемпадыстава шанты пераасэнсоўваюцца як паэтычныя канцэпты аддаленасці, «падарожжа», пошуку, што перадаецца і праз адпаведны рытмічны малюнак і тэматыку: «Покуль моцы хапае / Караблі пабудуем / І далёка-далёка / Паплывем-павандруем» [13, с. 52]. Тут вобраз «карабля» – транспарэнтны архетып культурнага руху – набывае экзістэнцыяльную глыбіню, сугучную маральна-эстэтычнай праграме ўсяго творчага шляху аўтара.

У яго апошнім, пасмяротным, зборніку «Каб быць бліжэй да зорак» (2025) кірунак мастацкага самавызначэння атрымлівае завершаную фармалізаваную ўвасобленасць: «Народны альбом» прадстаўлены асобным структурным раздзелам, што сведчыць пра асэнсаванне гэтага культурнага праекта не як эпізоду, а, найперш, як базавай часткі аўтарскай ідэнтычнасці. Сама назва зборніка задае адпаведнае вымярэнне сэнсу – «быць бліжэй да зорак» – метафара духоўнага пераходу, трансцэндэнтнага стану паміж быццём і небыццём.

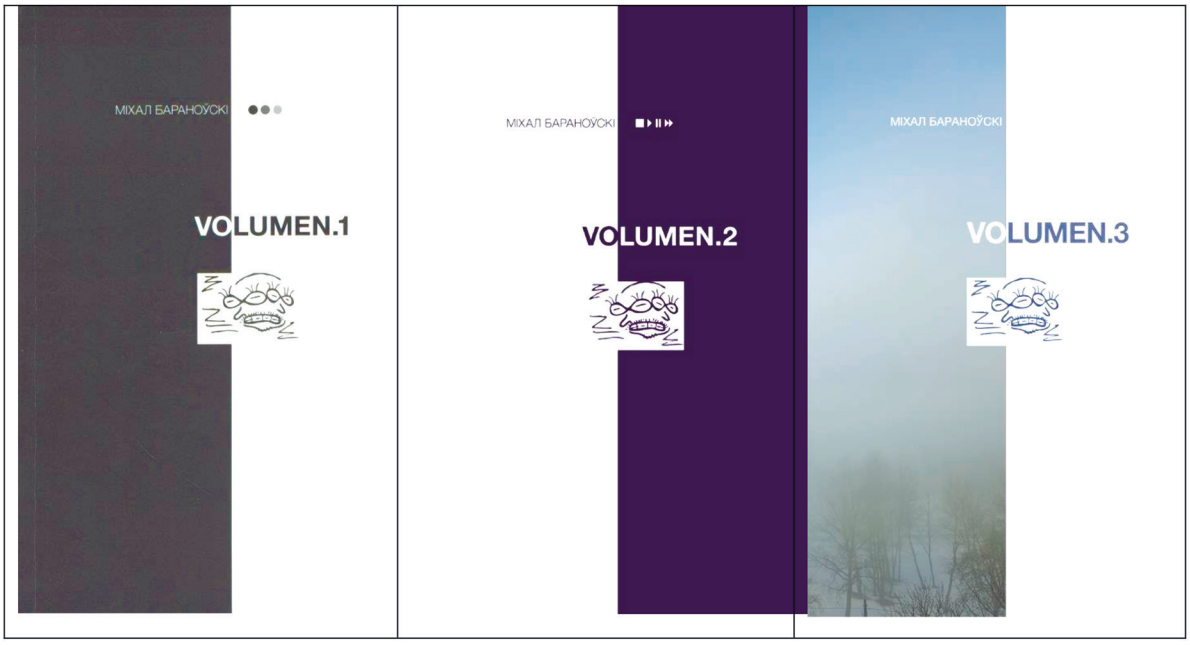
Вершаваныя зборнікі Міхаіла Бараноўскага «Volumen.1» (2016), «Volumen.2» (2020) і «Volumen.3» (2024) ствараюць лагічную, хоць і адкрытую ў сваёй дынаміцы, трылогію-запрашэнне да чытання і інтэрпрэтацыі, удумлівай рэфлексіі над формай і сэнсам. Кампаноўка кніг пераходзіць за межы звыклага для паэтычных выданняў структурнага мінімалізму: «Раздзелы» і іх назвы – «Вежа ваўчыных костак», «Год замыкання зямлі», «Зона рызыкоўнага земляробства» і інш. – указваюць на наяўнасць унутранай наратыўнай логікі і канцэптуальнай сувязі паміж тэкстамі.

Назвы вершаў падаюцца выключна з малой літары – гэта адзін з ключавых «мінус-прыёмаў» (па вызначэнні Ю. М. Лотмана), які сведчыць пра імкненне аўтара да дэцэнтралізацыі чытацкай ўвагі. Мы маем справу не з кнігай для хуткага спажывання, а са сплавам думкі і сэнсу, дзе графічнае парушэнне нормы выступае сродкам стварэння альтэрнатыўнай сінтаксічнай прасторы. Набходна адзначыць, што такі метад не толькі сімвалізуе пэўную адмову ад правіла, але і канстытуюе новую, аўтарскую «граматыку» ўспрымання. Як і ў паэзіі А. Разанава, дзе сэнс імпульсна выспявае ў лаканізме, у М. Бараноўскага ідзе праца са словам і з яго адсутнасцю – з паўзай, што арганічна «ўпісваецца» ў прастору верша.

Зразумець логіку літаратара дапамагае паратэкст. Так, вокладка першага зборніка сімвалічна аздоблена шматкроп'ем (...) – знакам незавершанасці, адкрытага выказвання, што як быццам намякае на працяг дыялогу, на гатоўнасць да развіцця. На вокладцы «Volumen.2» графічна прадстаўлены кнопкі «стоп» (□), «прайграць» (>), «паўза» (ıı), «перамотка наперад» (»), што адсылае да медыйнай семіётыкі, але і ўмоўна рэгламентуе сам працэс чытання як плынь, якую можна парушыць, прыпыніць, паскорыць, але не вярнуць (мал. 3).

Згаданыя элементы набываюць асаблівую выразнасць у святле музычнай біяграфіі аўтара – удзельніка гурта «Нельга забыць», канцэптуальныя праграмы якога («Леаніды не вернуцца да Зямлі» і «Мярцвяк») створаны паводле вершаў У. Караткевіча і М. Багдановіча. Гэта не толькі мастацкая адаптацыя, але і медыйны перфоманс, у якім літаратура, музыка і культурная памяць утвараюць сінтэз. Аўтар прадстае тонкім медыятарам паміж паэтычнай традыцыяй і сучаснымі формамі мастацкай камунікацыі – між гукам, словам і жывым перажываннем.

Адсутнасць кнопкі «назад», мяркуем, функцыянуе як метафара незваротнасці часу, руху свядомасці, а таксама – паэтычнага шляху, які магчыма пераадолець, але не паўтарыць. І толькі трэцяя кніга, «Volumen.3», з яе лаканічнай, аскетычнай вокладкай без пазнакаў, уваходзіць у поле цішыні і нулявога парадку, дзе ўсё сказана або, наадварот, яшчэ не пачалося. Гэта не шматкроп'е і не заклік да дзеяння, а чысты тэкст, пазбаўлены дадатковых тлумачэнняў. Такі паратэкстуальны вектар дазваляе прачытаць «Volumen» як трыядычны праект, дзе кожны том – фаза творчай і экзістэнцыяльнай эвалюцыі. Варта таксама звярнуць увагу на шматзначнасць самой назвы. Згодна з «Лаціна-рускім слоўнікам» І. Х. Дварэцкага, пад «volumen» у першым значэнні маецца «выгіб», «кальцо», «кругаварот», а толькі ў трэцім і чацвёртым значэнні – «рукапіс», «скрутак», «том» [17, с. 1091]. Гэта адкрывае магчымасць інтэрпрэтаваць назву як спасылку на кніжную форму і мадэль цыклічнасці, дзе лірыка выконвае ролю маршруту – складанага, але заканамернага.

Мал. 3. Вокладкі кгіг М. Бараноўскага з серыі «Volumen»

Fig. 3. Covers of books by M. Baranovsky from the «Volumen» series

Эпіграфы, такія як «у лабірынтах самапаўтораў / закружляў не знаходжу выйсця – / я малы пажаўцелы лісцік / што сарваўся з галінкі долу» [14], – частка дыскурсу, які працягваецца ўнутры кнігі. Эпіграф у дадзеным выпадку – аперацыйны цэнтр, дзе вызначаецца эмацыянальна-семантычны код зборніка. Ён задае тэмп і рытм чытання, прапаноўвае ўласную інтанацыйную шкалу.

Аўтарскае прызнанне памылак у анатацыі да кнігі – «частку памылак аўтар пакідае на сваё сумленне» [14] – варта ўспрымаць як дэкларацыю права на недасканаласць (прынцып мастацкай шчырасці). Такі падыход сведчыць пра М. Бараноўскага як пра паэта, схільнага да дэканструкцыі літаратурнай гладкасці і, у шырэйшым сэнсе, на пратэст супраць стандартаў культуры.

Варта таксама падкрэсліць, што ў межах трох зборнікаў адбываецца эвалюцыя стылю, а таксама паступовае прасоўванне да тых межаў, дзе паэзія функцыянуе як мысленне – афарыстычнае, разважальнае, урыўкавае. Адсюль – набліжэнне да жанру малой паэмы, дзе кожны радок мае канцэптуальную вагу, і адначасова – да «пункціра», які дазваляе існаваць няпэўнасці, шматзначнасці, незавершанасці.

Кніга М. Гілевіча «Ню» (2020) – творчае выказванне, у якім тэкст, паратэкст і аўтарская стратэгія ўтвараюць складаную структуру на перасячэнні асабістай лірыкі, філасофскага роздуму і мастацкай самапрэзентацыі. У цэнтры зборніка – эстэтычна-сэнсавая канцэпцыя «аголенасці», якая выступае метафарай фізічнаму стану, ключом да разумення ўнутранага свету чалавека. Гэта «аголенасць натуры, нерваў, чуллівае душы», як адзначаецца ў анатацыі да кнігі [15]. У вершах М. Гілевіча аголенасць пераўтвараецца ў форму быцця, у канцэпт адкрытасці чалавека і свету. Напрыклад, у вершы, што пачынае зборнік, чытаем:

голая
бездапаможная
ад сябе самой уцякаеш
у саму сябе дзе
засталіся твае сляды
<...>
голая
бездапаможная
ню
ты застаешся
мовай
целам
радзімай [15, с. 5].

Тут «ню» сягае за межы канкрэтнага вобраза: жанчына як мова, як месца, як зямля. Такая метафорыка выводзіць інтымную лірыку ў плоскасць анталагічных катэгорый, дзе цела і слова зліваюцца ў адзіную сутнасць, у знак прысутнасці на зямлі («Калі да прыходу жанчыны», «Вяртаецца любоў мінулым лісцем», «Ведаеш, ты сядзеш гэтак блізка, побач» і інш.).

Аўтарская стратэгія зборніка «Ню» бачыцца ў свядомым імкненні скасаваць жорсткую жанравую спецыфікацыю, наблізіць верш да натуральнага стану маўлення – жывога, адкрытага. Паэт сцвярджае: «Паэзію трэба слухаць поўсцю» [15, с. 19], – акцэнтуючы ўвагу на цэласнасці паэтычнага ўспрымання, стыхійнай прыродзе творчага акта, што вымагае ўключанасці ў агульны рытм мыслення, эмоцыі, вобраза (мэтанакіраваная дэстабілізацыя чытацкага аўтаматызму).

Такая стратэгія фарміруе асаблівую форму чытацкага ўдзелу – адначасова інтуітыўнага і аналітычнага. Паводле слушнага назірання рэцэнзента Р. Шастак, гэта паэзія ахоплівае «каханне і чалавечыя стасункі, экзістэнцыю і сэнс існавання на зямлі, каштоўнасць жыцця і «за краіну радзімую жах» [16, с. 249]. Скарыстаныя аўтарам «мінус-прыёмы» – складнікі канцэптуальнай сістэмы, дзе чытач – інтэрпрэтатар і саўдзельнік у пабудове сэнсу. У выніку тэкст становіцца семантычна лабільным для аўтара і для кожнага, хто яго слухае «поўсцю».

Паратэкст у зборніку «Ню» падтрымлівае тэкст і актыўна яго развівае. Вокладка з рэпрадукцыяй «Зорка Венера» А. Ксёндзава, як і іншыя працы мастака ў кнізе («Ева-спакусніца», «Мядовая»), фарміруе метафорыку кахання, жаночага вобраза, спакусы, прыгажосці. Ілюстрацыі не з'яўляюцца простай аздобай, яны вядуць дыялог з тэкстамі, умацоўваючы тэматычныя і сэнсавыя лініі. Нават выдавецкія дэталі –нумарацыя старонак словамі, аблямоўка ў выглядзе тонкай палоскі, шрыфт

з мяккай, вытанчанай пластыкай – эстэтычная падсветка, у якой тэкст – частка гарманічнага візуальна-вербальнага цэлага.

Нават фотаздымак М. Гілевіча каля помніка Еўфрасінні Полацкай, змешчаны ў кнізе, набывае ідэалагічную і культурную канатацыю –духоўнай суладнасці, гістарычнай пераемнасці. У ім – павага да жаночай прысутнасці ў нацыянальнай традыцыі, да яе асветніцкай, ахоўнай, сакральнай ролі. Апошняя не аднойчы падкрэсліваецца ў вершах: «Ты – мая Саграда Фамілія. / Недабудаваная, недацалаваная, недачапаная. / Ты – мая адзіная на ўсім свеце філія» [16, с. 14].

Такім чынам, «Ню» – комплексны эстэтычны праект, у якім кожны элемент – ад верша да шрыфта, ад графічнага рашэння да візуальных асацыяцый – працуе на адну мэту: зафіксаваць і ўвасобіць стан абсалютнай унутранай адкрытасці, дзе каханне і паэзія – формы існавання і спасціжэння чалавека як чалавека.

Кніга В. Дубоўскага «ТутСамасць» (2024) – прыклад дбайна прадуманага літаратурна-філасофскага праекта: тытульная кампазіцыя разгорваецца як дуальная семантычная мадэль. «Тут» абазначае лакалізаваную прастору дзеяння, увасаблення, жыццёвай прысутнасці, тады як «самасць» выяўляе ўнутраную суб'ектыўнасць, інтэнцыю мыслення, канцэнтрат аўтарскай індывідуальнасці. Сімвалічная каляровая разбіўка назвы на вокладцы замацоўвае гэты дыскурсавы разлом. Ілюстрацыя – фігуры людзей рознага росту, што нібыта вырастаюць з чорнай, «касцяной» зямлі, – можа ўказваць на пераемнасць пакаленняў, іх культурную ўкаранёнасць.

Адзначанае вышэй пацвярджаецца іншымі паратэкстуальнымі элементамі. Так, у аўтабіяграфіі, размешчанай на адваротным баку супервокладкі, выразна падкрэсліваецца сувязь В. Дубоўскага з прадстаўнікамі ўласнага і старэйшага пакалення айчынных пісьменнікаў: Рыгорам Барадуліным, Генадзем Бураўкіным, Нілам Гілевічам, Алесем Разанавым і іншымі. Асаблівую ўвагу заслугоўвае прызнанне аўтара, што менавіта «пад прымусам двух Рыгораў» – Барадуліна і Семашкевіча – ён усур'ёз звярнуўся да творчасці [18]. Гэты аўтабіяграфічны кантэкст у спалучэнні з эпіграфам – вершам Р. Барадуліна «Не згубіцца ў шматгалоссі» і яго факсіміле – фарміруе адзіны выразны кірунак інтэрпрэтацыі: аўтар выяўляе сябе як носьбіт культурнай пераемнасці, яе працяг і сведка, што ўваходзіць у літаратурную традыцыю не з перыферыі, а знутры яе духоўнага і творчага поля.

«Вушкі» супервокладкі, складзеныя ўсярэдзіну кнігі, выконваюць ролю паратэкстуальнага носьбіта істотнай інфармацыі. У дадзеным выпадку яны змяшчаюць барадулінскую цытату-характарыстыку і адначасова могуць выкарыстоўвацца як зручная закладка. Такая тэхнічная дэталь сведчыць пра імкненне аўтара і выдаўца да інтэрактыўнасці матэрыялу, дзе кожны элемент афармлення не другасны, а мае выразную функцыю ў агульнай камунікацыі з чытачом.

Структура зборніка, а таксама катэгарычная анатацыя «Той, хто адчувае паэзію як філасофію, а вышэйшай формай філасофіі прызнае паэзію, – той можа разгарнуць гэту кнігу» [18], фарміруюць інтэлектуальны маршрут – ад пачатковай нявызначанасці і штуршку (раздзел «Падзвонне») праз канцэнтрацыю «Я» (раздзел «Тутсамасць») да пераадолення ўнутранай патрэбы (раздзел «Бажанне»).

У межах сучаснай філалагічнай дыскусіі паняцце паратэксту, уведзенае Ж. Жэнетам, даўно выйшла за межы вузкага разумення як інструментальнага апісання «парогаў» друкаванага тэксту. У эпоху дзіджыталізацыі і мультымедыйных платформ паратэкст ператвараецца з другаснага дадатку ў актыўнага ўдзельніка камунікацыі.

Нягледзячы на тое, што арыгінальная канцэпцыя паратэксту распрацоўвалася для кніжнай прасторы, яна з лёгкасцю транспануецца ў новыя ўмовы, у тым ліку ў віртуальнае асяроддзе. У інтэрнэт-прасторы, дзе прынцып валідацыі першатэксту застаецца праблематычным, паратэкст набывае функцыю арыенціра ў свеце калектыўнага розуму і калектыўнага пісьма. Каментарыі, рэпосты, інтэрпрэтацыі без указання аўтарства, парушэнні знакавай сістэмы тэксту – усё гэта стварае другасны культурны слой, што дзейнічае як частка «калектыўнай свядомасці». Аднак тут важна адрозніваць медыйную адвольнасць ад аўтарскай стратэгіі. У якасці знакавага прыкладу постмадэрнісцкай гульні з аўтарствам, жанравымі межамі і гістарычнай памяццю варта ўзгадаць інтэрнэт-дзённік «BARBARA RADZIWILL'S JOURNAL» Марыі Мартысевіч. Гэты тэкст першапачаткова быў апублікаваны на блог-платформе LiveJournal ад імя гістарычнай фігуры – каралевы польскай і вялікай княгіні літоўскай Барбары Радзівіл (прыём штучнай дакументальнасці). М. Мартысевіч выкарыстоўвае мову нам сучаснай літаратуры, каб выказаць інтымны, суб'ектыў-

ны досвед некалі існуючай асобы праз прызму алюзій і культурна-гістарычных рэканструкцый, народжаных на скрыжаванні прыватнага і калектыўна-гістарычнага досведу.

У далейшым фрагменты дзённіка былі ўключаны ў кнігу «Цмокі лятуць на нераст» (2008), якую аўтарка акрэсліла як «эсэ ў вершах і ў прозе». Такім чынам, М. Мартысевіч свядома пераасэнсоўвае жанравыя межы, паказваючы, што паэзія можа быць сродкам інтэлектуальнай рэфлексіі, а эсэ – формай мастацкага і эмацыянальна напоўненага выказвання.

Паратэкст адыгрывае істотную ролю ў працы з адлічбаванымі выданнямі. Сканы кніг захоўваюць аўтарскія артэфакты – нумарацыю, загалоўкі, эпіграфы, візуальнае афармленне – элементы, што выконваюць семіятычную і сэнсавую функцыю: удакладняюць, накіроўваюць, раскрываюць глыбінныя сэнсы твора. Асабліва гэта прыкметна ў дызайне вокладак. Так, выява вока на вокладцы зборніка Казіміра Камейшы «Кубак блакіту» (1992) выражае антрапацэнтрычную пазіцыю суб'екта, які не сузірае, а ўсведамляе свет (філасофія, а не пейзаж). На вокладцы кнігі Навума Гальпяровіча «Сюжэт для вечнасці» (2013) – малюнак дома, пазбаўленага фарбаў, быццам сцёртага дотыкам рукі – візуалізуецца канцэпт знікання, згасання памяці – рэканструкцыя тэмы чалавечай прысутнасці як следу. Восеньскі краявід на вокладцы зборніка Рагнеда Малахоўскага «Жыві» (2014), дзе голыя дрэвы нахіляюцца над вадой, адлюстроўвае стан глыбокай інтраспекцыі, пераходнасці, экзістэнцыяльнай трывожнасці.

Аднак далёка не заўсёды аўтар сам выбірае вокладку ці можа паўплываць на выбар мастацкага рэдактара. Асабліва, калі размова пра серыйныя выданні («Першая кніга паэта», «Беларуская паэзія XX стагоддзя», «Бібліятэка беларускай паэзіі» – выдавецтва «Мастацкая літаратура»; «Бібліятэчка часопіса "Дзеяслоў"», «Бібліятэчка "Школы маладога літаратара"» і інш.).

У сучаснай беларускай літаратуры назіраецца тэндэнцыя да пашырэння межаў традыцыйнай кніжнай формы, што асабліва яскрава праяўляецца ў аўдыякнігах і мультымедыйных выданнях, у тым ліку на жорсткіх носьбітах. Такія выданні закладаюць новыя прынцыпы ўзаемадзеяння з літаратурным тэкстам: магчымасць навігацыі, рэдактурнага драбнення, пераўпарадкавання частак, увядзення музычных ці візуальных кампанентаў пераўтварае кнігу ў поліфанічную структуру, дзе паратэкст набывае асаблівую сэнсавую вагу. Сярод прыкладаў згадаем зборнік Р. Барадуліна «Лепей» (2013) з CD-дадаткам і факсімільным выданнем рукапісных нататнікаў. Да выдання прыкладаецца камплект прыватных фатаграфій, падпісаных аўтарам. Іншы прыклад – зборнік «Сны сасны» (2014), дапоўнены аўдыёдыскам, на якім паэт сам чытае свае творы, і фотаздымкамі Вадзіма Грудзькі.

CD-праект «Матылёк» (2016) барда Т. Беланогай створаны паводле твораў Я. Янішчыц. Ён змяшчае 28 песень на вершы «палескай ластаўкі», 66 аўдыёзапісаў з архіва Белтэлерадыёкампаніі з вершамі у аўтарскім чытанні Я. Янішчыц і інш. Усе гэтыя формы падачы тэксту сведчаць пра тое, што межы паміж зместам і паратэкстам у сучаснай айчыннай літаратуры істотна размываюцца, а сам тэкст успрымаецца як складаны гіпертэкстуальны комплекс, дзе візуальнае, акустычнае і дакументальнае пачынаюць функцыянаваць «на роўных» з мастацкім словам.

Аналітычная эфектыўнасць канцэпцыі паратэксту слабее, калі мяжа паміж асноўным тэкстам і яго паратэкстуальным атачэннем становіцца празрыстай. Такая сітуацыя характэрная як для віртуальнай культуры, так і для фальклорнай традыцыі, дзе немагчымая ідэнтыфікацыя аўтарства. Аднак нават у выпадку ананімнага бытавання твора паратэкстуальная логіка не знікае: фальклорныя тэксты не з'яўляюцца спантанна – за імі стаіць індывідуальны творчы акт, які, страціўшы аўтарскую маркіроўку, трансфармуецца ў калектыўную імправізацыю. У гэтым кантэксце фальклор выступае як пераходная форма паміж індывідуальнай і калектыўнай мадэллю тэкстатворчасці, а паратэкст – як рытуал перадачы значэнняў і адначасова мадэль усталявання сэнсавай пераемнасці.

Заключэнне. Такім чынам, канцэпцыя паратэксту Ж. Жэнета у сучасным літаратуразнаўстве трансфармавалася з дапаможнай аналітычнай мадэлі ў паўнавартасны метад даследавання аўтарскай камунікатыўнай стратэгіі. Паратэкст, які складаецца з перытэксту і эпітэксту, выконвае інфармацыйную, эстэтычную і аксіялагічную функцыі, фарміруе пачатковы кантэкст успрымання тэксту, уплываючы на чытацкую рэцэпцыю, мадэлюючы інтэлектуальна-эмацыянальны «ўваход» у твор.

Эпітэкст як прастора вонкавага інтэрпрэтавання (рэцэнзіі, інтэрв'ю, навуковыя артыкулы і г. д.) часта дзейнічае спантанна і непрадказальна, але можа істотна ўплываць на ўспрыманне, літара-

турны лёс твора і яго ўключэнне ў нацыянальны канон. У паэзіі паратэкст не з'яўляецца дапаможным або маргінальным, а выступае паўнавартасным удзельнікам мастацкай камунікацыі, ініцыіруе метапаэтычную рэфлексію і дапамагае фарміраваць канцэптуальнае "асяроддзе» твора.

Сучасная беларуская літаратура канца XX – пачатку XXI ст. дэманструе выразную тэндэнцыю да аўтарскай аўтаідэнтыфікацыі праз паратэкстуальныя формы. Апошнія аказваюць доўгатэрміновы ўплыў на рэцэпцыю творчасці, становяцца часткай аўтарскага міфа, нацыянальнай культурнай матрыцы, дзе асабістае, нацыянальнае і ўніверсальнае перасякаюцца ў межах паэтычнага выказвання.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Genette, G. Seuils / G. Genette. – Paris: Éd. du Seuil, 1987. – 400 p.
2. Погодин, А. Белорусские поэты / А. Погодин // Вестник Европы. – 1911. – № 1. – С. 326–334.
3. Акулін, Э. Плашчаніца: кніга паэзіі / Э. Акулін; мастак М. Шындзік. – Мн.: Палікрафт, 2020. – 48 с.
4. Кісліцына, Г. Паміж паэзіяй і фокусам / Г. Кісліцына // Звязда. – 2014. – 27 лют. – С. 5.
5. Морт, В. Эпідэмія ружаў: вершы, проза / В. Морт. – Вільнюс: Логвінаў, 2017. – 97 с.
6. Мятліцкі, М. Абеліск у жыце: вершы і паэма / М. Мятліцкі. – Мн.: Маст. літ., 1980. – 56 с.
7. Мятліцкі, М. Прысутнасць: вершы, паэма, вершаваная аповесць / М. Мятліцкі. – Мн.: Маст. літ., 2017. – 495 с.
8. Чабан, Т. На мяжы невымоўнага / Т. Чабан // Маладосць. – 1990. – № 4. – С. 162–168.
9. Алейнікава, Н. Ажыццяўляюся табою: паэзія / Н. Алейнікава. – Мн.: Колорград, 2018. – 95 с.
10. Аксак, В. Віно з Каліфорніі: вершы / В. Аксак. – Мн.: Юніпак, 2003. – 72 с.
11. Спрынчан, А. ЖываЯ: вершы / А. Спрынчан. – Мн.: Маст. літ., 2008. – 94 с.
12. Мастацкі дыялог класікі і сучаснасці: праблемы пісьменніцкага майстэрства / З. У. Драздова, Т. І. Вабішчэвіч, І. Г. Баўтрэль [і інш.]; навук. рэд. А. А. Манкевіч. – Мн.: Бел. навука, 2017. – 317 с.
13. Анемпадыстаў, М. Глыбока-глыбока, на дне філіжанкі кавы: вершы / М. Анемпадыстаў. – Мн.: Логвінаў, 2014. – 109 с.
14. Бараноўскі, М. Volumen.3: вершы / Бараноўкі. – Мн.: Цымбераў Р. М., 2024. – 54 с.
15. Гілевіч, М. Ню: выбраныя вершы / М. Гілевіч; мастак А. Ксёндзаў. – Мн.: Уладзімір Сіўчыкаў, 2020. – 94 с.
16. Шастак, Р. Ну і ню, або Аголены боль: рэцэнзія на кнігу Міколы Гілевіча / Р. Шастак // Дзеяслоў. – 2021. – № 1 (110). – С. 248–252.
17. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов / И. Х. Дворецкий. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1976. – 1096 с.
18. Дубоўскі, В. Тутсамасць: паэзія / В. Дубоўскі. – Мн.: Энцыклапедыкс, 2024. – 155 с.

References

1. Genette G. *Seuils.* Paris, Éditions du Seuil, 1987. 400 p. (in French).
2. Pogodin A. Belarusian poets. *Vestnik Evropy* [Herald of Europe], 1911, no. 1, pp. 326–334 (in Russian).
3. Akulin E. *Plashchanica: paezii book.* Minsk, Palikraft Publ., 2020. 48 p. (in Belarusian).
4. Kislitsyna G. Between poetry and focus. *Zvyazda* [Star], 2014, 27 February, p. 5 (in Belarusian).
5. Mort V. *The rogue epidemic: tops, prose.* Vilnius, Logvinau Publ., 2017. 97 p. (in Belarusian).
6. Myatlitski M. *Abelisk in life: tops and paema.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1980. 56 p. (in Belarusian).
7. Myatlitski M. *Presence: poems, poem, verse story.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2017. 495 p. (in Belarusian).
8. Chaban T. On the verge of the unspeakable. *Maladosts'* [Youth], 1990, no. 4, pp. 162–168 (in Belarusian).
9. Aleinikava N. *I am fulfilled by you: poetry.* Minsk, Kolorgrad Publ., 2018. 95 p. (in Belarusian).
10. Aksak V. *Wine from California: poems.* Minsk, Yunipak Publ., 2003. 72 p. (in Belarusian).
11. Sprynchan A. *Live: poems.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2008. 94 p. (in Belarusian).
12. Drazdova Z. U., Vabishchevich T. I., Bautrel' I. G., Pysko N. M., Ikonnikava L. U., Myatselitsa I. S. *Artistic dialogue between classics and modernity: problems of writing skills.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2017. 317 p. (in Belarusian).
13. Anempadystau M. *Deep, deep, at the bottom of a cup of coffee: poems.* Minsk, Logvinau Publ., 2014. 109 p. (in Belarusian).
14. Baranouski M. *Volumen.3: poems.* Minsk, Tsimberau R. M. Publ., 2024. 54 p. (in Belarusian).
15. Gilevich M. *Nude: selected works.* Minsk, Uladzimir Siuchykau Publ., 2020. 94 p. (in Belarusian).
16. Shastak R. Well and Nude, or Naked Pain: review of the book by Mikola Gilevich. *Dzeyaslou,* 2021, no. 1 (110), pp. 248–252 (in Belarusian).
17. Dvoretskii I. Kh. *Latin-Russian dictionary: about 50,000 words.* 2nd ed. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1976. 1096 p. (in Russian).
18. Dubouski V. *Here and Now: poetry.* Minsk, Entsyklapedyks Publ., 2024. 155 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Барановский Александр Александрович – кандидат филологических наук, заведующий отделом белорусской литературы XX и XXI вв. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: baranouski.ales@gmail.com

Information about the author

Aliaksandr A. Baranouski – Ph. D. (Philol.), Head of the Department of Belarusian Literature of the 20th and 21th centuries. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: baranouski.ales@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 347.962
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-253-264

Поступила в редакцию 26.03.2026
Received 26.03.2026

Е. Н. Ярмоц

Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь

ЭТИЧЕСКИЙ СТАТУС СУДЬИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. Актуальность темы данного исследования обусловлена особым социально-правовым статусом лиц, занимающих должность судьи. Поскольку судьи в Республике Беларусь являются государственными служащими, то на них распространяются положения как универсальных нормативных правовых актов, регулирующих судебную и процессуальную деятельность, так и положения специальных актов. Это особенно актуально в отношении регламентации этического статуса судей Республики Беларусь. Цель исследования заключается в изучении особенностей этического статуса судей в Республике Беларусь. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: охарактеризовать особенности правовой природы Кодекса чести судьи Республики Беларусь; выявить особенности этического статуса судей, касающиеся их служебной и внеслужебной деятельности; внести предложения по содержательному наполнению Кодекса чести судьи Республики Беларусь; провести сравнительно-правовой анализ некоторых положений Кодекса чести судьи Республики Беларусь и Кодекса судейской этики Российской Федерации. Методы исследования: общефилософские (анализ, синтез, дедукция), частно-правовые (сравнительно-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования). В результате сделаны следующие выводы: Кодекс чести судьи Республики Беларусь, принятый около 30 лет назад, нуждается в реформировании и обновлении в структурном и содержательном отношениях соответственно современным условиям государственно-общественного развития.

Ключевые слова: статус судей, судейская этика, Кодекс чести судьи, судебная и внесудебная деятельность

Для цитирования: Ярмоц, Е. Н. Этический статус судьи в Республике Беларусь / Е. Н. Ярмоц // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2026. – Т. 71, № 3. – С. 253–264. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-253-264

Elena M. Yarmats

A. S. Pushkin Brest State University, Brest, Belarus

ETHICAL STATUS OF A JUDGE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The relevance of this research topic is determined by the special socio-legal status of individuals holding judicial office. Since judges in the Republic of Belarus are civil servants, they are subject to the provisions of both universal normative legal acts governing judicial and procedural activity, as well as the provisions of special acts. This is particularly relevant with regard to the regulation of the ethical status of judges in the Republic of Belarus. The purpose of this study is to examine the specifics of the ethical status of judges in the Republic of Belarus. To achieve this goal, the following objectives must be addressed: to characterize the legal nature of the Code of Judicial Honor of the Republic of Belarus; to identify the specifics of the ethical status of judges regarding their official and extra-official activities; to make proposals for the substantive content of the Code of Judicial Honor of the Republic of Belarus; and to conduct a comparative legal analysis of certain provisions of the Code of Judicial Honor of the Republic of Belarus and the Code of Judicial Ethics of the Russian Federation. Methods: general philosophical (analysis, synthesis, deduction), specific legal (comparative legal, formal legal, legal modeling). The study concluded that the Code of Judicial Honor of the Republic of Belarus, adopted almost 30 years ago, requires reform and updating in both its structure and content to reflect the current conditions of state and social development.

Keywords: status of judges, judicial ethics, Code of Judicial Honor, judicial and extra-judicial activities

For citation: Yarmats E. M. Ethical status of a judge in the Republic of Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2026, vol. 71, no. 3, pp. 253–264 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2026-71-3-253-264

© Ярмоц Е. Н., 2026

Введение. В Республике Беларусь нормы, регулирующие правовой статус судей и его этико-правовые особенности, содержатся в Конституции Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей (далее – КоСиСС Республики Беларусь), в процессуальных кодексах Республики Беларусь и иных законодательных актах. Так, в ст. 111 Конституции Республики Беларусь содержится универсальное для всех юрисдикций правило, касающееся внесудебной деятельности судей, – запрет на осуществление предпринимательской деятельности и выполнение иной оплачиваемой работы, кроме преподавательской и научно-исследовательской. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, детально регулируя вопросы, касающиеся организации и функционирования судебной системы, правового статуса судей и народных заседателей, органов судейского сообщества, практически не содержит прямых предписаний относительно судейской этики. В этом плане можно говорить лишь о косвенном правовом регулировании. Например, в ч. 5 ст. 71 КоСиСС Республики Беларусь закрепляется необходимость строгого соблюдения судьями положений Кодекса чести судьи Республики Беларусь; в ч. 1 ст. 73 КоСиСС Республики Беларусь в качестве одного из требований, предъявляемых к кандидату в судьи Конституционного Суда Республики Беларусь, указывается наличие высоких моральных качеств, а в отношении претендентов на занятие должности судей общих судов – отсутствие порочащих поступков (ч. 1 ст. 76); в качестве одной из целей проведения квалификационного экзамена на должность судьи предусмотрена оценка морально-психологических качеств претендентов на соответствующую должность судьи (ч. 1 ст. 78).

Основная часть. Особенностью общего и этико-правового статуса судей является то, что, согласно ст. 14 Закона Республики Беларусь «О государственной службе» от 1 июня 2022 г. № 175-З, судьи являются государственными гражданскими служащими. Следовательно, на них распространяются как общие ограничения, характерные для всех государственных служащих в Республике Беларусь, так и ограничения, установленные исключительно для судей. Первая группа ограничений регламентирована в ст. 27 Закона Республики Беларусь «О государственной службе» от 1 июня 2022 г. № 175-З, согласно которой гражданский служащий не вправе занимать другие государственные должности; принимать участие в забастовках; выполнять иную оплачиваемую работу, не связанную с исполнением служебных обязанностей по месту основной службы, кроме педагогической (в части реализации содержания образовательных программ), научной, культурной, творческой деятельности и медицинской практики. Причем последние виды деятельности в рабочее время могут осуществляться только по согласованию с руководителем государственного органа, в котором гражданский служащий занимает гражданскую должность. Общие требования к служебной этике государственных гражданских служащих закреплены в приложении к вышеотмеченному закону [1].

Следует отметить, что международным стандартом в области поведения государственных должностных лиц является Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, в п. 1 которого подчеркивается, что «государственная должность – это должность, облеченная доверием, предполагающая обязанность действовать в интересах государства. Поэтому государственные должностные лица проявляют абсолютную преданность государственным интересам своей страны, представляемым демократическими институтами власти» [2].

В большинстве государств положения, регламентирующие этические правила поведения судей, содержатся в этических Кодексах поведения судей (Азербайджан, Бельгия, Италия, Литва, Мальта, Молдова, Словакия, Словения, Турция, Чехия, Эстония) [3]. В Республике Беларусь такой кодекс носит название Кодекс чести судьи Республики Беларусь.

А. А. Шафалович и О. В. Бодакова отмечают особую правовую природу Кодекса чести судьи Республики Беларусь. В силу того, что он был принят на Съезде судей, т. е. судейским сообществом, он не является нормативным правовым актом, а представляет собой документ профессиональной корпорации судей. Кодекс чести судьи Республики Беларусь представляет собой свод правил поведения этического характера судей. При этом, согласно ч. 1 ст. 91 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, за нарушение Кодекса чести судьи Республики Беларусь судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности, в том числе к такой мере дисциплинарной ответственности, как освобождение судьи от должности. Данное обстоятельство «вносит некую неопределенность характера нравственных стандартов поведения предста-

вителей судейской профессии» [4, с. 97]. Складывается ситуация, когда за нарушение норм этического характера, закрепленных в ненормативном правовом акте, для судей могут наступать серьезные негативные последствия в виде юридической ответственности.

По своей структуре этические кодексы также неоднородны. Одни представляют собой довольно объемные документы, обладающие разветвленной структурой, содержащие как конкретные нормы-правила поведения, так и предписания процедурного характера, сопровождающиеся в ряде случаев подробными комментариями к каждому правилу [5]. Другие, например, Кодекс чести судьи Республики Беларусь, наоборот, представляют собой краткий документ, содержащий общие этические правила поведения, имеющие универсальный, декларативный характер. По мнению О. В. Купцовой, последняя разновидность документов может быть отнесена к документам «старого» формата, которые «преимущественно декларируют нормы юридической аксиологии, т. е. высокие абстрактные идеалы (честь, доблесть, достоинство и т. п.)», не имеют определенного содержания и технической проработки [6, с. 64–65].

Документы этического характера, так называемого «нового образца», принятые в Республике Беларусь, следует называть Правилами профессиональной этики: Правила профессиональной этики адвоката (27 июня 2001 г.), Правила профессиональной этики нотариуса (16 ноября 2004 г.), Правила профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел (4 марта 2013 г.), Правила профессиональной этики и служебного поведения работников аппаратов судов общей юрисдикции Республики Беларусь (11 апреля 2016 г.). Их отличительной особенностью является более обширная и детальная регламентация норм поведения этического характера. Данные акты, в отличие от Кодекса чести судьи Республики Беларусь, являются нормативными, поскольку принимаются, утверждаются, а их исполнение контролируется соответствующими государственными органами (например, Министерством юстиции или Генеральной прокуратурой Республики Беларусь). Необходимо отметить, что для белорусской правовой системы характерна тенденция государственного регулирования стандартов этического поведения, что обусловливает ослабевание позиций корпоративных неправовых актов в сфере юридической этики.

Кодекс чести судьи Республики Беларусь, принятый 5 декабря 1997 г. (почти тридцать лет назад), с одной стороны, представляет несомненную ценность как первый в Беларуси документ, содержащий свод правил поведения этического характера профессионального сообщества судей. С другой стороны, данный документ, в силу объективных причин, с учетом реалий динамично развивающегося общества, распространения и внедрения в юридическую практику информационно-коммуникационных технологий, появления социальных сетей, разнообразных видов социальной деятельности и досуга, нуждается в реформировании. Кроме того, многие положения кодекса, на наш взгляд, сформулированы неконкретно. М. Г. Жук считает, что Кодекс чести судьи в недостаточной мере раскрывает основные положения этического статуса судей [7, с. 67].

Трансформация Кодекса, как видится, может быть осуществлена двумя способами: путем принятия официального Комментария к действующему Кодексу чести судьи Республики Беларусь, как это сделано в США (*ABA Model Code of Judicial Conduct*), либо с помощью разработки и принятия новой редакции Кодекса чести судьи Республики Беларусь. С нашей точки зрения, более оптимальным представляется последний вариант. Здесь возникает вопрос: должен ли Кодекс чести судьи поменять свою природу в части степени императивности закрепленных в нем предписаний этико-правового характера или же, наоборот, в силу нравственно-правовой природы содержащихся в нем предписаний его нормы должны быть сформулированы максимально широко и иметь универсальный, диспозитивный и неконкретизированный характер? Должен ли Кодекс чести судьи быть принят официальным государственным органом, что придаст ему юридическую силу нормативного правового акта или же он должен оставаться документом профессионального судейского сообщества? Следуя логике, принимая во внимание морально-этический характер правовых предписаний, содержащихся в Кодексе, прорабатывать содержание и формулировать нормы должно именно судейское сообщество как заинтересованная часть профессионального сообщества.

Представляется, что в случае возникновения у судьи сомнений относительно этичности или неэтичности той или иной ситуации он должен иметь возможность проконсультироваться с некой нейтральной стороной (коллегами), имеющей опыт в рассмотрении соответствующих вопросов, и не опасаться за конфиденциальность переданной и полученной информации. Междуна-

родное судейское сообщество рекомендует создавать такой орган(ы) в рамках своих национальных систем правосудия (п. 29 Заключения № 3 Консультативного совета европейских судей о принципах и правилах, регулирующих профессиональную деятельность судей, в особенности этику, недопустимое поведение и беспристрастность от 19 ноября 2002 г.). Подобного рода рекомендация содержится и в п. 1.4. Глобального кодекса судейской этики Болоньи-Милана (2015 г.): «Для содействия внедрению и толкованию кодекса настоятельно рекомендуется, чтобы каждая юрисдикция создала консультативный комитет по этике, который будет получать запросы от судей и других профессиональных авторитетов по вопросам этики и поведения» [8].

Е. В. Дубровин указывал на то, что в Республике Беларусь такой орган может быть создан в Верховном Суде Республики Беларусь или являться частью органов судейского сообщества, не выполняя при этом функций дисциплинарного производства в отношении судей [9, с. 36]. Мы солидарны с автором относительно его позиции и полагаем, что полномочия органа, оказывающего консультирование по вопросам судейской этики, должны быть вынесены за рамки института дисциплинарной ответственности. В Республике Беларусь на сегодняшний день функции по поддержанию высоких стандартов профессиональных и моральных качеств судей, закрепленных в Кодексе чести судьи Республики Беларусь, усилению гарантий их независимости, повышению ответственности и дисциплины в работе судов и судей, а также поддержанию высокого престижа судейского труда возложены на квалификационные коллегии судей (ст. 159 КоСиСС Республики Беларусь). Они же осуществляют дисциплинарное производство в отношении судей и проводят их аттестацию с учетом профессионального уровня судей.

Согласно ч. 2 ст. 152 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, Республиканский совет судей может образовывать постоянные и временные комиссии, которые являются рабочими органами по основным направлениям его деятельности. Так, в составе Республиканского совета судей Республики Беларусь, наряду с Постоянной комиссией по проведению общественной экспертизы и подготовке проектов законов и иных правовых актов, касающихся судоустройства, судопроизводства, деятельности судов и статуса судей, действует Постоянная комиссия по служебной этике и связям со средствами массовой информации [10, с. 13].

Поскольку члены квалификационных коллегий судей не могут входить в состав Республиканского совета судей, то, как видим, законодатель в Республике Беларусь разграничил функции по осуществлению дисциплинарного производства в отношении судей и функции рассмотрения вопросов судейской этики между двумя органами судейского сообщества, что, на наш взгляд, разумно. Другой вопрос состоит в том, что отсутствует (по крайней мере, в открытом доступе) какая-либо информация относительно порядка формирования, состава, основных функций и результатов деятельности Постоянной комиссии по служебной этике и связям со средствами массовой информации. Если данная комиссия осуществляет функции арбитра или консультанта по вопросам соблюдения судейской этики, то, по нашему мнению, в воспитательно-профилактических целях было бы целесообразно публиковать отчетность и заключения по рассматриваемым комиссией вопросам с применением технологии обезличивания персональных данных заинтересованных сторон. Кроме того, в открытом доступе отсутствуют официальная информация и статистика по поводу дел, касающихся нарушения этических норм и наложения взысканий за данные нарушения. В СМИ освещается лишь малая часть таких дел. Полагаем, что наличие официально опубликованной практики и статистических данных будет иметь воспитательное воздействие и способствовать укреплению авторитета судебной власти и судейского сообщества. Мы солидарны с А. А. Шафалович и О. В. Бодаковой, которые отмечают, что наличие такой информации усилит роль «профессиональной организации юристов, поскольку та смело демонстрирует свою реакцию на нарушения норм профессиональной этики, которых не лишена ни одна организация» [4, с. 185]. Также, по нашему мнению, слово «комиссия» лучше заменить словом «совет», поскольку основная задача данного органа заключается в оказании консультативной помощи по вопросам судейской этики, а не в даче императивных указаний и применении мер ответственности. Принимать решение относительно характера своего поведения будет все равно судья. Следует также предусмотреть прозрачный порядок формирования данного совета с обеспечением механизма ротации.

Если обратиться к зарубежной практике, то можно учесть опыт некоторых государств. Так, в Канаде существует Консультативный комитет по судебной этике, функции которого заключают-

ся в предоставлении конфиденциальных и оперативных консультаций судьям, столкнувшимся с этической дилеммой. В среднем он выносит около десяти консультативных заключений в год. При этом комитет довольно редко в императивной форме указывает судье, чем он должен или не должен заниматься. Комитет использует формулировки, основанные на принципе «разумности предлагаемого к совершению судьей действия», оставляя окончательное решение за судьей [11, p. 24]. Консультативные заключения составляются анонимно и, если заинтересованный судья не просит об ином, доступны всем федеральным судьям на платформе «JudgeNet», однако недоступны для широкой общественности или исследователей.

В штате Нью-Йорк (США) для вынесения консультативных заключений судьям по вопросам судейской этики учреждается Консультативный комитет по судебной этике. Члены комитета должны быть действующими или бывшими судьями [12].

В Испании действует Комиссия по судейской этике, состоящая из судей и лиц, обладающих признанным авторитетом и опытом академической работы в области философии права и этики. Состав судей – членов комиссии периодически обновляется на 50 процентов. Исполнение функций, возложенных на членов комиссии, считается почетной обязанностью и является безвозмездным. Заключения комиссии носят рекомендательный характер, подлежат опубликованию при условии исключения персональных данных [13, с. 58].

В Российской Федерации в структуре Совета судей Российской Федерации предусмотрена система специализированных комиссий по отдельным вопросам судебной деятельности, в том числе по вопросам, связанным с этико-правовым положением судей: комиссия по вопросам статуса судей и правового положения работников аппаратов судов; комиссия по этике; дисциплинарная комиссия; комиссия по реализации мероприятий противодействия коррупции, урегулированию конфликта интересов во внеслужебных отношениях и при исполнении судьями своих полномочий [14]. В Казахстане также имеется комиссия по судейской этике [15, с. 465].

В Эстонии действует Этический совет судей, который является совещательным органом. Совет может давать общие рекомендации относительно поведения судей как по своей инициативе, так и по предложению судей. Мнения и рекомендации Совета публикуются на сайте Государственного суда при условии обеспечения анонимности заявителя и других причастных лиц. Совет состоит из пяти судей и председателя, который руководит работой Совета. При разрешении конкретного вопроса Совет может привлечь для получения мнения эксперта по вопросам этики (п. 33–40 Кодекса поведения эстонских судей) [16].

В Литве в соответствии с Законом «О судах» от 31 мая 1994 г. № I-480 были созданы следующие органы судейского сообщества: Общее собрание судей, Совет судей и Суд чести судей. Совет судей формирует составы Комиссии по судейской этике и дисциплине и Постоянной комиссии по оценке деятельности судей. Суд чести состоит из девяти судей, два из которых являются судьями Верховного Суда, в его состав также входят по два представителя Апелляционного суда и Высшего административного суда и три судьи – представители из числа судей всех окружных административных судов. Членом Суда чести судей не может избираться член Совета судей, член Комиссии по судейской этике и дисциплине [15, с. 461–462].

Что касается содержательной части документов, регламентирующих вопросы судейской этики, то, как показывает анализ соответствующих этических кодексов и правил поведения, международная практика в целом идет по пути расширения и детализации правового регулирования норм этического характера относительно правил поведения судей и соответствующих норм процедурного характера. Национальные юрисдикции зарубежных государств также следуют данной тенденции. Несмотря на то что содержание многих положений Кодекса чести судьи Республики Беларусь, в целом, согласуется с международными стандартами в этой области (независимость, беспристрастность, политическая нейтральность и т. п.), некоторые положения Кодекса чести судьи Республики Беларусь сформулированы очень широко, некоторые не сформулированы вовсе или же могут быть по-разному интерпретированы.

В Кодексе чести судьи Республики Беларусь обозначены пределы его действия: положения Кодекса чести судьи Республики Беларусь распространяются как на судей, так и на судей, находящихся в отставке, сохраняющих звание судьи и принадлежность к судейскому сообществу (ч. 2 ст. 1 Кодекса чести судьи Республики Беларусь). Однако, в соответствии со ст. 2 КоСиСС, судебная власть в Бе-

ларуси осуществляется судами в лице судей и привлекаемых в установленном порядке к участию в деятельности суда по осуществлению правосудия народных заседателей. Также, исходя из общего смысла ст. 67 КоСиСС «Независимость судьи и народного заседателя», можно предположить, что народные заседатели при осуществлении правосудия в составе судейской коллегии при рассмотрении соответствующих категорий дел приравниваются в статусе, правах, обязанностях и гарантиях их осуществления к судьям Республики Беларусь. В ч. 4 ст. 71 КоСиСС Республики Беларусь отмечается: «При осуществлении правосудия судьи и народные заседатели должны неукоснительно соблюдать Конституцию Республики Беларусь, законы и иные законодательные акты, <...> высокую культуру судебной деятельности, быть справедливыми и беспристрастными». При этом в Кодексе чести судьи Республики Беларусь какое-либо указание на народных заседателей отсутствует. В этой связи полагаем целесообразным распространить некоторые правила этического поведения судей на народных заседателей в период осуществления ими своих обязанностей по отправлению правосудия, в частности, правила, касающиеся культуры общения народного заседателя при исполнении своих обязанностей и общих этических правил поведения в судебном заседании.

Предлагаем следующую редакцию ч. 2 ст. 1 Кодекса чести судьи Республики Беларусь: «Правила поведения, предусмотренные настоящим Кодексом, распространяются также на судей, находящихся в отставке, сохраняющих звание судьи и принадлежность к судейскому сообществу, и народных заседателей, привлекаемых к осуществлению правосудия, в части, касающейся культуры общения, на время исполнения ими своих обязанностей, за исключением случаев, когда из существа отношений не вытекает иное». Следует отметить, что в п. 2 ст. 2 Кодекса судейской этики Российской Федерации закреплено, что правила профессионального поведения, установленные Кодексом, применяются также к лицам, привлекаемым к осуществлению правосудия (присяжные заседатели и арбитражные заседатели), в период выполнения ими функций по отправлению правосудия.

Подавляющее большинство этических кодексов и правил поведения судей в зарубежных государствах во вводных положениях (Преамбуле) содержит указания на особую социальную и государственную значимость судебной власти, а также положение, занимаемое представителями судейского корпуса, для функционирования и развития правового государства, гражданского общества и правовой системы в целом, а также на прямую зависимость деятельности судей на авторитет и имидж судебной власти. В этой связи предлагаем дополнить ст. 1 Кодекса чести судьи Республики Беларусь частью третьей следующего содержания: «Судья должен осознавать повышенное внимание со стороны общества и демонстрировать высокие стандарты поведения в целях укрепления доверия и утверждения авторитета судебной власти». Данное положение в очередной раз подчеркнет важность существования независимой и беспристрастной судебной власти в государстве, а также теории разделения властей, что, на наш взгляд, не будет излишним в документе подобного рода.

В Кодексе чести судьи Республики Беларусь в недостаточной мере конкретизированы его основные положения, касающиеся этических правил поведения при осуществлении судебной и внесудебной деятельности. Примечательно, что в зарубежных государствах, в том числе в российском законодательстве, при обозначении деятельности, не связанной с судебной, употребляется словосочетание «внесудебная деятельность», а в белорусском – «внеслужебная деятельность». Это призвано, на наш взгляд, подчеркнуть статус судьи в качестве государственного служащего. Учитывая высокий статус судей в правовой системе государства, в отношении них более корректно было бы употребление словосочетания «судебная» и «внесудебная» деятельность. В Российской Федерации, к слову сказать, редакции как настоящего (от 19 декабря 2012 г.), так и предыдущего Кодекса судейской этики (от 2 декабря 2004 г.) структурно представлены разделами о правилах поведения судьи при осуществлении профессиональной судебной деятельности и во внесудебной деятельности, соответственно. В Кодексе чести судьи Республики Беларусь, возможно, в силу небольшого объема данного документа (14 статей), такое разграничение непосредственно не предусмотрено. В Кодексе чести судьи Республики Беларусь имеется лишь одна норма (ст. 7), регламентирующая внеслужебную деятельность судей. Однако содержательно-смысловое разграничение данных двух видов деятельности судей в Кодексе все же имеется.

Основная часть Кодекса чести судьи Республики Беларусь начинается с обозначения принципа независимости, объективности и беспристрастности в деятельности судьи. Причем данная норма сформулирована предельно широко во времени и пространстве: «Всегда и везде судья должен

вести себя таким образом, чтобы в обществе утверждалась уверенность в его независимости, объективности и беспристрастности при осуществлении правосудия» (ч. 1 ст. 3). О высокой степени моральной ответственности судьи перед обществом свидетельствует положение ч. 3 ст. 4 Кодекса чести судьи: «Во всех случаях судья должен продуманно осуществлять любой свой поступок, предвидеть его возможные последствия, соотносить его с нормами нравственности».

Довольно уникальным представляется содержание формулировки Кодекса чести судьи Республики Беларусь о том, что судья должен быть осмотрительным при выборе друзей и знакомых, избегать связей, которые могут скомпрометировать его (ч. 2 ст. 4). В документах подобного толка зарубежных государств мы не встречали такой формулировки. При наличии подобных положений в зарубежном законодательстве они, как правило, конкретизируются применительно к той или иной ситуации, например, участия судьи или его близких родственников в благотворительной или политической деятельности.

Ст. 6 Кодекса чести судьи Республики Беларусь идентична по содержанию статье 71 КоСиСС Республики Беларусь, смысл которой заключается в том, что судье запрещается публично высказывать свое мнение по делам, находящимся в его производстве или в производстве других судей. Однако в ст. 71 КоСиСС Республики Беларусь в качестве субъектов, на которых распространяется данный запрет, указаны и судья, и народный заседатель.

Ст. 7 Кодекса чести судьи Республики Беларусь посвящена так называемой «внеслужебной» деятельности судей. В ч. 1 указанной статьи отмечается, что судья не может осуществлять предпринимательскую деятельность, выполнять иную оплачиваемую работу, кроме преподавательской и научно-исследовательской. Такая норма содержится практически во всех документах международного и национального уровня, регламентирующих судейскую этику. Если в Кодексе судейской этики Российской Федерации (п. 1 ст. 5) устанавливается, что деятельность по отправлению правосудия является приоритетной для судьи по отношению к любой другой деятельности, которую он вправе осуществлять, то в законодательстве Республики Беларусь такая норма нигде не прописана. Основная функция судебной власти закрепляется в ч. 2 ст. 2 КоСиСС Республики Беларусь, согласно которой судебная власть осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых к участию в деятельности суда по осуществлению правосудия народных заседателей.

Норма о внеслужебной деятельности судьи, кроме категории «предпринимательская деятельность», содержит большое количество неюридических терминов. Кроме того, определения понятий «преподавательская деятельность» и «научно-исследовательская деятельность» в законодательстве Республики Беларусь отсутствуют. В Законе Республики Беларусь «О научной деятельности» от 21 октября 1996 г. № 708-XIII научная деятельность определена как «творческая деятельность, направленная на получение новых знаний о природе, человеке, обществе, искусственно созданных объектах и на использование научных знаний для разработки новых способов их применения» [17]. На сайте Белорусского института системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы имеется определение понятия «научные исследования (научно-исследовательские работы)» [18], которое дублирует определение научной деятельности, исходя из чего можно сделать вывод, что законодатель синонимирует понятия «научная» и «научно-исследовательская» деятельность.

В ч. 2 ст. 7 Кодекса чести судьи Республики Беларусь отмечается, что судья не вправе участвовать в просветительской и благотворительной деятельности, если это может повлиять на осуществление им должностных полномочий. Законодательное определение данных понятий в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. Имеется определение понятия «образовательная деятельность». Представляется, однако, что суть данных понятий различается. Просветительская деятельность – более широкая категория, включающая в себя образовательную. Е. В. Дубровин отмечает, что приведенная в ч. 2 ст. 7 Кодекса чести судьи Республики Беларусь формулировка довольно «мягкая» и не предполагает императивного требования о запрете осуществления такой деятельности, даже если она может отразиться на качестве правосудия [*9,* с. 35]. В этой связи предлагаем в ч. 2 ст. 7 Кодекса чести судьи Республики Беларусь словосочетание «Судья не вправе» заменить на словосочетание «Судье запрещено». В Кодексе судейской этики Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. данная норма сформулирована шире, посредством перечисления следующих видов внесудебной деятельности судей (п. 2 ст. 14): «Судья может заниматься различны-

ми видами внесудебной деятельности, включая творческую, общественную, благотворительную и иные, а также участвовать в различных публичных мероприятиях, если это не противоречит законодательству и не причиняет ущерб интересам правосудия» [19].

В белорусском законодательстве, таким образом, норма, касающаяся внеслужебной деятельности судей, сформулирована «негативно-императивно» и, в отличие от российской формулировки, не дает возможности ее расширительного толкования за счет наличия словосочетания «выполнять иную оплачиваемую работу, кроме преподавательской и научно-исследовательской», что автоматически отсекает все догадки о потенциально возможных видах деятельности как действующих, так и находящихся в отставке судей. В российском законодательстве норма сформулирована «позитивно-разрешительно» и заключается в перечислении различных видов деятельности, которыми «может» заниматься судья. Такая формулировка способствует расширительному толкованию вышеуказанной нормы. Этим обусловлено довольно активное обсуждение проблематики осуществления иной оплачиваемой деятельности судьями, находящимися в отставке, в Российской Федерации [20].

В 2012 г. Комиссия по этике Совета судей Российской Федерации разработала Кодекс судейской этики, в п. 5 ст. 2 которого закреплено следующее правило: если судья испытывает затруднения в определении того, будет ли его поведение в конкретной ситуации отправления правосудия либо во внесудебной деятельности соответствовать требованиям профессиональной этики и статусу судьи, или если судья не уверен в том, как поступить в сложной этической ситуации, чтобы сохранить независимость и беспристрастность, он вправе обратиться с соответствующим запросом в Комиссию Совета судей Российской Федерации по этике за разъяснением, в котором ему не может быть отказано. Данное положение предопределило в качестве основной функции Комиссии по этике деятельность по даче заключений и ответов на поступающие обращения от действующих судей и судей, пребывающих в отставке [21].

Подавляющее большинство заключений Комиссии касается вопросов возможности осуществления действующими судьями и судьями, находящимися в отставке, различных видов деятельности или занятия определенной должности. Данные заключения находятся в свободном доступе на сайте Совета судей Российской Федерации. Например, заключения о возможности осуществления судьей, пребывающем в отставке, деятельности фотографа [22]; о возможности размещать научно-практические публикации по правовым вопросам в веб-приложениях «Яндекс» и «Телеграм» [23]; о праве действующего судьи участвовать в спортивных соревнованиях в качестве спортивного судьи [24]; о праве пребывающего в отставке судьи замещать должность федеральной государственной гражданской службы в Министерстве юстиции Российской Федерации [25] и т. п.

Судьи, находящиеся в отставке, в Российской Федерации также не могут заниматься предпринимательской деятельностью, но могут осуществлять научную, преподавательскую и творческую деятельность при условии, что последняя не превращается в источник постоянного дохода, иначе это будет расценено как предпринимательская деятельность. С 2024 г. российским судьям разрешили вести Telegram-каналы и блоги в «Яндекс», касающиеся вопросов юриспруденции. Комиссия по этике Совета судей Российской Федерации пришла к выводу, что публикации в сети Интернет, по сути, ничем не отличаются от публикации текстов статей в научных журналах. Публикации через сеть Интернет к тому же обладают такими преимуществами, как быстрота и широта ее распространения и возможность получать обратную связь от читателей [26].

Содержание понятия творческой деятельности в законодательстве Российской Федерации не раскрыто, что вызвало ряд обращений в Комиссию по этике по вопросам возможности работать в сфере культуры судьям, пребывающим в отставке [27; 28].

В целом, нам импонирует формулировка ст. 20 Кодекса судейской этики Российской Федерации о вознаграждении, получаемом судьей, в связи с осуществлением им внесудебной деятельности: «Судья вправе получать вознаграждение и возмещение расходов за осуществление внесудебной деятельности, когда это не противоречит законодательству о статусе судей в Российской Федерации и если источник этих платежей не создает видимости влияния на исполнение судьей своих профессиональных обязанностей, а размер вознаграждения судьи сопоставим с размером вознаграждения, получаемого за аналогичную деятельность другими лицами, и не превышает разумных пределов, в частности, не превышает размеров денежного вознаграждения, получаемого судьей за осу-

ществление своей профессиональной деятельности». С одной стороны, она закрепляет право судьи заниматься незапрещенной внеслужебной деятельностью, а с другой – детализирует этико-правовые особенности данной деятельности. В Республике Беларусь имеется определение понятия «творческая деятельность» (напрамак культурнай дзейнасці, які ўключае мастацкую творчасць і іншую інтэлектуальную дзейнасць, што завяршаецца з'яўленнем новага, які раней не існаваў, выніку інтэлектуальнай дзейнасці ў сферы культуры») (п. 1.14 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры) [29].

Ст. 8 Кодекса чести судьи Республики Беларусь ограничивает участие судьи в политической деятельности. Так, судья имеет право принимать участие в избирательном процессе и подавать свой голос за того или иного кандидата в выборах республиканского и местного значения. При этом, согласно ст. 70 КоСиСС Республики Беларусь, судье запрещено баллотироваться на выборные должности в Парламент, местные Советы депутатов, быть членом Центральной избирательной комиссии, избирательных комиссий, комиссий по референдуму, по проведению голосования об отзыве депутата, политических партий, поддерживать их деятельность материально или иным способом. Судья может избирать и быть избранным в органы судейского сообщества.

В то же время участие в политической деятельности не ограничивается лишь членством в той или иной партии. Она может проявляться также в выступлении в поддержку политической организации или кандидата на выборную должность либо против кандидата на выборную должность; в участии в сборе средств, уплате взносов, посещении мероприятий, спонсируемых политической организацией или кандидатом; участии в шествиях и демонстрациях, имеющих политический характер, или в других политических акциях. Что касается последних, то в п. 1.2 ч. 1 ст. 26 Закона Республики Беларусь «О государственной службе» дается однозначный ответ: подобные действия запрещены всем категориям государственных служащих. Что касается иных проявлений политической активности, то в Кодексе чести судьи Республики Беларусь это отмечается следующим образом: «Судья должен избегать публичного выражения своих симпатий и антипатий к политическим партиям, иным общественным объединениям, преследующим политические цели, той или иной идеологии» (ч. 2 ст. 8).

В Российской Федерации Постановлением Совета судей Российской Федерации от 7 декабря 2023 г. № 29 были утверждены Рекомендации для судей при пользовании информационно-коммуникационных систем, включая Интернет, социальные сети, которые уже стали полноценной частью Кодекса судейской этики. Рекомендации представляют собой ориентир как для действующих судей, так и для претендентов на должность судьи при определении допустимого поведения с целью предупреждения нарушения Кодекса судейской этики. По словам председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова, судья должен следить, чтобы этика поведения в сети Интернет не нарушалась и членами его семьи. Также «если судья стал объектом оскорблений, вступать в переписку и реагировать не рекомендуется». Это вовсе не означает запрет на активные действия судьи в социальных сетях. Так, «судьи могут заниматься правовым просвещением, даже вести блоги, в которых рассказывается о вопросах правоприменения. Не комментировать конкретные дела, а разъяснять, как применяется закон, как складывается судебная практика» [30].

Также в Российской Федерации были разработаны Типовые правила пребывания посетителей в судах, которые определяют основные требования к порядку организации пропускного режима и обеспечению безопасности судебной деятельности. Так, для отказа в допуске в здание (помещение) суда (согласно п. 2.12 вышеуказанных Правил) существуют следующие основания: возраст лиц до 14 лет без сопровождения законных представителей, близких родственников, опекунов и т. п.; внешний вид лица, не отвечающий санитарно-гигиеническим требованиям; прибытие в суд в спортивной или пляжной одежде и обуви, в шортах выше колен, в одежде и обуви, имеющей надписи и рисунки, оскорбляющие человеческое достоинство или свидетельствующие о явном неуважении к обществу и суду, в одежде, не позволяющей идентифицировать личность; прибытие в суд лиц в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения; прибытие в суд с животными, за исключением собаки-проводника, допуск которой осуществляется при предъявлении документа, подтверждающего ее специальное обучение; отсутствие или отказ предъявить документы, удостоверяющие личность; отказ от прохождения проверки с использованием стационарного или переносного металлодетектора [31]. В Республике Беларусь, ввиду отсутствия правил подобного рода, по примеру Российской Федерации было бы

целесообразно разработать и разместить на сайте Верховного Суда Республики Беларусь и всех нижестоящих судов Типовые правила пребывания посетителей в здании суда и зале судебного заседания, в которых отражены соответствующие правила поведения.

Заключение. Таким образом, этические правила поведения судей, являясь частью правового статуса судей, находят свое законодательное выражение как в нормативных правовых актах, регламентирующих общеправовой статус судей, так и в специальных документах, посвященных этическим правилам поведения судей. В Республике Беларусь таким специальным актом является Кодекс чести судьи Республики Беларусь, принятый 5 декабря 1997 г. на Съезде судей Республики Беларусь. Учитывая современные условия существования государства и общества, стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, полагаем, что структура и содержание Кодекса чести судьи Республики Беларусь нуждаются в пересмотре и обновлении. На наш взгляд, структура Кодекса должна быть более разветвленной и соответствовать современным реалиям государственно-общественной жизни. Кодекс должен стать полноценным документом, регламентирующим различные аспекты осуществления судьями как судебной, так и внесудебной деятельности. Формулировки норм Кодекса не должны быть слишком широкими, чтобы не допускать их различного толкования. Кроме того, некоторые положения, касающиеся общей культуры общения в зале суда, необходимо распространить и на народных заседателей на период их участия в рассмотрении дела. Кодекс должен быть дополнен положениями, характеризующими правила поведения судей при пользовании социальными сетями и мессенджерами.

Список использованных источников

1. Общие требования служебной этики государственных гражданских служащих: Приложение к Закону Респ. Беларусь «О государственной службе» от 1 июня 2022 г. № 175-З // ilex: информ. правовая система (дата обращения: 25.09.2025).

2. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц: принят резолюцией 51/59 Генер. Ассамблеи от 12 дек. 1996 г. // Организация Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml (дата обращения: 25.09.2025).

3. Opinion no. 3 of the Consultative Council of European Judges (CCJE) to the attention of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the principles and rules governing judges' professional conduct, in particular ethics, incompatible behaviour and impartiality // Consultative Council of European Judges. – URL: https://https://rm.coe.int/16807475bb (date of access: 27.10.2025).

4. Шафалович, А. А. Некоторые особенности ответственности за нарушение норм профессиональной юридической этики / А. А. Шафалович, О. В. Бодакова // Право.by. – 2023. – № 1 (81). – С. 96–105.

5. South Dakota Code of Judicial Conduct / South Dakota Legislature. – URL: https:/sdlegislature.gov/Statutes/16-2-A (date of access: 01.12.2025); Minnesota Code of Judicial Conduct Adopted effective July 1, 2009 Including amendments through July 1, 2016 / Minnesota judicial branch. – URL: https://mncourts.gov/supremecourt/court-rules/professional-regulation-rules (date of access: 01.12.2025).

6. Купцова, О. В. Этическая регламентация профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел / О. В. Купцова // Российская юстиция. – 2016. – № 8. – С. 63–66.

7. Жук, М. Г. Морально-этические требования к судьям в контексте профессиональной судебной деятельности / М. Г. Жук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 62–68.

8. Bologna Milano Global Code of Judicial Ethics 2015 // International Commossion of Jurists. – URL: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2016/02/Bologna-and-Milan-Global-Code-of-Judicial-Ethics.pdf (date of access: 21.11.2025).

9. Дубровин, Е. В. Внеслужебная деятельность судей / Е. В. Дубровин // Юстыцыя Беларусі. – 2011. – № 2. – С. 34–36.

10. Республиканская конференция судей – важный шаг в развитии национальной судебной системы // Судовы веснік. – 2023. – № 4. – С. 10–13.

11. Devlin, R. F. (Re)Constructing Judicial Ethics in Canada / R. F. Devlin // McGeorge Law Review. – 2016. – Vol. 42. – Art. 2. – P. 19–34.

12. Advisory Committee on Judicial Ethics / Rules of the Chief Administrative Judge // New York State Unified Court System. – URL: https://ww2.nycourts.gov/rules/chiefadmin/101.shtml (date of access: 05.12.2025).

13. Соловьев, А. А. Основы правового статуса комиссии по судейской этике Королевства Испания / А. А. Соловьев // Российская юстиция. – 2023. – № 5. – С. 56–60.

14. Структура Совета судей // Совет судей Российской Федерации. – URL: https://www.ssrf.ru/o-sovietie-sudiei/struktura (дата обращения: 27.10.2025).

15. Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: коллективная монография; под ред. А. А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2019. – 608 с.

16. Code of Conduct of Estonian Judges (Adopted on 13 February 2004 at the third annual plenary meeting of judges) // Estonian Courts. – URL: https://www.kohus.ee/en/estonian-courts/judges/code-conduct-estonian-judges (date of access: 26.11.2025).

17. О научной деятельности: Закон Респ. Беларусь от 21 окт. 1996 г. № 708-XIII // ilex: информ. правовая система (дата обращения: 11.03.2026).

18. О научно-технической деятельности // Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы. – URL: https://belisa.org.by/deyatelnost-belisa/nauchno-tekhnicheskaya-deyatelnost/o-nauchno-tekhnicheskoy-deyatelnosti/ (дата обращения: 11.03.2026).

19. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г.: утвержден VIII Всерос. съездом судей 19 дек. 2012 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/499023323 (дата обращения: 31.10.2025).

20. Кравцова, Л. Е. Об осуществлении пребывающими в отставке судьями оплачиваемой деятельности / Л. Е. Кравцова // Вестник ВГУ. Серия «Право». – 2021. – № 3. – С. 46–59.

21. Комиссия Совета судей Российской Федерации по этике: традиции и новации // Журнал «Судья». – 2025. – № 6. – URL: https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/7ku1ybx3u1-komissiya-soveta-sudei-rossiiskoi-federa (дата обращения: 27.10.2025).

22. О праве судьи, пребывающего в отставке, осуществлять деятельность фотографа, используя специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»: заключение комиссии Совета судей Рос. Федерации по этике от 2 окт. 2023 г. № С/КЭ-10 // Гарант. Информационно-поисковое обеспечение. – URL: https://base.garant.ru/408274787 (дата обращения: 29.10.2025).

23. О возможности судьи размещать научно-практические публикации по правовым вопросам в веб-приложениях «Яндекс» и «Телеграм»: заключение комиссии Совета судей Рос. Федерации по этике от 24 мая 2023 г. № С/КЭ-4 // Совет судей Российской Федерации. – URL: https://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/52962 (дата обращения: 29.10.2025).

24. О праве действующего судьи участвовать в спортивных соревнованиях в качестве спортивного судьи: заключение комиссии Совета судей Рос. Федерации по этике от 16 авг. 2022 г. № 13-КЭ // Совет судей Российской Федерации. – URL: https://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/47784 (дата обращения: 29.10.2025).

25. О праве пребывающего в отставке судьи замещать должность федеральной государственной гражданской службы в Министерстве юстиции Российской Федерации: заключение комиссии Совета судей Рос. Федерации по этике от 29 апр. 2022 г. № 7-КЭ // Совет судей Российской Федерации. – URL: https://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/46338 (дата обращения: 29.10.2025).

26. «Не рекомендуется»: кем не может работать экс-судья // Сфера. – 2024. – 30 янв. – URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/ne-rekomenduetsya-kem-ne-mozhet-rabotat-eks-sudya (дата обращения: 20.10.2025).

27. О праве судьи, пребывающего в отставке, заниматься оплачиваемой деятельностью в штате редакции средства массовой информации: заключение Комиссии Совета судей Рос. Федерации по этике от 25 мая 2011 г. № С/КЭ-5 // Совет судей Российской Федерации. – URL: http://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/10363 (дата обращения: 30.10.2025).

28. О праве судьи, пребывающего в отставке, работать в профессиональном музыкальном коллективе: заключение Комиссии Совета судей Рос. Федерации по этике от 3 дек. 2014 г. // Совет судей Российской Федерации. – URL: http://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/34890 (дата обращения: 30.10.2025).

29. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры: 20 ліп. 2016 г. № 413-З: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г.: адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 12.03.2026).

30. Куликов, В. Судьям разъяснили правила поведения в социальных сетях. – URL: https://rg.ru/2024/04/04/vyjdut-s-chestiu.html (дата обращения: 28.10.2025).

31. О Типовых правилах пребывания посетителей в судах: постановление Совета судей Рос. Федерации от 7 дек. 2023 г. № 32 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 28.10.2025).

References

1. *General requirements of official ethics of state civil servants:* Appendix to the Law of the Republic of Belarus “On Civil Service” of June 1, 2022, no. 175-Z. Available at: ileks: inform. pravovaya sistema (date of access: 25.09.2025) (in Russian).

2. *International Code of Conduct for Public Officials:* adopted by General Assembly resolution 51/59 of 12 Dec. 1996. United Nations. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml (date of access: 25.09.2025) (in Russian).

3. *Opinion no. 3 of the Consultative Council of European Judges (CCJE) to the attention of the Committee of Ministers of the Council of Europe on the principles and rules governing judges’ professional conduct, in particular ethics, incompatible behaviour and impartiality.* Consultative Council of European Judges. Available at: https://rm.coe.int/16807475bb (date of access: 27.10.2025).

4. Shafalovich A. A., Bodakova O. V. Some features of responsibility for violation of professional legal ethics. *Pravo.by,* 2023, no. 1 (81), pp. 96–105 (in Russian).

5. *South Dakota Code of Judicial Conduct.* South Dakota Legislature. Available at: https:/sdlegislature.gov/Statutes/16-2-A (date of access: 01.12.2025); Minnesota Code of Judicial Conduct Adopted effective July 1, 2009 Including amendments through July 1, 2016. Minnesota judicial branch. Available at: https://mncourts.gov/supremecourt/court-rules/professional-regulation-rules (date of access: 01.12.2025).

6. Kuptsova O. V. Ethical regulation of professional activity of employees of internal affairs bodies. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian justice,* 2016, no. 8, pp. 63–66 (in Russian).

7. Zhuk M. G. Moral and ethical requirements for judges in the context of professional judicial activity. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhaŭnaga ŭniversiteta imya Ya. Kupaly. Seriya 4. Pravaznaŭstva = Bulletin of the Ya. Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence,* 2021, vol. 11 (2), pp. 62–68 (in Russian).

8. *Bologna Milano Global Code of Judicial Ethics 2015.* International Commission of Jurists. Available at: https://www.icj.org/wp-content/uploads/2016/02/Bologna-and-Milan-Global-Code-of-Judicial-Ethics.pdf (date of access: 21.11.2025).

9. Dubrovin E. V. Extra-official activities of judges. *Yustytsyya Belarusi = Justice of Belarus,* 2011, no. 2, pp. 34–36 (in Russian).

10. Republican conference of judges is an important step in the development of the national judicial system. *Sudovy vesnik = Court Gazette,* 2023, no. 4, pp. 10–13 (in Russian).

11. Devlin R. F. (Re)Constructing Judicial Ethics in Canada. *McGeorge Law Review,* 2016, vol. 42, art. 2, pp. 19–34.

12. *Advisory Committee on Judicial Ethics* / Rules of the Chief Administrative Judge. New York State Unified Court System. Available at: https://ww2.nycourts.gov/rules/chiefadmin/101.shtml (date of access: 05.12.2025).

13. Solov'yev A. A. Foundations of the legal status of the Commission on Judicial Ethics of the Kingdom of Spain. *Rossiyskaya yustitsiya = Russian justice,* 2023, no. 5, pp. 56–60 (in Russian).

14. *Structure of the Council of Judges.* Available at: https://www.ssrf.ru/o-sovietie-sudiei/struktura (date of access: 27.10.2025) (in Russian).

15. Dorskaya A. A. (ed.). *Judicial legal policy in Russia and foreign countries: A collective monograph.* Saint Petersburg, Asterion Publ., 2019. 608 p. (in Russian).

16. Code of Conduct of Estonian Judges (Adopted on 13 February 2004 at the third annual plenary meeting of judges). *Estonian Courts*. Available at: https://www.kohus.ee/en/estonian-courts/judges/code-conduct-estonian-judges (date of access: 26.11.2025).

17. *On scientific activity: Law of the Republic of Belarus of October 21, 1996, no. 708-XIII.* Available at: ileks: inform. pravovaya sistema (date of access: 11.03.2026) (in Russian).

18. *On scientific and technical activities.* Available at: https://belisa.org.by/deyatelnost-belisa/nauchno-tekhnicheskaya-deyatelnost/o-nauchno-tekhnicheskoy-deyatelnosti/ (date of access: 11.03.2026) (in Russian).

19. *Code of Judicial Ethics of December 19, 2012: approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on December 19, 2012.* Available at: https://docs.cntd.ru/document/499023323 (date of access: 31.10.2025) (in Russian).

20. Kravtsova L. E. On the performance of paid activities by retired judges. *Vestnik VGU. Seriya «Pravo» = VSU Bulletin. Series "Law",* 2021, no. 3, pp. 46–59 (in Russian).

21. Commission on Ethics of the Council of Judges of the Russian Federation: traditions and innovations. *Zhurnal «Sud'ya» = Magazine "Judge".* Available at: https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/7ku1ybx3u1-komissiya-soveta-sudei-rossiiskoi-federa (date of access: 27.10.2025) (in Russian).

22. On the right of a retired judge to carry out the activities of a photographer using the special tax regime "Tax on professional income": conclusion of the Commission on Ethics of the Council of Judges of the Russian Federation of October 2, 2023, no. S/KE-10. *Garant. Informatsionno-poiskovoye obespecheniye = Guarantor. Information retrieval support.* Available at: https://base.arant.ru/408274787 (date of access: 29.10.2025) (in Russian).

23. On the possibility of a judge posting scientific and practical publications on legal issues in the web applications "Yandex" and "Telegram": conclusion of the Commission on Ethics of the Council of Judges of the Russian Federation of May 24, 2023, no. S/KE-4. *Sovet sudey Rossiyskoy Federatsii = Council of Judges of the Russian Federation.* Available at: https://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/52962 (date of access: 29.10.2025) (in Russian).

24. On the right of a sitting judge to participate in sports competitions as a sports judge: conclusion of the Commission on Ethics of the Council of Judges of the Russian Federation of August 16, 2022, no. 13-KE. *Sovet sudey Rossiyskoy Federatsii = Council of Judges of the Russian Federation.* Available at: https://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/47784 (date of access: 29.10.2025) (in Russian).

25. On the right of a retired judge to hold a position in the federal state civil service in the Ministry of Justice of the Russian Federation: conclusion of the Commission on Ethics of the Council of Judges of the Russian Federation of April 29, 2022, no. 7-KE. *Sovet sudey Rossiyskoy Federatsii = Council of Judges of the Russian Federation.* Available at: https://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/46338 (date of access: 29.10.2025) (in Russian).

26. "Not recommended": who an ex-judge cannot work for. *Sfera = Sphere.* Available at: https://legalacademy.ru/sphere/post/ne-rekomenduetsya-kem-ne-mozhet-rabotat-eks-sudya (date of access: 20.10.2025) (in Russian).

27. On the right of a retired judge to engage in paid activities as a staff member of a mass media editorial office: conclusion of the Commission on Ethics of the Council of Judges of the Russian Federation of May 25, 2011, no. S/KE-5. *Sovet sudey Rossiyskoy Federatsii = Council of Judges of the Russian Federation.* Available at: http://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/10363 (date of access: 30.10.2025) (in Russian).

28. On the right of a retired judge to work in a professional musical group: conclusion of the Commission on Ethics of the Council of Judges of the Russian Federation of December 3, 2014. *Sovet sudey Rossiyskoy Federatsii = Council of Judges of the Russian Federation.* Available at: http://www.ssrf.ru/dokumienty/zakliuchieniia/34890 (date of access: 30.10.2025) (in Russian).

29. Code of the Republic of Belarus on Culture of July 20, 2016, no. 413-Z. *ETALON: informatsionno-poiskovaya sistema = ETALON: information retrieval system* (date of access: 12.03.2026) (in Belarusian).

30. Kulikov V. *Judges explained the rules of conduct on social networks.* Available at: https://rg.ru/2024/04/04/vyjduts-chestiu.html (date of access: 28.10.2025) (in Russian).

31. On the Standard Rules for the Stay of Visitors in Courts: Resolution of the Council of Judges of the Russian Federation of December 7, 2023, no. 32. *Konsul'tantPlyus. Rossiya: spravochnaya pravovaya sistema = ConsultantPlus. Russia: Legal Reference System* (date of access: 28.10.2025) (in Russian).

Информация об авторе

Ярмоц Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина (б-р Космонавтов, 21, 224016, Брест, Республика Беларусь). E-mail: yarmots84@bk.ru

Information about the author

Elena N. Yarmats – Ph. D. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law. A. S. Pushkin Brest State University (21 Kosmonavtov Boulevard, Brest 224016, Belarus). E-mail: yarmots84@bk.ru